

Враги **И** союзники

Д.А. Жуков
И.И. Ковтун

РЕНА. Враг в советской форме

Annotation

История создания и служебно-боевой деятельности Русской национальной народной армии (РННА) является одной из наименее освещенных страниц в литературе, посвященной коллаборационизму. Формирование РННА представляет собой одну из первых относительно масштабных попыток германской разведки (абвера и отдела «Иностранные армии Востока») и командования группы армий «Центр» создать на Восточном фронте дееспособное русское коллаборационистское соединение. Эксперимент РННА продолжался относительно недолго — с марта 1942 г. по ноябрь 1943 г. (когда батальоны этого соединения были переброшены на Западный фронт — во Францию). На протяжении всего этого времени формирование постоянно находилось в орбите борьбы компетенций различных германских ведомств и взглядов нацистского руководства на проблему использования русских коллаборационистов в войне против СССР. Особый интерес представляет то, что в период своего существования чины РННА носили модернизированную советскую форму.

И. И. Ковтун, Д. А. Жуков

РННА. Враг в советской форме

Введение

Летопись создания и служебно-боевой деятельности Русской национальной народной армии (РННА), или — что точнее — экспериментального соединения «Граукопф», до настоящего времени является одной из наименее освещенных страниц в научной литературе, посвященной отечественному коллаборационизму^[1].

Между тем, формирование РННА представляет собой одну из первых относительно масштабных попыток германской разведки (абвера и отдела «Иностранные армии Востока») и командования группы армий «Центр» создать на Восточном фронте дееспособное русское коллаборационистское соединение. Изначально РННА дислоцировалась в белорусском поселке городского типа Осинторф и представляла собой разведывательно-диверсионную структуру, подчиненную абверкоманде-203. При этом командный состав «Граукопф» был представлен преимущественно радикально настроенными российскими эмигрантами. Большинство из них были соратниками русских фашистских организаций, некоторые — агентами абвера, а кто-то уже имел опыт борьбы против большевизма в ходе гражданских войн в России и в Испании. Личный состав также набирался в ряде немецких лагерей для советских военнопленных.

Эксперимент РННА продолжался относительно недолго — с марта 1942 г. до ноября 1943 г. (когда батальоны бывшего соединения «Граукопф» были переброшены на Западный фронт — во Францию). На протяжении всего этого времени формирование постоянно находилось в орбите борьбы компетенций различных германских ведомств и взглядов нацистского руководства на проблему использования русских коллаборационистов в войне против СССР.

Так, уже к концу лета 1942 г. с Восточного фронта были отозваны все эмигранты, стоявшие у истоков создания РННА. Часть из них в последующем, перейдя на службу в разведывательные структуры ведомства Гиммлера, смогли вновь вернуться на Родину. Что касается собственно РННА, то она была передана из-под опеки абвера в распоряжение командующего корпусом охранных войск группы армий «Центр». Теперь вместо разведывательно-диверсионных задач ее личный состав был задействован в борьбе против советских партизан в Белоруссии.

Позиция русского командного звена соединения (как эмигрантов, так и сменивших их бывших командиров РККА) перманентно вызывала критику со стороны немецких кураторов. Практически все попытки проводить независимую политику оканчивались крахом. Кроме того, белорусские подпольщики и партизаны — чем дальше, тем успешнее — агитировали личный состав формирования, склоняя его бойцов к переходу на советскую сторону.

Группа офицеров РННА перед засылкой за линию фронта. Слева направо: лейтенант Закс, старшие лейтенанты Шумаков (с Орденом Красного Знамени), Ламсдорф, Зинченко, лейтенант Шербаков. Весна — лето 1942 г. Снимок из коллекции М. Ю. Блинова

В любом случае опыт создания и деятельности РННА оказался востребован и использован уже при формировании власовской армии: так называемого «Гвардейского батальона РОА» и Вооруженных сил Комитета освобождения народов России (ВС КОНР). К власовскому движению со временем присоединились и многие бывшие командиры «Граукопфа». Большая часть из них после войны сумела избежать выдачи советской стороне и натурализоваться на Западе; некоторые разделили с генералом Власовым его участь. Судьба личного состава переброшенных во Францию батальонов также оказалась незавидной: после войны союзники выдали этих военнослужащих представителям советского командования.

Ряд офицеров РННА оставили воспоминания. Наиболее заметным источником мемуарного плана является книга бывшего начальника штаба РННА К. Г. Кромиади «За землю, за волю»^[2]. Значительную ценность представляют также несколько интервью Г. П. Ламсдорфа^[3], воспоминания бывшего военнослужащего Гвардейского батальона РОА Л. А. Самутина^[4], протоколы опросов бывших офицеров РННА И. М. Грачева и П. В. Каштанова (опросы были проведены в начале 1950-х гг. американскими специалистами в рамках «Гарвардского проекта опроса беженцев»)^[5]. Интересные сведения содержатся также в воспоминаниях советских подпольщиков и партизан, которые участвовали в боевых действиях

против РННА и в разложении ее гарнизонов[\[6\]](#).

Авторы считают своим долгом искренне поблагодарить за помощь в работе над книгой кандидатов исторических наук Р. О. Пономаренко и С. Г. Чуева, историков М. Ю. Блинова И. В. Грибкова, М. В. Кожемякина, А. С. Лахтурова, О. И. Черкасского, К. К. Семенова, сотрудников агентства «Военинформ» Минобороны России О. Н. Балашову и И. Н. Сирикова. Особую благодарность хотелось бы выразить председателю Осинторфского сельского совета С. Н. Шаранде, научному сотруднику по созданию музея в Осинторфе Н. В. Крюк, заведующей Осинторфской сельской библиотекой и Центром экологического просвещения Е. Ф. Дикаревой, жителю Осинторфа (поселок № 2) В. М. Вакунову.

Глава первая. Русский фактор в тактике германской разведки

Русская эмиграция и органы германской разведки

В результате революционных событий 1917 г. и последовавшей Гражданской войны Россию покинули от двух до трех миллионов человек^[7]. Большинство из них в течение продолжительного времени не теряли надежды вернуться на Родину. Кто-то считал, что большевизм обречен на крах в силу своих внутренних противоречий, кто-то надеялся на «Второй поход», возлагая особые чаяния на внешнюю интервенцию.

Наиболее радикальная и активная — при этом довольно многочисленная^[8] — часть российских изгнанников в 1920-е и 1930-е гг. сделала ставку на новую политическую силу — фашизм и национал-социализм. Значительное число эмигрантов правых убеждений сконцентрировалось в Германии и Маньчжурии. Они хотели видеть в набиравших могущество Германии и Японии державы, способные устранить ненавистный большевизм, и планировали, воспользовавшись результатами военного вторжения, возродить империю или построить новую Россию.

Историк Л. Решетников замечает, что *«большинство эмигрантов все годы между двумя мировыми войнами жили с мыслью, что им еще придется с оружием в руках бороться с большевизмом. Понимая, что самим с советской властью им не справиться... эмиграция строила планы в расчете на „возрождающуюся“ после Версаля Германию»*^[9].

Интересно, что часть исследователей полагает, что беженцы из России сыграли значительную роль в оформлении идеологии Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). Так, Майкл Келлог в своей нашумевшей работе под интригующим названием «Русские корни нацизма» утверждает, что *«появившийся в первые годы после Первой мировой войны национал-социализм был плодом интернациональной радикальной среды, в которой озлобленные немецкие националисты и расисты... сотрудничали с радикальными представителями белой эмиграции в антибольшевистской и антисемитской борьбе... Несмотря на расхождения, неизбежные при любом межкультурном сотрудничестве, национал-социалисты и белоэмигранты обладали важной объединяющей целью. Они были едины в борьбе с „международным еврейством“, которое, по их мнению, стояло и за хищническим капитализмом на Западе, и за кровавым большевизмом на Востоке»*^[10].

В числе российских эмигрантов, в той или иной степени повлиявших на политическую и военную стратегию Гитлера, а также на его антибольшевистские и антисемитские воззрения, Келлог называет Макса Эрвина фон Шойбнер-Рихтера, Василия Викторовича Бискупского, Ивана Васильевича Полтавца-Острицу, Петра Николаевича Шабельского-Борка, Сергея Владимировича Таборицкого, Федора Викторовича Винберга и Альфреда Розенберга. Шойбнер-Рихтер — человек, которого сам Гитлер считал незаменимым — стоял у истоков организации «Восстановление» («Aufbau»), организованной немецкими националистами и русскими эмигрантами. Эта конспирологическая группа в начале 1920-х гг. вложила в нацистское движение значительные суммы денег. Генерал Бискупский был ближайшим соратником Шойбнер-Рихтера в «Ауфбау», а в Третьем рейхе возглавил «Управление делами русских беженцев в Германии». Полтавец-Острица руководил украинским сектором ассоциации и стремился к созданию национал-социалистической Украины. Шабельский-Борк перевел на немецкий язык «Протоколы сионских мудрецов» — текст, который оказал решающее влияние на антисемитов по всему миру. Вместе с

Таборицким Шабельский-Борк в марте 1922 г. совершил покушение на лидера кадетской партии Павла Милюкова (при этом они смертельно ранили Владимира Набокова, отца известного писателя). После выхода из заключения, в 1927 г., Таборицкий открыто присоединился к национал-социалистическому движению, а после 1933 г. получил оплачиваемую должность в «Коричневом доме» — мюнхенской штаб-квартире НСДАП. В бюро Бискупского Таборицкий стал своеобразным «серым кардиналом». Винберг неоднократно беседовал с Гитлером на идеологические темы, именно он убедил фюрера в том, что Советский Союз был «еврейской диктатурой». Розенберг со временем стал «главным философом» НСДАП и специалистом по международным делам; в годы войны он возглавил Министерство по делам оккупированных восточных территорий^[11].

В. В. Бискупский. В 1930–1940-е гг. руководитель Управления делами русских беженцев в Германии

В период после поражения мюнхенского путча 1923 г. сотрудничество между НСДАП и русскими беженцами постепенно сошло на нет. После прихода нацистов к власти германская политика в отношении эмигрантов из России отличалась противоречивостью и непоследовательностью. С одной стороны,

Германия дала приют радикальным противникам большевизма, таким, как Антон Васильевич Туркул, Виктор Александрович Ларионов и Иван Лукьянович Солоневич (первые два были высланы в апреле 1938 г. из Франции как «нежелательные лица», последний, опасаясь за свою жизнь, перебрался в Рейх из Болгарии после убийства его жены в результате террористического акта)^[12]. С другой стороны, немецкие власти с некоторым подозрением относились к деятельности ряда профашистских эмигрантских организаций, пытавшихся пропагандировать и распространять идеи НСДАП в среде беженцев. К концу 1930-х гг. деятельность ряда русских эмигрантских организаций была запрещена или существенно ограничена.

Однако в Рейхе была сила, которая стремилась планомерно использовать политические убеждения радикально настроенных русских эмигрантов. Речь идет об абвере — военной разведке, представители которой задолго до начала войны Германии против Советского Союза начали пристально присматриваться к российским беженцам. После 1933 г. к мечте о возрождении Германской колониальной империи присовокупился идеологический тезис о неизбежности в обозримом будущем военного конфликта с «еврейским большевизмом» и его «плацдармом» — СССР. Конечно, руководство абвера с его извечным аристократизмом, лишь маскировало свое презрительное отношение к «плебейской» идеологии коричневого движения. Зато праворадикальные круги русской диаспоры воспринимали сентенции о необходимости покончить с евреями и диктатурой пролетариата почти восторженно. Эти настроения и были использованы абвером. Исследователь Л. Соцков отмечает, что *«многие эмигрантские организации связывали надежды на свое политическое будущее именно с этими странами (Германией и Японией. — Примеч. авт.), как неизбежными противниками СССР в будущей войне. Совпадение интересов не могло не привести к обоюдному желанию установления более тесных контактов»*^[13].

Как вспоминал бывший помощник главы абвера, Оскар Райле, *«сотрудники абвера, работавшие против Советского Союза, постоянно использовали эмигрантов»*, руководствуясь тем соображением, что *«среди них... находились люди, знавшие Россию и в совершенстве владевшие русским языком»*^[14]. Заместитель начальника отдела «Абвер II», полковник Эрвин Штольце также свидетельствует, что подчиненные Канариса активно вербовали агентов «в среде белогвардейской эмиграции». Более того, *«русские политэмигранты сами искали контакты с представителями разведок европейских стран»*^[15].

Немецкая разведка стала активно использовать эмигрантов в своих мероприятиях по обеспечению военно-политических интересов Рейха приблизительно с начала 1930-х гг. В ряде случаев контакты эмигрантов с немецкой разведкой имели место еще ранее. Так, еще с середины 1920-х гг. с абвером начал сотрудничать Борис Алексеевич Смысловский. В 1928 г. он при посредничестве другого российского эмигранта, будущего адъютанта адмирала В. Канариса, барона Владимира Александровича Каульбарса поступил на разведывательные курсы при войсковом управлении рейхсвера. В годы Второй мировой войны Смысловский возглавил специальный разведывательно-диверсионный орган абвера — Особый штаб «Россия», на основе которого в 1945 г. была сформирована Первая русская национальная армия^[16].

После 1935 г., когда начальником абвера стал упомянутый Фридрих Вильгельм Канарис, относительно небольшой отдел контрразведки рейхсвера начал быстро превращаться в разветвленный и действенный аппарат секретной службы германских вооруженных сил. Руководствуясь целью превращения абвера в важнейшую разведслужбу Германии, Канарис реорганизовал агентурную сеть за рубежом и предпринял ряд мер по координации сотрудничества с коллегами из СС — представителями гестапо и СД. К началу Второй мировой войны абвер состоял из центрального отдела, отделов «Абвер I» (разведка и сбор информации), «Абвер II» (организация диверсий и саботажа) и «Абвер III» (контрразведывательные мероприятия), а также управленческой группы «Заграница».

Глава абвера В. Канарис

В июне 1941 г. при управленческой группе абвера «Заграница» был создан особый орган для руководства всеми видами разведывательной и диверсионной деятельности на Восточном фронте — так называемый штаб «Валли», при котором были сконцентрированы многие белоэмигранты.

Органы управления «Валли» дислоцировались в городе Сувалки (Сулевюек), в Генерал-губернаторстве (оккупированной Польше)[\[17\]](#). Отдел «Валли I» отвечал за военную и экономическую разведку. «Валли II» занимался подготовкой и проведением диверсионных операций и террористических актов в тылу Красной армии, организацией пропагандистских кампаний, направленных на разложение и деморализацию войск противника. Отдел «Валли III» руководил контрразведывательной работой, включавшей в себя борьбу с советской разведкой, партизанским движением и антифашистским подпольем[\[18\]](#). Специализированное подразделение штаба вело экономическую разведку, и в его подчинении находился ряд команд и групп экономической разведки.

До лета 1942 г. на советско-германском фронте действовали три группы армий («Север», «Центр»,

«Юг»), которым были приданы разведывательные абверкоманды. Диверсионные абверкоманды имели аналогиячные наименования с добавлением цифры 2, а контрразведывательные — цифры 3. В составе каждой из команд находилось от трех до шести абвергрупп и целая сеть разведывательных и диверсионных школ. В начале 1942 г. наименование команд и групп было изменено, а их число — увеличено. Разведывательные получили нумерацию от 101 и выше, диверсионные — от 201 и выше, контрразведывательные — от 301 и выше, экономической разведки — от 150 и выше[19].

Все команды и группы абвера взаимодействовали с разведотделами (по германской военной терминологии — I С), которые действовали при штабах дивизий, корпусов, армий и групп армий. Отделы I С поддерживали связь с территориальными органами абвера — абверштелле и абвернебенштелле, — которые располагались в крупных городах и в стратегически важных районах. Кроме этого, отделы I С — по линии контрразведки — тесно сотрудничали с группами тайной полевой полиции (ГФП), а также полицией безопасности и СД[20].

Историк С. Чуев пишет, что *«сотрудничество русских белоэмигрантов с абвером до начала военных действий против СССР проходило, в основном, на уровне абверштелле и подчиненных им абвернебенштелле — региональных звеньев немецкой военной спецслужбы, а также так называемых Кригсорганизацион — военных представительств, действовавших под прикрытием дипломатических представительств Германии за рубежом... Основной средой для вербовки агентуры были русские эмигрантские колонии и особенно участники различных антисоветских организаций... Кроме использования отдельных эмигрантов, абвер при необходимости объединял таких лиц в резидентуры»*[21].

Помимо абвера, вопрос привлечения русских эмигрантов к войне против СССР серьезно рассматривался и эсэсовскими разведчиками из Главного управления имперской безопасности (РСХА). За ведение закордонной разведки отвечало Шестое управление РСХА (AMT VI; SD/Ausland, СД/Заграница). Разведывательной деятельностью в зоне влияния СССР, а также на Ближнем и Дальнем Востоке руководил отдел VI С. Как известно, ведомство Генриха Гиммлера активно стремилось к расширению своего влияния. После начала войны с Советским Союзом эсэсовские разведчики медленно, но верно продолжали теснить своих коллег из вермахта и, в конечном итоге, добились своего: 12 февраля 1944 г. было объявлено об учреждении единой разведывательной службы во главе с рейхсфюрером СС. При этом «Абвер I» и «Абвер II» были включены в состав РСХА.

Начальник VI управления РСХА (внешней разведки) В. Шелленберг

К началу войны с СССР руководство РСХА в лице Рейнхарда Гейдриха вполне отдавало себе отчет в том, что военный успех и колонизация «восточных пространств» во многом зависят от умелого использования на оккупированных территориях эмигрантских и местных национальных кадров. Бывший начальник VI управления РСХА Вальтер Шелленберг вспоминал: *«Теория Гейдриха... заключалась в следующем. Военное поражение настолько ослабит советскую систему, что последующая засылка политических агентов в Россию довершит ее гибель»*[\[22\]](#).

В перспективные планы СС входило полное подчинение русских коллаборационистских структур. Бывший разведчик, сотрудник отдела «Иностранные армии Востока» Вильфрид Штрик-Штрикфельдт (также выходец из России) свидетельствует, что летом 1942 г. полковник Клаус фон Штауффенберг предупреждал его, что *«СС, несмотря на свою теорию об унтерменшах, без стеснения пойдет по пути использования людей. И если Гиммлер возьмется за русское освободительное движение, он привлечет для СС и сотни тысяч русских. Одни поверят обещаниям, другие пойдут по бесхарактерности или из карьеризма»*[\[23\]](#).

Приведенное свидетельство согласуется с мнением американского исследователя П. Биддискомба,

который пишет, что «с началом войны служба внешней разведки СС начала предпринимать собственные попытки использования агентуры по ту сторону Восточного фронта, невзирая на то, что это предусматривало тесные контакты с русскими „недочеловеками“. В течение войны целый ряд параноидальных расистских эсэсовских аксиом был нивелирован...»[24].

Шеф реферата СД «Цеппелин» Х. Грейфе

Забегая вперед, отметим, что важнейшую роль в попытках СС взять под контроль кадры коллаборационистов сыграл план «Цеппелин», разработанный осенью — зимой 1941 г. под руководством Хайнца Грейфе — начальника вышеупомянутого отдела IV С Шестого управления РСХА. План предусматривал создание специального разведывательно-диверсионного органа под условным наименованием «Предприятие Цеппелин-21». Это подразделение было призвано в короткие сроки («действие операции должно быть достигнуто уже к следующему наступлению») подготовить завербованных агентов для поддержки антисталинских оппозиционных групп, организации пропаганды, разведки, саботажа и создания повстанческих групп (разумеется, меры по разложению тыла отступающей Красной армии предпринимались и до этого, однако теперь масштаб этих мероприятий требовалось максимально увеличить).

Агентуру предлагалось подбирать, главным образом, среди военнопленных, однако допускалась возможность использования гражданских лиц из оккупированных районов, а также «активных и надежных лиц» из числа эмигрантов.

Грейфе отмечал: *«Нельзя ограничиться десятками групп для разложенческой деятельности, они для советского колосса являются только булавочными уколами. Нужно забрасывать тысячи. Это необходимо еще и потому, что даже при самом тщательном обучении и отборе агентуры следует считаться с тем, что большой процент ее ненадежен, часть ее является сознательно предательским элементом, часть отсеется как неспособная»*[\[25\]](#).

Особое внимание Грейфе уделил «реальным предпосылкам» операции: *«Забрасываемым агентам должна быть внушена мысль о том, что они выполняют правильное, необходимое для них самих дело. Для этого требуется не только материальное обеспечение, но и обещание положительного разрешения национального, социального и религиозного вопросов»*. Особо подчеркивалось, что *«эта пропаганда не должна в очень сильной степени расходиться с действительностью на оккупированной территории. От этого зависит успех операции»*.

В качестве «национальных лозунгов» для русских предлагалось обещать последним *«национальную свободу под немецкой защитой», «охрану старой русской культуры» и «невозвращение царя и крупных помещиков»*. В социальном плане *«необходимо явно выраженное положительное отношение к введению в будущем единоличного хозяйства, особенно в деревне»*. В качестве религиозной программы требовалось обещание *«свободы вероисповедания любой религии» и «защиты религиозных обрядов»*. Кроме того, отмечалось, что *«впредь нельзя говорить о Востоке как о „колонии“ Германии или Европы»*[\[26\]](#).

План Грейфе был одобрен А. Гитлером 10 января 1942 г., а в марте были утверждены организация и штаты «Цеппелина»[\[27\]](#). Подразделение получило статус специального реферата VI C/Z управленческой группы C VI управления РСХА. «Цеппелин» возглавил сам Х. Грейфе[\[28\]](#).

Таким образом, вопреки распространенному мнению русские эмигранты без особого труда могли включиться в пропагандистскую и разведывательно-диверсионную работу на оккупированных территориях, разумеется, при условии изъявления лояльности в отношении нацистских властей. В то же время в самом начале войны речь еще не шла о привлечении национальных кадров непосредственно к вооруженной борьбе с СССР, т. к. высшее германское военно-политическое руководство отрицательно относилось к подобной перспективе[\[29\]](#).

Так, еще 3 марта 1941 г. в дневнике штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта (Oberkommando der Wehrmacht, ОКВ) была сделана запись о целях создания оккупационного режима на территории СССР. Среди прочего в документе отмечалось: *«Социалистические идеи в нынешней России уже невозможно искоренить. Эти идеи могут послужить внутривластной основой при создании новых государств и правительств. Еврейско-большевистская интеллигенция, представляющая собой угнетателя народа, должна быть удалена со сцены. Бывшая буржуазно-аристократическая интеллигенция, если она еще и есть, в первую очередь среди эмигрантов, также не должна допускаться к власти. Она не воспримется русским народом и, кроме того, она враждебна по отношению к немецкой нации...»*[\[30\]](#)

21 мая 1941 г. председатель Объединения русских воинских союзов (ОРВС) генерал-майор Алексей Александрович фон Лампе подготовил обращение на имя главнокомандующего сухопутными войсками, генерал-фельдмаршала Вернера фон Браухича о предоставлении в распоряжение германского командования всех сил ОРВС. Ответа он не получил, что и понятно, ведь в тот момент нацисты де-юре продолжали оставаться союзниками большевиков. Их формальное согласие с предложениями фон Лампе,

скорее всего, тут же стало бы известно советской разведке. Впрочем, после начала боевых действий Браухич все же ответил Лампе, сообщив тому, что участие эмигрантов в войне против СССР не предусматривается. Тем не менее 17 августа 1941 г. фон Лампе выпустил приказ по Объединению, разрешавший членам организации действовать в складывающейся обстановке самостоятельно, «поддерживая... с ним регулярную связь»[\[31\]](#).

Начальник отдела ОКХ «Иностранные армии Востока» (до 1942 г.) Э. Кинцель

Все это время продолжались переговоры с представителями вермахта, разведывательных служб и прочих нацистских структур о привлечении белоэмигрантов в немецкую армию. В конечном итоге они окончились положительно, поскольку в НСДАП, Министерстве оккупированных восточных территорий и в германском военном ведомстве нашлось немало прагматично мыслящих сотрудников, не отвергавших

возможности активного привлечения эмигрантов. Так, в мае 1941 г. начальник отдела «Иностранные армии Востока» (Fremde Heere Ost), полковник Эберхард Кинцель пригласил русских офицеров-эмигрантов, чтобы обсудить вопрос об обеспечении вермахта переводчиками, и большая часть приглашенных ответила на предложение согласием[32].

Очень значительная работа по привлечению эмигрантов в немецкую армию в качестве переводчиков была проделана представителями Русского общевоинского союза (РОВС, германский отдел организации был с 1938 г. переименован в Объединение русских воинских союзов). Бывший член РОВС, генерал-майор Русской императорской и Белой армий Владимир Петрович Бресслер на послевоенном допросе показал: *«С 1941-го до середины 1943 года „РОВС“ снабжал немецкую армию переводчиками. Часть „ровсовцев“ была мобилизована на фронт и принимала участие в боях против Красной армии... Из офицерского союза в качестве переводчиков в немецкую армию вступили: штабс-капитан Домбровский-Корсак, полковник Гаусман, капитан Шпакович, подпоручик Андреев, есаул Слепцов, подполковник Кромиади... На фронт ушло много членов „РОВСа“. Основной контингент брался из „Балтийского союза“, который по своей численности достигал 400 человек»*[33].

Вербовку эмигрантов для работы в интересах вермахта, СД и абвера осуществляли также уже упоминавшееся Управление делами русских беженцев в Германии (Russische Vertrauensstelle in Deutschland) во главе с генералом Бискупским и аналогичное по задачам Управление делами русских эмигрантов во Франции (Vertrauensstelle der Russischen Emigranten in Frankreich) во главе с Юрием Сергеевичем Жеребковым[34]. Так, последний выпустил специальное «Оповещение», которое объявляло начало отбора добровольцев-эмигрантов на советско-германский фронт. При этом запрещалась любая антигерманская деятельность. С начала войны против СССР Жеребков и начальник французского отдела РОВС, генерал Николай Николаевич Головин зарегистрировали более полутора тысяч заявлений от офицеров, желавших безоговорочно участвовать в борьбе против большевизма[35]. В то же время Управление Бискупского, по оценкам немецкой исследовательницы Бетины Доденхофт, призвало для работы в качестве переводчиков вермахта примерно 1200 эмигрантов[36].

Помимо этого, в мобилизацию русских изгнанников включился целый ряд эмигрантских политических организаций, о чем речь пойдет несколько ниже.

В общей сложности за весь период Второй мировой войны через эмигрантские воинские формирования в составе германской армии прошли, по разным оценкам, от 12 до 20 тыс. человек[37]. При этом стоит оговориться, что с июня 1942 г. отправка офицеров-эмигрантов на Восток, за исключением сотрудников абвера и СД, на несколько месяцев практически прекратилась. В директиве ОКВ № 46 от 18 августа 1942 г. («Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке») запрещалось участие эмигрантов в формированиях из местного населения[38]. К концу лета большинство эмигрантов были отозваны с Восточного фронта. Некоторые из них, правда, позднее вновь вернулись на оккупированные территории СССР, о чем мы расскажем ниже на примере ряда офицеров РННА.

В любом случае можно вполне согласиться с мнением историка С. Чуева, который отмечает: *«Все измышления и указания гитлеровского руководства о недопущении эмигрантов к борьбе на Восточном фронте попросту игнорировались инстанциями на местах. Армейские структуры, органы абвера и СД активно использовали белоэмигрантов в своих целях»*[39].

В числе этих эмигрантов были и те, которые в начале 1942 г. составили командное звено Русской национальной народной армии...

Германская разведка и советские военнопленные

В ходе войны в немецкий плен попало приблизительно 5,7 миллиона военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА)[\[40\]](#).

Известное число рядовых красноармейцев, командиров и даже политработников РККА, руководствуясь различными причинами, сдались в плен добровольно. При этом некоторые из них выразили желание воевать против сталинского режима на стороне вермахта. Хотя первоначальные установки германского военно-политического руководства не предполагали сколь-нибудь активного привлечения советских военнопленных к боевым действиям, командиры и командующие на местах охотно использовали возможность использования добровольцев из числа пленных. Большинство их в первый период войны служили на вспомогательных должностях (шоферов, конюхов, разнорабочих, подносчиков боеприпасов и проч.), получив наименование «хиви» (от нем. *Hilfswillige* — добровольные помощники). Вооруженные коллаборационисты, число которых со временем становилось все больше, попадали в категорию *Freiwillige* (добровольцы).

Бывший начальник отдела «Иностранные армии Востока» (в 1942–1945 гг.) Рейнхард Гелен в своих мемуарах свидетельствует: *«Наши войска, руководствуясь естественным чувством самосохранения, стали на фронте самостоятельно принимать необходимые меры — без разрешения высокого командования. Поскольку восстановление людских потерь все больше запаздывало, а для освоения огромных пространств России требовалось все больше солдат, в немецкие подразделения для выполнения вспомогательных функций стали привлекаться добровольцы — русские, украинцы и представители других российских народов. Точное число волонтеров установить невозможно, так как командиры подразделений во многих случаях не сообщали об этом вышестоящим начальникам. Летом 1942 г. таких добровольцев было от 700 тысяч до 1 миллиона. Некоторые из них участвовали в боях в составе немецких подразделений против Красной армии»*[\[41\]](#).

Начальник отдела ОКХ «Иностранные армии Востока» (с 1942 г.) Р. Гелен

Основным резервом пополнения немецких войск коллаборационистами из указанной категории служили лагеря военнопленных. Именно из бывших советских пленных было сформировано большинство русских частей и подразделений на стороне Рейха (не исключение и предмет нашего исследования — Русская национальная народная армия). По оценкам немецкого историка Кристиана Штрайта, около 1 миллиона пленных были выпущены из лагерей «главным образом, в обмен на согласие служить в вермахте в качестве „желающих помочь“ (*Hilfswillige*)»^[42]. Исследователи И. Дугас и Ф. Черон делают важное уточнение: «Хиви набирались... из пленных и перебежчиков... При наборе в хиви принцип добровольности часто нарушался. В немецких дивизионных документах встречается выражение „*zu Hilfswilligen ernannt*“ — назначены добровольными помощниками. Кроме пленных, среди хиви был какой-то процент гражданских лиц с оккупированной территории»^[43].

Следует заметить, что лагеря военнопленных находились в ведении вермахта вплоть до осени 1944 г., когда они были переданы под юрисдикцию СС. Незадолго до начала Второй мировой войны был создан отдел по делам военнопленных (*Abteilung Kriegsgefangenenwesen*), который подчинялся Общему

управлению главного штаба вермахта при ОКВ (Allgemeine Wehrmachtsamt), во главе с генерал-лейтенантом Германом Рейнеке[44]. Отделу принадлежали лагеря на территории Германии и Генерал-губернаторства. Лагеря для военнопленных в прифронтовой полосе и оперативных зонах находились в ведении Верховного командования сухопутных войск (Oberkommando der Heeres, ОКХ). Существовало несколько типов лагерей: дулаги (Durchgangslager) — пересыльные лагеря; шталагы (Stammannschaftslager) — стационарные лагеря для рядового и сержантского состава; офлагы (Offizierlager) — офицерские лагеря; штрафлагы (Strafgefangenlager) — штрафные лагеря; хайлагы (Heimkehrerlager) — лагеря для больных[45].

Известно, что отношение советского руководства к военнослужащим РККА, попавшим в плен, было не менее чудовищным, чем отношение к ним со стороны нацистов. По сути, еще в предвоенное время рядовым красноармейцам и командирам внушалось, что *«плен — это измена Родине. Нет более гнусного и мошеннического деяния...»*[46]. Как отмечает историк П. М. Полян, *«плен рассматривался как тяжкое воинское преступление, наравне с прямым переходом или перелетом на сторону врага, считавшееся разновидностью измены Родине и каравшееся, соответственно, высшей мерой наказания — расстрелом с конфискацией имущества»*[47].

СССР не признавал Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. и не ратифицировал Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. Справедливости ради следует признать, что Советским Союзом была ратифицирована Женевская конвенция об участии больных и раненых 1929 г., а в июле 1941 г. советское правительство все же предложило Германии придерживаться Гаагской конвенции 1907 г. (германское руководство отвергло это предложение, ибо победа на Востоке тогда казалась весьма близкой)[48]. Однако эти меры в реальности надо однозначно признать лишь пропагандистским демаршем, рассчитанным на реакцию западных держав.

На деле судьба пленных нисколько не волновала Сталина, подтверждением чему служит приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 270 об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия (от 16 августа 1941 г.). В соответствии с этим документом все командиры и политработники, сдавшиеся в плен, рассматривались как дезертиры. При поимке их надлежало расстреливать на месте перед строем. Их семьи подлежали аресту, а семьи попавших в плен солдат лишались государственной поддержки[49].

Отдельные военачальники шли еще дальше этого приказа. Так, в шифрограмме № 4976 командующего Ленинградским фронтом Г. К. Жукова (от 28 сентября 1941 г.) указывалось: *«Разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны»*[50].

Советская пропаганда с первых дней войны формировала резко негативное отношение ко всем военнослужащим, оказавшимся в плену, невзирая на обстоятельства их пленения. Передовица газеты «Красная звезда» от 6 сентября 1941 г. оканчивалась такими словами: *«Сдача в плен немецко-фашистским мерзавцам — позор перед народом, перед своими товарищами, своими женами, детьми, преступление перед родиной»*[51].

Все это — вкупе с зачастую нечеловеческими условиями в немецких лагерях — отчасти объясняет тот факт, что внушительная часть военнослужащих РККА, попавших в плен, предпочла поступить на службу к немцам... Немецким вербовщикам из вермахта и спецслужб, а также их помощникам-коллаборационистам не составляло особого труда убедить многих в том, что добровольное присоединение «к борьбе против еврейского большевизма» является единственной альтернативой смерти.

Как уже отмечалось, первоначальные планы германского руководства в отношении советских военнопленных не предусматривали привлечения последних к борьбе с СССР. Более того, в приказах,

касавшихся обращения с военнопленными, декларировалось, что «*большевистский солдат*» крайне опасен и коварен, он «*утратил всякое право, чтобы с ним обращаться, как с честным солдатом*», и т. д. В приказе ОКВ от 8 сентября 1941 г. говорилось, что применение оружия против советских военнопленных считается, «*как правило, законным*». Помимо этого, в середине июля 1941 г. было подписано соглашение между ОКВ и РСХА о необходимости с помощью эсэсовских команд выявлять «неприемлемые» в политическом и расовом отношении элементы среди военнопленных[52].

Впрочем, с первых же дней войны среди немецких военных и разведчиков начали проявляться настроения, оппозиционные вышеприведенным установкам. Так, в приказе командующего 47-м (XLVII) танковым корпусом Иоахима Лемельзена от 25 июня 1941 г. констатировалось: «*Я обнаружил, что имеют место бессмысленные расстрелы как пленных, так и гражданских лиц. Русский солдат, который храбро сражался и взят в плен в форме, имеет право на пристойное обращение. Мы хотим освободить гражданское население от ига большевизма, и мы нуждаемся в рабочей силе... Эта инструкция ничего не меняет в отношении приказа фюрера об искоренении партизан и большевистских комиссаров*»[53].

Колонна советских военнопленных направляется в германский тыл. Август 1941 г.

Барон Владимир Каульбарс на допросе в 1944 г. заявил, что в начале войны в «*национальную русскую добровольческую армию... для борьбы против большевизма*» можно было привлечь 80 % советских военнопленных[54].

В любом случае разведчики из абвера и СД с первых дней войны включились в работу по вербовке коллаборационистов в лагерях для военнопленных.

И. Дугас и Ф. Черон пишут, что в штатах лагерного персонала имелись офицеры абвера и некоторое время представители СД: *«Между офицерами абвера и СД существовало определенное соперничество, но не всегда. Нередко эти два учреждения находились в остро враждебных отношениях»*[\[55\]](#).

17 июля 1941 г. Гейдрих подписал оперативный приказ № 8, адресованный командам полиции безопасности и СД *«Об отношении к советским военнопленным»*. Несмотря на то что основной объем документа посвящен механизму экзекуций над политически враждебными категориями советских военнопленных, глава РСХА также требует от своих подчиненных выделять среди русских, находящихся в лагерях, лиц, *«заслуживающих доверия... которых поэтому можно будет использовать в операциях по восстановлению оккупированных областей»*. Здесь же говорится, что *«заслуживающих доверия лиц следует вначале привлечь к работе по фильтрации и к исполнению других заданий руководства лагеря... Если они оказываются подходящими для операций по восстановлению в оккупированных областях, то следует отказывать ходатайству об их возвращении на родину только в том случае, если они представляют интерес для контрразведывательной службы»*. В приложении 2 к этому приказу специально оговаривается, что необходимо находить среди пленных элементы, заслуживающие доверия, *«невзирая даже на то, что речь идет о коммунистах»*[\[56\]](#).

27 августа и 12 сентября 1941 г. Гейдрих подписал дополнительные директивы, касающиеся основных направлений деятельности команд полиции безопасности и СД в лагерях для военнопленных. В частности, во втором из указанных документов еще раз подчеркивалось, что *«задачей оперативных команд полиции безопасности и СД является выявление не только подозрительных элементов, а также и тех надежных элементов вообще, которые могут пригодиться для восстановительной работы в Восточных областях... Я предписываю, чтобы в еженедельных отчетах обращали внимание на пункт „4“ (число выявленных лиц, не внушающих подозрения). О военнопленных, не внушающих подозрения, которые перед этим занимали в советско-русском хозяйстве руководящие посты, следует особо указывать на отрасль их работы и последнее место службы»*[\[57\]](#).

Шеф Главного управления имперской безопасности Р. Гейдрих

Параллельно с указанными директивами были даны особые указания эсэсовским пропагандистам. В одном из циркуляров, разработанных сотрудниками СД из Седьмого управления РСХА и касающихся употребления слов «русский» и «красноармеец» (Rotarmist), ведомственным специалистам «психологической войны» предписывалось «говорить не о России и русских», а называть военнослужащих РККА «советскими солдатами и красноармейцами»^[58].

Первоначально отбор «заслуживающих доверия» военнопленных представители абвера и СД проводили в шталагах и офлагах, сформированных на территории Рейха и Генерал-губернаторства. К концу лета 1941 г. таковых насчитывалось 14 (7 шталагов и 7 офлагов для советских военнопленных). В лагеря для военнопленных на оккупированной территории СССР доступ оперативных команд СД был поначалу запрещен, и там соответствующие задачи выполняли представители абвера. Однако 7 октября 1941 г. этот запрет был снят. 5 мая 1942 г. ОКВ издало распоряжение о проведении проверок лишь в тех лагерях, которые находились восточнее старой германской границы, а 31 июля оперативные команды СД были выведены из лагерей, расположенных в Германии^[59].

Отобранные представителями абвера и СД «заслуживающие доверия лица» размещались отдельно

от основной массы военнопленных, а также задействовались в пропагандистской работе и использовались в качестве осведомителей.

В самом начале войны в комиссии по работе в лагерях военнопленных включались и эмигранты (зачастую — в качестве переводчиков). Одним из них был член ОРВС и будущий офицер РННА, полковник Константин Григорьевич Кромиади, с 1922 г. проживавший в Берлине[60]. В своих мемуарах он подробно описывает свое возвращение на Родину в качестве сотрудника одной из комиссий. Кромиади (неизвестно — сознательно или нет?) ошибается с ведомственной принадлежностью лагерей военнопленных. Он почему-то пишет, что последние находились в ведении «Министерства Восточных областей»[61]. Как уже отмечалось, лагеря подчинялись соответствующему отделу вермахта. Министерство Розенберга никакого отношения к ним не имело, а комиссии формировались на основании приказов главы РСХА Р. Гейдриха. В них включались сотрудники СД, абвера, представители всевозможных нацистских ведомств и русские эмигранты — в основном, в качестве переводчиков. Именно в такой ипостаси, очевидно, оказался и сам Кромиади.

Здесь же заметим, что Кромиади склонен явно преувеличивать роль Розенберга в формировании оккупационной политики. Бывший редактор оккупационной газеты «За Родину» (Рига), Анатолий Григорьевич Макриди-Стенрос верно замечает, что Розенберга *«совершенно незаслуженно считают виновником русских бедствий. Не верьте никому, кто говорит и пишет, что Остминистерium и, в частности, Розенберг сколько-нибудь влияли на русские дела»*[62]. Кроме того, как следует из повествования Кромиади, работа его комиссии проходила в лагерях на территории Генерал-губернаторства. Какое отношение к оккупированной Польше (ее территория, напомним, была присоединена к Рейху и под юрисдикцию Министерства по делам Востока никогда не подпадала) имел рейхсминистр Розенберг? Об этом, видимо, известно лишь одному Кромиади.

Он отмечает: *«Как общее правило, участники комиссий смотрели на свою роль как на начало будущей активной антибольшевистской борьбы, в возникновение которой каждый из нас искренне верил. Работа в лагерях военнопленных казалась нам первым камнем в будущем строительстве, и поэтому мы старались заложить его правильно»*[63]. Что ж, эти рассуждения, в сущности, ничем не противоречат вышеуказанным приказам Гейдриха...

Глава вторая. Инициаторы и создатели Русской национальной народной армии

У истоков создания экспериментальной части, состоящей из бывших советских военнопленных и перебежчиков, стоял Сергей Никитич Иванов, берлинский радиоинженер и авантюристически настроенный активист русского фашистского движения. Иванов и его младший брат, Николай, подвизавшийся на ниве радикально-националистической журналистики, принадлежали к плеяде крайне правых русских эмигрантов, безоговорочно принявших идеи и лозунги «национал-социалистической революции» в Германии и пытавшихся экспортировать коричневую модель на русскую почву[64].

В течение некоторого времени Иванов возглавлял в Рейхе отдел самой массовой фашистской организации русского зарубежья — Всероссийской фашистской партии (до 1934 г. она именовалась Русской фашистской партией, после 1937 г. — Российским фашистским союзом), руководящие органы которой дислоцировались в Маньчжурии. Эта партия зародилась еще в 1925 г. среди студентов Харбинского юридического факультета под названием «Русская фашистская организация». В 1931 г. из нее выделилась группа, возглавляемая Константином Владимировичем Родзаевским (1907–1946), который руководил РФП — ВФП — РФС почти 15 лет. В довоенный период в РФС входило несколько десятков тысяч русских эмигрантов во всем мире. РФС сыграл решающую роль в создании единого Российского национального фронта (РНФ), сформированного в 1938 г. В РНФ вошли собственно РФС, Российское национальное и социальное движение (РНСД) в Германии, Русский национальный союз в Америке, кружки друзей газеты «Голос России» И. Л. Солоневича. РФС тесно контактировал с разведывательными структурами Японской военной миссии в Маньчжурии. В годы войны численность РФС резко снизилась (в 1942 г. — не более 700 членов во всей Маньчжурии). В 1941–1943 гг. Родзаевский выпустил несколько приказов, которыми, в частности, утверждались «*секторы РФС в освобожденной России: сектор РФС в Западной части России, сектор РФС в Северной части России, сектор РФС в Южной части России*»[65].

С. Н. Иванов (слева)

Еще в мае 1935 г. партия провозгласила «фашистскую трехлетку», на протяжении которой надлежало развернуть активную работу по усилению фашистской пропаганды и объединению эмигрантов под знаменами ВФП, укреплению связей с Японией, Германией и Италией, проникновению в СССР для установления связей с антисталинскими элементами. Целью ВФП было возглавить «стихийную национальную революцию в Советском Союзе», в результате которой должна была быть создана Российская фашистская держава-империя[66]. Подобные установки, разумеется, не могли уйти от внимания чекистов. В документах НКВД отмечалось, что *«заграничная белоэмигрантская организация „Российский фашистский союз“ (РФС) объединяет наиболее активные, боевые, террористически настроенные круги белой эмиграции... РФС тесно связан с иностранными разведками и генеральными штабами Японии, Германии и Польши, которыми финансируется для ведения подрывной работы против Советского Союза»*[67]. В 1936 г. у Иванова произошел конфликт с соратниками. Руководство ВФП прислало в Берлин своих эмиссаров. В результате проверки деятельности германского отдела Иванов был обвинен в самоизоляции, которая привела к конфликту с другими «эмигрантскими организациями, нарушении партийной дисциплины и искажении сведений о деятельности отдела» и смещен со своего поста[68]. Генерал А. А. фон Лампе в своем письме главе РОВС генералу Е. К. Миллеру так описывал этот инцидент: *«Так называемые „фашисты“ Родзаевского, в количестве 4 персон (больше их, вероятно, в Берлине и не было), были арестованы за какую-то поножовщину между собою. Приехавшим представителям Родзаевского, как говорят, людям вполне приличным, открыть организацию*

разрешено не было именно в силу вышеуказанной причины нахождения центра [их партии] вне Германии»[\[69\]](#).

К. Кромиади и С. Иванов. 1942 г.

Разумеется, амбиции не позволили Иванову оставаться в рядах ВПФ, а отношения с другими, действующими в Рейхе русскими профашистскими организациями были натянутыми. Поэтому в 1937 г. он стал берлинским представителем Всероссийской национал-революционной партии (ВНРП) — организации, соперничавшей с ВПФ — РФС.

Эта группа под названием «Всероссийской фашистской организации» была создана в США в мае 1933 г. русским эмигрантом, Анастасием Андреевичем Вонсяцким (1898–1965), ставшим в результате удачной женитьбы миллионером. В 1934 г. Вонсяцкий встретился с Родзаевским, в результате чего было решено создать объединенную организацию — ВФП. Из-за разногласий сотрудничество окончилось в том же году, в результате чего Вонсяцкий основал ВНРП. К 1937 г. он находился в конфронтации с большинством эмигрантских организаций[\[70\]](#).

Представительства ВНРП в Германии были немногочисленны (помимо Берлина, действовали небольшие ячейки в Гирслебене и Бременхевене), а к 1939 г. фактически прекратили всякую деятельность. Тем не менее к этому моменту была проделана большая пропагандистская работа, сводившаяся к формированию у русских эмигрантов образа Германии как будущей «освободительницы от большевистского ига». Идеолог ВНРП, М. М. Гротт-Спасовский на страницах печатного органа партии — журнала «Фашист» — писал: «Пусть немцы освобождают Украину. Пусть японцы освобождают Дальний

Восток, Сибирь. Пусть еще кто-нибудь освобождает наш Север или Прикаспий и т. д. Буквально все способы и все средства хороши для разгрома СССР... Нечего бояться расчленения России. Коли будут созданы и охранены наше общерусское национальное единство и крепкая авторитарная власть, то будет воссоздана и сохранена и Великая Россия. Мы приветствуем освобождение России по частям — мы приветствуем всякий удар по большевикам, в какой бы форме, где бы и как бы он ни проявлялся»[\[71\]](#).

С. Иванов выступает перед личным составом

С лета 1941 г. Иванов стал штурмовать всевозможные нацистские и армейские ведомства в попытке привлечь внимание немцев к возможности активного подключения русских кадров к «борьбе против жидобольшевизма». Именно в это время или, возможно, еще до начала войны, Иванов предложил свои услуги немецкой военной разведке. В абвере ему был дан псевдоним Граукопф (Седая голова) и присвоен чин зондерфюрера (то есть гражданского чиновника на военной службе)[72].

Советский публицист Георгий Анзимилов в памфлете «Конец „Седой головы“» охарактеризовал Иванова следующим образом: *«Уроженец Петербурга, инженер, а затем офицер царской армии Сергей Никитич Иванов лютой ненавистью ненавидел советскую власть. Сбежав после разгрома белогвардейских войск в Германию, он зарабатывал себе на пропитание, коньяк и прочие жизненные блага, преподавая русский язык в разведывательной школе под Берлином, а по вечерам строил фантастические планы восстановления в России монархии»*[73].

Бывший сотрудник абвера, Антон Доллерт (псевдоним — Свен Штеенберг), служивший во время войны в тыловом районе группы армий «Центр», пишет об Иванове как о человеке, имевшем «прочные связи с нацистской партией и вермахтом»; он «пропагандировал в этих кругах идею создания Русской освободительной армии», но «успеха ему удалось добиться только в разведке вермахта». Идею создания части, «которая являлась бы резервом для специальных операций за линией фронта», а позже стала бы ядром русских вооруженных формирований, поддержал лично глава абвера, адмирал Вильгельм Канарис[74]. Именно он направил Иванова на оккупированную советскую территорию — в Смоленск. Помимо абвера, инициативу одобрили и в отделе ОКХ «Иностранные армии Востока».

Смоленск во время оккупации

Бывший пропагандист 1-й русской национальной бригады СС «Дружина», Леонид Александрович Самутин, лично знакомый со многими командирами РННА, в своих воспоминаниях указывает на то, что акция по созданию этого воинского соединения *«была задумана в недрах немецкого командования центрального участка фронта еще осенью 1941 г. и проводилась по прямому указанию»* командующего группой армий «Центр», генерал-фельдмаршала Федора фон Бока и с «благословения» генерал-фельдмаршала Вернера фон Браухича: *«По естественной инерции всяких действий она продолжалась и после их смещения в декабре 1941 г.»*^[75].

В дополнение к этой информации следует привести свидетельство В. Штрик-Штрикфельдта, активного сторонника привлечения русских кадров к войне против СССР: *«Многие командиры фронтовых частей, а также офицеры в тыловых областях с первых месяцев похода в Россию пополняли свои редевшие части за счет добровольцев разных национальностей. Абвер адмирала Канариса пошел еще дальше: он планомерно формировал для своих целей небольшие национальные отряды и части... При штабе группы армий „Центр“ полковник, а позже генерал фон Тресков с разрешения фельдмаршала фон Браухича начал в виде опыта формировать русские части»*^[76].

Совершенно очевидно, что планы Браухича и Бока шли гораздо дальше создания РННА. Рейнхард Гелен свидетельствует: *«Группа армий „Центр“ выступила с предложением восполнить потери личного*

состава за счет создания до апреля 1942 г. вспомогательных русских подразделений общей численностью до 200 тысяч человек. Командующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич расценил высоко эту инициативу: она могла сыграть решающую роль в войне. Но из этого ничего не получилось: Браухич и Бок в декабре 1941 г. были сняты со своих должностей»^[77].

Таким образом, в случае с формированием РННА сошлись интересы трех сил: радикальных русских эмигрантов, армейской разведки (абвера и отдела «Иностранные армии Востока») и командования группы армий «Центр»...

В Смоленске Иванов поступил в распоряжение начальника абверкоманды-203, подполковника доктора Вернера фон Геттинг-Зеебурга (Кромиади именует его «очень милым человеком и большим другом русских»^[78]). В начале марта 1942 г. Геттинг-Зеебург организовал встречу Иванова с командующим группой армий «Центр», генерал-фельдмаршалом Гюнтером фон Клюге, который уже был уведомлен о том, что абвером и отделом «Иностранные армии Востока» запланирована операция «Граукопф» (Unternehmen «Graukopf» — по псевдониму Иванова), утвержденная в Ставке Верховного командования^[79]. Согласовав с Клюге все необходимые детали, Иванов ненадолго вернулся в Германию, чтобы собрать и привезти в Смоленск командное звено будущего формирования.

Смоленск — «столица» русского коллаборационизма

Нелишне отметить, что Смоленск во время войны стал своеобразной «столицей» русского коллаборационизма. Здесь находился штаб командующего группы армий «Центр», размещались органы

немецкой военной разведки и контрразведки, а также дислоцировался штаб оперативной группы В полиции безопасности и СД. Кроме того, в Смоленске и в близлежащих к нему районах располагались лагеря для пленных солдат и офицеров РККА, откуда вербовались кадры для диверсионной деятельности; в районах области были организованы разведывательно-диверсионные школы и курсы[80]. В этом же городе с ноября 1941 г. по сентябрь 1943 г. на улице Западной Кольцевой (до войны — Дзержинского) в домах 20, 22, 24 и 26 дислоцировалась указанная абверкоманда-203[81].

Итак, в начале весны 1942 г. Иванов вновь вернулся в Смоленск, но теперь уже в сопровождении своих коллег-эмигрантов, изъявивших желание принять участие в эксперименте. Кое-кто из них уже успел побывать на Восточном фронте или имел опыт работы с советскими военнопленными. Последнее относится в первую очередь к полковнику К. Г. Кромиади, который, как уже говорилось, до конца 1941 г. работал в комиссии по работе с военнопленными в лагерях на территории Генерал-губернаторства.

Кромиади вспоминает: *«Как-то вечером в начале марта 1942 г. он [Иванов] позвонил мне и предложил встретиться по очень важному делу. Встреча состоялась на следующий день... Он спросил, не принял бы я участия в формировании русских частей на фронтовой полосе»*[82]. В итоге Кромиади после недолгих раздумий согласился. В абвере ему был присвоен псевдоним — Санин.

Не исключено, что в составе органов немецкой разведки на Восточном фронте успел поработать еще один член группы, Игорь Константинович Сахаров[83]. По крайней мере, его имя неоднократно фигурирует в мемуарах Александра Николаевича Сабурова — известного партизанского командира, отряды которого во время войны действовали на Украине и на Брянщине. Так, в книге «У друзей одни дороги» Сахаров характеризуется как *«опытный, коварный и очень жестокий враг»*, которого *«специально прислали для борьбы с партизанами»*[84]. В книге «Силы неисчислимы» Сабуров пишет о Сахарове: *«Он еще молодой. Полковничьи погоны получил за бои против республиканцев в Испании. Хвастается, что звание и награды дал ему лично сам Гитлер, а за борьбу с партизанами здесь надеется дорваться и до генеральского чина. Не зря ведь ему обещана всяческая поддержка: подбрасывают целую дивизию, сулят даже авиацию снять с фронта»*[85].

Публицист Г. Анзимиров наряду с действительными фактами из биографии Сахарова приводит и совершенно фантастические детали: *«Сахаров, не раздумывая, кинулся к Франко и был зачислен в иностранный легион „Кондор“. Юному авантюристу повезло: в боях под Барселоной удалось отличиться. На Сахарова обратили внимание. Он получил несколько орденов... Одну из наград ему вручил Гитлер. Карьера началась удачно. Вскоре немецкая разведка без труда прибрала Сахарова к своим рукам»*[86].

С Ивановым Сахарова связывала давняя дружба. Убежденный русский фашист, он состоял в нескольких эмигрантских праворадикальных организациях. Следует отметить, что его отец, генерал-лейтенант Константин Вячеславович Сахаров, по данным историка М. Келлога, был членом мюнхенской организации «Ауфбау» и ближайшим сотрудником генерала Бискупского. Более того, К. В. Сахаров *«регулярно переписывался с Гитлером, пока последний отбывал тюремное заключение за попытку переворота, координировал деятельность сторонников Кирилла в Германии и за рубежом, в том числе в Советском Союзе»*[87]. Историк отмечает также, что *«генерал Павел Бермондт-Авалов, и его сослуживец, генерал Константин Сахаров играли ведущие роли в такой русской эмигрантской нацистской организации, как Российское освободительное национальное движение (РОНД)»*[88].

Игорь Сахаров был типичным «солдатом удачи»: в 1930-е гг. он успел послужить в армиях Аргентины, Уругвая, Китая. Когда началась гражданская война в Испании, он вступил в Фалангу и на стороне войск генерала Ф. Франко воевал против красных. Сумев дослужиться до командира танковой роты, он был ранен и награжден за боевые отличия. В 1937 г. он создал в Испании очаг (отдел) Всероссийской

фашистской партии[89]. Газета «Наш путь» (орган ВФП — РФС, Харбин) писала: «В одном из европейских государств производился набор добровольцев, желающих отправиться на борьбу с Интернационалом на национальное дело. Из среды членов ВФП откликнулись на этот призыв 50 человек. Но в силу условий в Испанию смогли поехать только 10 из них». Впоследствии, в связи с притоком новых кадров испанский очаг был развернут в район (объединение нескольких очагов)[90].

Самутин в своих мемуарах характеризует Сахарова так (сразу же оговоримся, что этому автору далеко не во всем можно доверять): «Сын „бетонногоголового“ колчаковского генерала К. В. Сахарова был удачливым и смелым авантюристом, и при том — чистой воды. Получив в Германии... только общее среднее образование, не имея специальности, но не растеряв былые дворянские амбиции и замашки, И. Сахаров вынужден был окунуться в одну авантюру за другой... После окончания гражданской войны в Испании молодой Сахаров вернулся героем и некоторое время пожинал лавры своего первого жизненного успеха. Тут подошла новая война, на этот раз Германии с Россией, и для него внезапно открылись необъятные горизонты деятельности. В феврале 1942 г. умер старый генерал К. Сахаров... Умирая, генерал благословил сына на продолжение непримиримой борьбы с большевизмом и якобы сказал ему, что он... награждает своего сына... всеми своими орденами, которыми он сам был в свое время награжден на службе в царской и колчаковской армиях, и производит его в чин полковника... Этот удивительный случай „награждения“ молодого эмигранта орденами императорских времен стал известен благодаря тому, что на Пасхальное богослужение весной сорок второго года в Берлинский православный собор... Игорь Сахаров явился в полной парадной форме русского армейского полковника — со всеми отцовскими и своими тоже орденами на груди»[91].

При вступлении на службу в абверкоманду-203 Сахарову был присвоен псевдоним «Левин».

Два члена группы, Виктор Адольфович Ресслер и Игорь Леонидович Юнг, являлись членами Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП, или НТС) — наиболее активной организации авторитарного толка, поставлявшей эмигрантские кадры для вооруженной, идеологической и разведывательно-диверсионной борьбы с советской властью. Известно, что НТС еще в довоенные годы охотно шел на сотрудничество с разведывательными службами Японии и Польши, а с началом Второй мировой войны — Германии[92]. Историк А. Окорочков пишет, что «сразу после нападения Германии на СССР руководство НТСНП приняло решение о переброске своих кадров в Россию для ведения пропагандистской работы. Для этого многие члены Союза поступили на службу к немцам — в военные, пропагандистские, гражданские, полицейские и другие структуры германской армии, спецслужбы и гражданские учреждения, работавшие как в Германии, так и на оккупированных территориях СССР»[93].

Интересно, что Виктор Ресслер эмигрировал из Советского Союза в Германию буквально накануне войны как этнический немец. Он получил германское подданство и работал в Берлине токарем и механиком. Игорь Юнг со своими родителями переехал в Германию после революции 1917 г. В НТСНП он вступил в 1938 г.[94].

Пожалуй, самым колоритным членом группы Иванова был молодой священник Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) Гермоген (Кивачук), направленный на Восток с благословения правящего архиерея Берлинской и Германской епархии РПЦЗ, архиепископа Серафима (Ляде), у которого он был секретарем. Следует заметить, что немецкие власти по неизвестным причинам препятствовали въезду на оккупированные советские территории священников РПЦЗ и не поощряли ведения ими миссионерской работы среди бывших советских граждан (при том, что возрождение религиозной жизни, открытие храмов, трансляция богослужений по радио и т. д. осуществлялись повсеместно и были

существенными козырями в руках оккупантов). В этом смысле, появление в России отца Гермогена является случаем почти исключительным[95].

Л. Самутину довелось близко познакомиться с отцом Гермогеном. Он неоднократно беседовал с ним и в своих воспоминаниях представил такой его портрет: *«Происходя из Ровно, из западных украинцев, этот священник с капитанскими погонами на плечах и трехцветной бело-сине-красной кокардой на фуражке тем не менее по своим убеждениям, взглядам и образованию был совершенно русским, националистически, т. е. антисоветски настроенным человеком... Он был единственным по-европейски широко образованным человеком в этой компании. Он окончил богословский факультет Варшавского университета и, как лучший выпускник этого факультета, был отправлен еще на два года учиться на теологический факультет Кембриджского университета в Англию. Кроме русского, украинского и польского языков, каждый из которых был ему, по сути, родным, он совершенно свободно владел немецким и английским языками и вполне прилично — французским. Образованность его в гуманитарных областях — литературе, истории и, конечно, теологии — была блестящей»*. Самутин добавляет, что Гермоген со своей «рыжеватой бородкой и усами» был удивительно похож «на последнего нашего царя — Николая II». Интересно, что Гермоген носил при себе оружие — пистолет «Вальтер»[96].

Забегая несколько вперед, отметим, что чуть позже, уже в Белоруссии, к Иванову присоединились еще несколько российских эмигрантов, прибывших на Восточный фронт из Франции. Среди них надо назвать в первую очередь графа Григория Павловича Ламсдорфа-Галагана, графа Сергея Сергеевича фон дер Палена, Владимира Станиславовича Соболевского и графа Александра Александровича Воронцова-Дашкова.

Г. П. Ламсдорф родился в 1913 г. в Санкт-Петербурге в семье статского советника, члена Сената, помощника управляющего Земского отдела Министерства внутренних дел, Павла Константиновича Ламсдорфа-Галагана. В 1920 г. вместе с семьей он эвакуировался в Галлиполи, затем последовал переезд в Югославию. В 1928 г. Ламсдорфы обосновались во Франции. Здесь Григорий получил инженерное образование и начал пробовать себя на литературном поприще[97]. Занимая активную антибольшевистскую позицию, Ламсдорф, как и Сахаров, не преминул воспользоваться возможностью принять участие в гражданской войне в Испании. Летом 1936 г. он добрался до Сарагосы и вступил в испанский иностранный легион, в составе которого и воевал до победы националистов в 1939 г., после чего вернулся во Францию. За нелегальный переход границы французские власти на месяц посадили Ламсдорфа в тюрьму. Лишь после этого он смог приехать в Париж. Когда началась Вторая мировая война, Ламсдорфа призвали в 323-й артиллерийский полк французской армии. В боевых действиях против немцев из-за повального бегства французов ему поучаствовать фактически так и не удалось, за исключением небольшого эпизода на Марне, когда Ламсдорф со своими подчиненными отбил у немецких десантников захваченную батарею. За это он был награжден Военным крестом (*Croix de Guerre avec Etoile de Bronze* — «военный крест с бронзовой звездой»)[98]. Очевидно, этот факт послужил основой для абсурдного мифа, согласно которому, Ламсдорф якобы был участником французского Сопrotивления[99].

Друг Ламсдорфа, граф С. С. фон дер Пален родился в 1915 г. в Курляндии. В 1918 г. Палены эмигрировали во Францию и обосновались в Ницце[100]. В. С. Соболевский родился в 1897 г. в Харькове, окончил Сумской кадетский корпус и Тверское кавалерийское училище. Владимир Станиславович дослужился до ротмистра, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах (в ходе последней служил в Дроздовском полку Добровольческой армии), а после победы большевиков эмигрировал во Францию. Что касается графа А. А. Воронцова-Дашкова, то он был единственным среди офицеров РННА, кто родился уже в изгнании (в 1922 г. в Висбадене, Германия). В 1920-е гг. его семья переехала во Францию. Известно, что до войны Александр был участником скаутской русской эмигрантской «Национальной организации Витязей»[101].

Добавим здесь также, что публицист В. Каравашкин в своем памфлете «Кто предавал Россию» в числе эмигрантов, участвовавших в создании РННА, называет князя Владимира Андреевича Оболенского. Однако, принимая во внимание общий уровень работы [\[102\]](#), а также учитывая весьма почтенный возраст Оболенского (родился в 1869 г.), изложенная версия нам представляется сомнительной.

Г. Ламсдорф в форме Иностранного легиона во время Гражданской войны в Испании

В одном из своих последних интервью Г. П. Ламсдорф вспоминал, что, когда началась война Германии с СССР, он «*понял что должен ехать в Россию. Но русских эмигрантов немцы туда на пушечный выстрел не подпускали. Однако мы рискнули с Сережей Паленом, человеком очень близких мне взглядов... У Сережи повсюду были связи. Мы остановились в Берлине в отеле „Эксельсиор“ и пришли к генералу Бискупскому. После долгих разговоров он послал нас в Россию переводчиками. Сережа знал шесть языков, а я четыре. Это было в 1941 г., до знаменитой холодной зимы. Мы попали в Вязьму. Там*

командовал генерал Шенкендорф, который считал, что приходится Палену каким-то дальним родственником. Сережа называл его „дядей“ и при этом очень хохотал. Пален при нем и остался. А меня послали в шестую танковую дивизию переводчиком, где я научился неплохо писать по-немецки... Наша танковая дивизия стояла в тылу. Я был там полтора месяца. Пален прислал письмо, чтобы меня вернули в Вязьму. А в этот момент началось формирование Русской национальной армии в Орше»[\[103\]](#).

А вот как Ламсдорф описал эти события в своем интервью на «Радио Свобода»: «Мы вдвоем поехали, Сережка Пален и я, переводчиками... Одели в какую-то дику форму с повязкой белой, на которой было написано по-немецки: „Переводчик с офицерским чином“. Я носил на форме французский крест, который я получил против немцев... От Бискупского... мы попали в Вязьму к генералу Шенкендорфу. Палена он оставил при себе, а меня послали в 6-ю танковую дивизию официальным переводчиком в штаб дивизии. Там я столкнулся с людьми, которых переводить было очень трудно, потому что один, например, рассказывал: „Нас сбросили на молодняк без парашютов, бреющим полетом“. Ну как это переведешь? Немцы же не поверят такому делу, и никто не способен поверить. А было такое дело, сбрасывали на молодняк... Начался дикий мороз, все замерзло... Я вернулся в Вязьму, к Палену, потому что нечего было делать. И тогда Шенкендорф нам сказал, что в Орше, в Белоруссии, организуется Русская народная национальная армия»[\[104\]](#).

Однако возвратимся в март 1942 г., в Берлин. Перед отъездом на Родину к группе Иванова от абвера прикомандировали обер-лейтенанта Вильгельма Бурхардта-Мюллера. Куратором от отдела ОКХ «Иностранные армии Востока» стал зондерфюрер Роберт Наук, который был включен в штат абверкоманды-203[\[105\]](#).

Командующий охранными войсками группы армий «Центр» генерал от инфантерии М. фон Шенкендорф

По прибытию в Смоленск группа Иванова поступила в распоряжение В. Геттинг-Зеебурга, после чего начались предварительные приготовления, в частности — формирование штаба Русской национальной народной армии и набор первых двадцати добровольцев из числа советских военнопленных в Смоленском пересыльном лагере № 126. В штаб РННА вошли сам С. Н. Иванов (в качестве «особого руководителя»), И. К. Сахаров, ставший помощником Иванова, и К. Г. Кромиади, назначенный комендантом, заведующим кадрами, ответственным за боевую подготовку и хозяйственную часть [\[106\]](#).

После этого группа эмигрантов и добровольцев в сопровождении взвода связи с абверкомандой-203 под командованием обер-лейтенанта В. Бурхардта-Мюллера отбыла в Белоруссию, к назначенному месту постоянной дислокации — поселок городского типа Осинторф.

Сразу же заметим, что название «Русская национальная народная армия» носило пропагандистский характер и использовалось, в частности, в листовках, адресованных советской стороне. В то же время в документах абвера, относящихся к периоду марта — мая 1942 г., формирование именуется

«Подразделением абвера-203» (Abwehr Abteilung 203), «Русским батальоном специального назначения» (Russische Bataillon z.b.V.) и «Особым соединением „Седая голова“» (Sonderverband «Graukopf»)[\[107\]](#).

Глава третья. Организация и структура РННА

Пункт постоянной дислокации

Поселок Осинторф (бывшая деревня Остров) расположен в 35 км севернее Орши и в 6 км от станции Осиновка на железнодорожной ветке Орша — Смоленск. С 27 сентября 1938 г. этот населенный пункт административно входил в Оршанский (сегодня — Дубровенский) район Витебской области Белорусской ССР.

Перед войной Осинторф представлял собой крупное предприятие по разработке торфа, где в середине 1930-х гг. началось активное освоение ресурсов. Трудовая сила, в том числе сезонные рабочие, прибывала сюда практически со всей территории республики. В Осинторфе было построено 11 поселков барачного типа, рассчитанных на 10 тысяч человек. Насколько известно, в дальнейшем предприятие планировалось развернуть в еще более мощный центр по добыче торфа^[108].

С началом войны, согласно директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «Партийным и советским организациям прифронтовых областей» от 29 июня 1941 г., осинторфское советское начальство предприняло меры по уничтожению имущества, которое было невозможно вывезти в тыл. Были взорваны торфонасосные краны, уничтожена гидросистема, разрушены подъездные пути, сброшены под откос локомотивы и вагонетки. Чуть позже, перед самым приходом оккупантов, были подожжены торфяники. Одновременно советские и партийные работники под руководством директора Осинторфа Г. Г. Амельченко создали в лесу базу и ушли в партизанский отряд^[109]. Первые немецкие подразделения, проехавшие через поселок на восток, ограничились банальным грабежом продовольствия. Руководитель местного комсомольского подполья, Станислав Петрович Шмуглевский вспоминал о первой встрече с оккупантами: *«Они никого не убивали, не вешали, не насиловали... Они никого не арестовали, никого не избивали, но это не успокаивало»*^[110].

Памятная доска, посвященная руководителю осинторфского подполья С. Шмуглевскому

В августе 1941 г. в Осинторфе появились военная комендатура (она разместилась в здании управления предприятия), армейский гарнизон, органы гражданской администрации и многочисленное подразделение вспомогательной полиции. Новые власти приняли решение восстановить работу торфозавода и электростанции и отремонтировать сеть узкоколейных железнодорожных путей и складов готового топлива. Бургомистром поселка был назначен бывший начальник электроцеха Иван Трублин, а начальником полиции — бывший председатель профсоюзного комитета торфозавода Скварчевский^[111].

К началу 1942 г. жители Осинторфа в поисках более сытной жизни начали уходить в близлежащие деревни. Женщинам и детям власти не препятствовали покидать свои бараки. Мужчины же и подростки были взяты на учет в комендатуре и без специального пропуска населенный пункт покидать не имели права. Все трудоспособное население, начиная с четырнадцатилетнего возраста, записалось в бригады соответственно своим специальностям и навыкам.

Уже осенью 1941 г. из Германии были доставлены новые торфонасосные краны и электромоторы. Однако местным подпольщикам удалось успешно провести диверсию и уничтожить оборудование. Через несколько дней немцы приказали местным жителям возвести вокруг 4-го и 5-го поселков ограду из колючей проволоки и построить наблюдательные вышки. Здесь разместился лагерь для советских военнопленных^[112].

Русские коллаборационисты прибыли в Осинторф из Смоленска в начале марта 1942 г. Но прежде чем сюда приехала основная часть группы С. Н. Иванова, в поселок несколькими днями ранее вступила колонна

штабных машин в сопровождении подразделения мотоциклистов (вероятно, это было подразделение обер-лейтенанта В. Бурхардта-Мюллера). Среди германских военнослужащих были замечены двое русских, свободно говоривших по-немецки. На них была форма офицеров РККА, только вместо петлиц были погоны, а вместо пятиконечных звезд на головных уборах — бело-сине-красные кокарды[113]. Оккупантами была проведена акция по принудительному переселению жителей 7-го поселка. В течение дня все помещения (в основном бараки, и немногочисленные дома) были освобождены от гражданских лиц[114].

Одно из типовых зданий в центральном поселке Осинторфа. В годы войны — казармы РННА. Фото И. Сирикова

К. Г. Кромиади описывает появление эмигрантов в Осинторфе так: «К моменту нашего прибытия... занят был только один центральный поселок... Познакомившись на месте с квартирными ресурсами, мы решили здание управления отвести под штаб и склады, больницу — под лазарет, а поселки — под казармы»[115]. Известно, что в центральном поселке (находился в 300 м от 7-го поселка) располагались

военные и гражданские оккупационные структуры. Здесь немцы и выделили помещения под штаб и склады для русской группы. В 7-м поселке после выселения местных жителей стал дислоцироваться гарнизон, получивший наименование «Москва».

Вербовка советских военнопленных

Перед штабом РННА сразу возник вопрос о привлечении в свои ряды как можно большего количества бывших солдат и офицеров РККА. Кромпади почему-то объясняет дальнейший рост русской группы (развертывание взвода в роту, а роты — в батальон) тем, что потребовались люди, чтобы провести ремонт в ужасно запущенных бараках и домах, выделенных под казармы[116]. Проблема размещения личного состава, конечно, имела место быть, но преувеличивать ее значение не следует, поскольку в 7-й поселок завербованных пленных доставляли далеко не только для ремонта жилых строений.

Психологические мотивы, толкавшие солдат и командиров Красной армии на вступление в РННА, по большей части представляются объяснимыми. Зима 1941–1942 гг. была крайне тяжелой. К февралю 1942 г., по подсчетам К. Штрайта, в немецком плену умерли от болезней и голода или просто были убиты — 2 млн красноармейцев[117]. В зоне ответственности группы армий «Центр» до второй половины весны 1942 г. смертность пленных оставалась самой высокой[118].

Советские военнопленные

Командование группы армий «Центр» предоставило офицерам РННА возможность посещать несколько лагерей для военнопленных, откуда они имели право набирать личный состав. Из разных источников, в частности, из документов советских органов госбезопасности, можно узнать, в каких лагерях производился набор.

Так, в докладной записке особого отдела НКВД Северо-Западного фронта от 6 января 1943 г. сообщалось об отборе немецкой разведкой военнопленных в Оршанском и Витебском лагерях. Несколько ниже отмечалось, что военнопленные, пройдя подготовку, переправлялись в район Вязьмы для

уничтожения «действующих отрядов Белова» (генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Белова, чье кавалерийское объединение зимой — летом 1942 г. действовало в оккупированных районах Смоленской области)[119].

В докладной записке начальника особого отдела НКВД Калининского фронта Н. Г. Ханникова о борьбе с агентурой противника в 1942 г. (от 20 января 1943 г.) говорилось о бывших красноармейцах, направленных абвером за линию фронта. Пленных отбирали в Вязьме, Смоленске, Рославле, Борисове, Орше, Витебске. Для осуществления диверсий привлекались кадры РНА (под этой аббревиатурой, обозначавшей «Русскую национальную армию», в документах НКВД в 1942–1943 гг. подразумевались именно участники осинторфского эксперимента)[120].

Рассказывает о наборе «изменников» и С. П. Шмуглевский. Кадры для бригады, вспоминает он, подбирались «в Оршанском, Могилевском, Витебском и Смоленском лагерях военнопленных. Пленных доводили до полного изнурения голодом и каторжными работами, а потом, как возможность спасения от смерти, предлагали вступить в „РОА“ (так в тексте; на самом деле, в указанный период РННА не имела к Русской освободительной армии генерал-лейтенанта А. А. Власова никакого отношения. — Примеч. авт.)»[121].

Один из командиров РННА, майор Иван Матвеевич Грачев после войны вспоминал: «Я попал в немецкий плен... и был доставлен в лагерь для военнопленных в Орше. К тому времени под руководством старых эмигрантов — Кромиади, Сахарова и Иванова — начала формироваться Осинторфская бригада. Под началом Сахарова оказался один бывший слушатель советской военной академии. Именно он и убедил меня присоединиться к бригаде»[122] (заметим, что, по неполным данным в Оршанском лагере погибли около 10 тыс. советских военнопленных)[123].

Офицер РННА И. Грачев. Впервые опубликовано: Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. М., 2009. С. 359

В документах часто фигурирует Смоленский лагерь. В данном случае имеется в виду уже упоминавшийся пересыльный лагерь № 126, созданный на окраине города, рядом с Краснинским шоссе (размещался на территории бывшего военного склада № 105). Сотрудники абверкоманды-203, в том числе офицеры РННА, периодически посещали его, вербовали в нем агентуру[124]. Аналогичные мероприятия проводились в Могилеве (дулаг № 185), Орше (дулаг № 230), Витебске (шталаг № 313), Вязьме (дулаг № 231), Рославле (дулаги № 127, № 130, № 155) и в других местах концентрации военнопленных[125].

Кромиади так описывает процедуру приема: «Прием людей из лагерей для РННА производился на добровольных началах. Формальная сторона этого приема была простой: приемщик, кто бы он ни был, обращался к коменданту лагеря военнопленных с упомянутым выше удостоверением, выданным Иванову в штабе фельдмаршала фон Клюге. Комендант выстраивал пленных, и приемщик обращался к ним с соответствующей речью. На изъявлявших желание поступить в РННА составлялся список, и людей тут же выводили из лагеря»[126].

Речь вербовщика, отмечает Кромиади, производила впечатление: желающих вступить в русское формирование было много, но брали не всех. Автор упоминает об особом «подходе» приемщиков, связанном с «моральными требованиями». Проявлением этих требований стал, например, прием людей, получивших обморожения рук и ног и взятых в Осинторф в немалом количестве[127]. Данное сообщение Кромиади нуждается в дополнительном подтверждении, ведь пленные с тяжелыми заболеваниями

непригодны к несению строевой службы. Скорее всего, прием в ряды РННА «полуинвалидов» носил исключительный характер.

Бывший офицер РННА Петр Васильевич Каштанов после войны вспоминал, что лично он при вербовке задавал пленным вопрос: *«За что вы собираетесь бороться? За концентрационные лагеря и колхозы?»* Каштанов указывает, что *«обычно этого было достаточно»*[\[128\]](#).

Свидетельство о вербовке пленных оставил и Ламсдорф. По его словам, из лагерей офицеры РННА *«забирали кого угодно... Приказ был командира участка фронта, был приказ его отдавать нам пленных, которых мы выбирали. Но шли все, потому что или голодной смертью умереть в лагере, или идти к нам. Шли к нам, конечно, потому, что оставаться в лагере никому не хотелось. А были и такие, которые оставались в лагере»*[\[129\]](#).

О вербовке в РННА говорят и участники партизанского движения, к примеру, партийные работники Витебской области Я. А. Жилинин, И. Б. Позняков и В. И. Лузгин: *«По лагерям рыскали вербовщики — отъявленные предатели, присланные Берлином недобитые белогвардейцы, — которые призывали пленных, оказавшихся в тяжелом положении, добровольно вступить в „Русскую национальную народную армию“.*

— Если вы не пойдете добровольцами в „РННА“, то умрете с голоду и от непосильной работы в лагерях, — с откровенным цинизмом говорили вербовщики»[\[130\]](#).

В воспоминаниях начальника Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) Петра Захаровича Калинина указывается: *«Вербовка проводилась таким образом. В лагерь приезжала группа гестаповцев (речь идет о сотрудниках абвера, тайной полевой полиции и СД. — Примеч. авт.) в сопровождении организаторов „РНА“ и нескольких агентов, подготовленных в гестаповской школе под Берлином. Военнопленных выстраивали и отбирали из них тех, кто по здоровью был еще пригоден к службе. Затем им объявляли: создается „русская национальная армия“, и каждый имеет возможность „добровольно“ вступить в нее, чтобы сражаться за „свободную Россию“»*[\[131\]](#).

В качестве причин, побудивших советских военнослужащих пойти в РННА, партизаны и подпольщики чаще всего называют четыре. Во-первых, многие хотели выйти из лагеря и при первом же удобном случае перейти к партизанам, во-вторых — не умереть с голоду (*«Все равно, мол,дохнем, а там хоть пожрем вволю»*), в-третьих — отсидеться (*«Пока суд да дело, а там, глядишь, и война кончится»*), и, в-четвертых — исходя из идеологических побуждений[\[132\]](#).

Начальник Белорусского штаба партизанского движения П. Калинин

Касаясь ситуации, связанной с вербовкой в РННА, Калинин заостряет внимание на том, что представители абвера спустя некоторое время отказались от приема в ряды коллаборационистов летчиков и танкистов [\[133\]](#). Возможно, это объясняется тем, что белоэмигранты воспринимали бойцов и командиров, служивших в танковых войсках и военно-воздушных силах СССР, как заведомо нелояльных кандидатов. Историк С. Г. Чуев в этой связи отмечает: *«После записи шел отбор пригодных, который, в основном, сводился к беседе и последующему отсеvu негодных кандидатов — ими считались летчики и танкисты. Эмигранты считали, что эти рода войск комплектуются исключительно надежными комсомольцами и коммунистами»* [\[134\]](#). По прибытию в Осинторф, бывшие танкисты и авиаторы могли оказывать на остальной контингент разлагающее влияние. В целях недопущения подобных тенденций штаб РННА ужесточил правила приема, отдав приказ об отсеивании данной категории военнопленных еще на первом этапе вербовки. Впрочем, в дальнейшем произошел некоторый отход от указанной практики.

Приезжая в пересыльные лагеря и сборно-пересыльные пункты тылового района группы армий «Центр», вербовщики из числа немецких и русских сотрудников германской разведки в первую очередь искали убежденных противников советской власти, обращая особое внимание на жертв и непосредственных очевидцев сталинских репрессий. Историк А. Окороков отмечает: *«Первостепенное*

внимание уделялось... привлечению добровольцев, прежде всего тех, кто так или иначе пострадал от действий советских властей в период коллективизации и сталинских чисток, кто был озлоблен репрессиями по отношению к себе и к своим близким и искал случая, чтобы отомстить... Из их числа готовили младших командиров для формирующихся частей, а признанных особо надежными направляли в распоряжение спецслужб... для подготовки к разведывательно-диверсионным акциям в советском тылу»[\[135\]](#).

Помимо этого, использовались специальные приемы (пленных могли истязать, не кормить, шантажировать, дезинформировать и т. д.), с помощью которых пленных ставили перед выбором: либо — смерть, либо — служба Германии. Это сыграло свою роль, но несколько ослабило качество личного состава, позволив проникнуть в ряды РННА военнопленным, сумевшим скрыть свое членство в компартии (а в некоторых случаях — даже службу в НКВД!). Впрочем, как показала практика, многие бывшие большевики без особых мук совести поменяли свои политические убеждения и со временем стали убежденными противниками советской власти.

Осинторф. Подразделение РННА перед казармой. На переднем плане (слева направо): И. Сахаров, В. Геттинг-Зеебург, С. Иванов

Отправление команд в Осинторф проводила группа немецких солдат, прикомандированных к штабу РННА. Отобранные кандидаты размещались в вагонах, после чего эшелон трогался в путь, следуя до станции Осиновка. Здесь из бывших военнопленных формировали колонну, которая пешком порядком

следовала до поселка (дорога до Осинторфа составляла около 6 км).

В мемуарах Кромиади мы находим весьма туманные рассуждения: *«К людям, вышедшим из лагеря, нужно было отнестись, как к больным; сплошь и рядом происходили поступки, за которые виновный не в состоянии был отвечать»*^[136]. За этими словами, вероятней всего, скрываются эпизоды убийств, краж и тому подобных преступлений, процветавших в среде доведенных до изнеможения и отчаяния советских военнопленных. Л. А. Самутин, который сам прошел через лагерь, свидетельствует, что осенью 1941 г. в местах концентрации пленных *«образовались шайки лагерных бандитов, пытавшихся выжить ценой жизни своих товарищей. В нормальных условиях существования эти люди никогда не стали бы бандитами, но в том нечеловеческом состоянии, в которое их привел немецкий плен, они ими стали»*^[137].

Отобранные кандидаты далеко не всегда успешно достигали Осинторфа. С развитием подпольно-партизанского движения на захваченной территории Витебской области пешие команды вновь набранных коллаборационистов все чаще подвергались нападениям «народных мстителей», которые, как правило, их уничтожали. Так, в докладной записке комиссаров партизанских отрядов бригады «Дядя Кости» И. С. Шурмана и Л. И. Селицкого (от 30 июля 1942 г.) отмечается: *«10 июля 1941 г. уничтожена Кудеевская волостная управа, убит бургомистр и 8 полицейских, убит обер-лейтенант полевой комендатуры и еще 1 офицер, производившие в окрестных деревнях Орши мобилизацию молодежи в полицию и в „национальную русскую армию“»*^[138].

Прибывавшие в Осинторф команды обычно проходили несколько стандартных, но необходимых процедур. Военнопленных кормили, стригли наголо, пропускали через дезинфекционную камеру и баню. Затем каждому выдавалось новое обмундирование и определялось место для отдыха. В течение первой недели вчерашних заключенных старались не беспокоить, откармливали и следили за их здоровьем. На седьмой день с ними проводили подробное собеседование, которое повторялось еще через две недели интенсивного восстановления^[139].

И. М. Грачев после войны вспоминал: *«В бригаде в Осинторфе служили бывшие советские военнопленные. Мы могли посещать немецкие лагеря и вербовать там солдат. Добровольцев было значительно больше, чем требовалось. Когда новое пополнение прибывало, мы предоставляли этим солдатам 3–4 недели отдыха, так как они были не в состоянии начинать нести службу немедленно. В течение этого времени они хорошо питались и обмундировывались»*^[140].

Сегодня сложно установить, какие вопросы задавали бывшим военнопленным во время собеседований и какие решения принимал штаб РННА, ознакомившись с результатами опросов. Правда, Кромиади пишет о том, что *«в любое время любой офицер или солдат мог заявить о своем желании вернуться в лагерь»*. Но, разумеется, случаев добровольного возвращения за колючую проволоку он припомнить не смог^[141].

Данные периодических опросов коллаборационистов в дальнейшем анализировались представителями германских спецслужб, на основании чего составлялись характеристики и прогнозы в отношении возможного дальнейшего поведения конкретных военнослужащих. Насколько известно, большая часть рядового и офицерского состава осинторфской бригады в течение определенного времени не вызывала у немцев беспокойства и считалась надежной.

Занимаясь формированием подразделений, руководство РННА изучало персональные данные тех, кому оно собиралось доверить командование личным составом. На штабные и командные должности, в основном, назначались бывшие советские кадровые командиры (реже — командиры запаса). Многие из них в прошлом воевали в составе 33-й армии, 4-го воздушно-десантного и 1-го гвардейского кавалерийского корпусов.

К. Кромиади и В. Баерский в бронеавтомобиле ФАИ

Личный состав РННА, неоднократно пропущенный через сито всевозможных проверок, в целом оказался устойчивым, за исключением некоторых групп военнослужащих, в основном, состоявших из младших офицеров. В конце августа 1942 г., когда Кромиади покидал Осинторф, он не без гордости смотрел на офицеров соединения. *«Начальником штаба, — отмечает он, — был майор Генерального штаба Риль; начальником артиллерии — полковник Горский, батальонные командиры — полковник Кобзев, майор Грачев, майор Иванов, майор Генерального штаба Николаев, полковник Х. (его судьба неизвестна), начальник разведки — майор Бочаров... Молодой врач Виноградов набрал превосходный кадр врачей и не только хорошо обслуживал все подразделения, но и создал прекрасный лазарет и в центральном поселке амбулаторию для гражданского населения»*^[142]. Грачев также свидетельствует, что *«по сравнению с другими аналогичными формированиями личный состав бригады отличался в*

лучшую сторону»[\[143\]](#).

Военнослужащие РННА принимают присягу. Осинторф. Лето 1942 г.

Следует подробнее рассказать о некоторых офицерах РННА из числа бывших советских военнослужащих.

Безусловно, самым известным из них был Георгий Николаевич Жиленков, впоследствии занявший одно из ключевых мест во власовском движении. Казалось бы, он не имел никаких внешних оснований для того, чтобы оказаться в стане коллаборационистов. До войны Георгий Николаевич прошел вполне образцовый путь большевистского руководителя: вышел из рабочего сословия (родился в 1910 г. в семье железнодорожного мастера), окончил фабрично-заводское училище, посещал партийные курсы, стал слесарем-передовиком, был выдвинут на освобожденную комсомольскую работу, вступил в ВКП(б). Окончив Московский индустриально-технический техникум, продолжил карьеру по партийной линии и к началу войны вошел в столичную номенклатуру ВКП(б), став секретарем Ростокинского районного комитета партии.

С началом войны Жиленков, не будучи военным, был назначен членом Военного совета 32-й армии, а в августе ему было присвоено звание бригадного комиссара. Жиленков попал в плен в октябре 1942 г., скрыл свое звание и фамилию, избежав таким образом расстрела (как известно, распоряжение ОКВ от 6 июня 1941 г., известное как «Приказ о комиссарах», и дополнение к нему от 8 июня, требовали от войск «немедленного уничтожения политических комиссаров всех рангов, в случае если они будут захвачены в

бою или окажут сопротивление»[\[144\]](#)). Шесть месяцев Жиленков скрывался под фамилией «Максимов», работая «хиви» при 252-й пехотной дивизии. В конце мая 1942 г. он был опознан лесником П. Черниковым и арестован сотрудниками отдела I с штаба 252-й дивизии. В ходе допроса Георгий Николаевич дал согласие сотрудничать с абвером. В июне 1942 г. он был повторно допрошен в Смоленске начальником оперативного отдела штаба группы армий «Центр» полковником Хенningом фон Тресковым и начальником отдела I с штаба группы армий «Центр» майором Рудольфом-Кристофом Фрайхером фон Герсдорфом. Затем Жиленкова перевели в Летцен, в особый лагерь 1-го военного округа (Кёнигсберг), где его допрашивал заместитель начальника отдела «Иностранные армии Востока» подполковник А. Ренне. До своего прибытия в Белоруссию Жиленков участвовал в акциях военной пропаганды, используя при этом звание генерал-лейтенанта (хотя оно и не соответствовало званию бригадного комиссара РККА; очевидно, это было сделано из прагматических соображений). В это же время он, возможно, был завербован сотрудниками полиции безопасности и СД. 17 августа 1942 г. Жиленков прибыл в Осинторф и был назначен начальником организационно-пропагандистского отдела штаба РННА[\[145\]](#).

И. Сахаров и Г. Жиленков. Осинторф. Лето 1942 г.

И. М. Грачев охарактеризовал Жиленкова не с самой лучшей стороны: «Жиленков был... чем-то вроде политкомиссара, писал отчеты и т. д. Мы считали, что именно благодаря им Власов в конечном итоге и достиг своего положения при немцах. Власов и Жиленков в первый раз встретились в Смоленске (именно из-за Осинторфской бригады). К этому моменту Жиленков уже в полной мере показал себя. Многим не нравились его личные качества: он был пьяницей и грубияном. В 1942 г. десять военнослужащих получили возможность съездить на „экскурсию“ в Германию. Среди них оказался и Жиленков. Во время поездки он все время приставал к сопровождавшему их зондерфюреру отпустить его в публичный дом. Это было и в Берлине, и в Гамбурге, а позже он добился своего, будучи во Франции. Жиленков был гораздо более сдержан в изъятии антинемецких чувств, чем Баерский»[\[146\]](#).

В отличие от Жиленкова упомянутый в воспоминаниях Грачева Владимир Гелярович Баерский (более известен под псевдонимом «Владимир Ильич Боярский», который был присвоен ему в июле 1942 г.) был профессиональным военным. В РККА он прошел путь от рядового красноармейца, участника Гражданской войны (в Красную армию он добровольно вступил в августе 1920 г.) до полковника, командира 41-й стрелковой дивизии. Части его соединения в мае 1942 г. сражались на Юго-Западном фронте и к концу месяца были разгромлены немецкими войсками. 25 мая Баерский был взят в плен. До своего появления в Осинторфе Владимир Гелярович содержался в особом лагере ОКХ под Винницей, который курировал отдел «Иностранные армии Востока». Баерский пошел на сотрудничество с немецкой разведкой, подписал совместно с Власовым обращение к германскому командованию о необходимости формирования РОА и русского правительства. В августе 1942 г. Баерский принял предложение возглавить РННА[\[147\]](#). И. М. Грачев вспоминал, что «Баерский был хорошо образованным молодым офицером и порядочным человеком; его антинемецкие убеждения были настолько сильны, что он не мог скрывать их. В узком кругу мы постоянно напоминали ему, чтобы он вел себя более осторожно, так как необдуманное поведение может привести вред нашему делу»[\[148\]](#).

К слову, сам Грачев также был кадровым командиром Красной армии, капитаном РККА. Он попал в немецкий плен в сентябре 1941 г. Лишь чудом ему удалось пережить суровую зиму в пересыльных лагерях. Летом 1942 г. он дал согласие сотрудничать с немецкой разведкой и был направлен в РННА. Пройдя аттестацию, Грачев получил назначение на должность командира II батальона соединения «Граукопф» (дислоцировался в Шклове). После изменения структуры соединения он продолжил службу в составе 700-го полкового штаба. В 1943 г. Грачев служил в полиции Могилева, сотрудничал с СД, а позже в качестве агента эсэсовской разведки взаимодействовал с различными органами абвера (некоторое время он исполнял обязанности начальника разведшколы в Вано-Нурси, в генеральном комиссариате «Эстония»). В 1944 г. Грачев, работавший к тому времени под псевдонимом «Владимир Тарасов», присоединился к армии генерал-лейтенанта А. А. Власова, в которой возглавил разведывательный отдел[\[149\]](#).

Бывший майор РККА Алексей Матвеевич Бочаров (псевдоним — Бугров) воевал в составе 33-й армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова и, оказавшись в окружении под Вязьмой (первая половина весны 1942 г.), пытался вырваться из «котла», но попал в плен. Не желая разделить печальную участь многих военнопленных, Бочаров согласился пойти на службу в РННА. В конце мая 1942 г. он принимал участие в диверсионной операции абвера, направленной на уничтожение штаба 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П. А. Белова (о чем будет рассказано ниже). Бочаров не раз отмечался командованием РННА. С июня 1942 г. он возглавил разведывательный отдел штаба, а с осени — контрразведку экспериментального соединения «Граукопф». В конце войны Алексей Матвеевич вступил в Вооруженные силы Комитета освобождения народов России (ВС КОНР)[\[150\]](#).

Заслуживает внимания и личность бывшего майора Красной армии Рудольфа Фридриховича Рилья (псевдоним — Владимир Федорович Кабанов). Попав в плен осенью 1941 г., Риль на допросе заявил, что,

являясь немцем по национальности, он готов помогать вермахту в борьбе с большевизмом. В конце 1941 г. — в начале 1942 г. Риль служил в одном из подразделений немецкой военной разведки в Витебске. После того, как в Осинторфе началась операция «Граукопф», его откомандировали в РННА. Весной 1942 г. он получил назначение на должность начальника штаба соединения, а с 1 января 1943 г. формально командовал русскими батальонами, входившими в состав 700-го полкового штаба. В конце лета 1943 г. Риль, будучи уже сотрудником СД, был направлен из Рейха в Псковскую область, где в рамках проекта «Цеппелин» формировалась 1-я Гвардейская бригада РОА, предназначенная для ведения диверсионной и разведывательной деятельности в тылу советских войск. В 1943 г. он вступил в армию Власова[151].

В числе бывших кадровых командиров Красной армии, оказавшихся на службе в РННА, можно назвать также капитана РККА Михаила Ивановича Головинкина. Будучи командиром батальона, он в составе 20-й армии участвовал в июльском сражении под Смоленском, после чего был взят в плен (между 16 и 20 июля 1941 г.). Головинкину удалось пережить суровую зиму, и в июне 1942 г. он был завербован в РННА. Сам Михаил Иванович вспоминал: *«Речи пропагандистов в лагере на меня не произвели впечатления. Понял для себя главное — можно уйти из лагеря, а там будь, что будет! А вот когда первый раз наш командир, царский полковник Кромиади разъяснил цели и задачи создаваемой бригады, тогда я впервые осознал возможность нового пути развития России»*[152]. Из Осинторфа Головинкина направили в Шклов, и до 2 сентября 1942 г. он командовал батальоном «Волга». После этого он командовал II, затем — учебным батальонами РННА, сформировал штурмовую роту, неоднократно участвовал в боях с партизанами, был ранен. В конечном итоге, Головинкин, как и большинство его коллег, оказался на службе в ВС КОНР[153].

Поистине поразительна судьба уже упоминавшегося выше Петра Васильевича Каштанова. Согласно его собственному свидетельству, он рос в семье высокопоставленного советского чиновника, члена Рабоче-крестьянской инспекции. В 1939 г. он поступил в морское пограничное училище НКВД в Севастополе, затем был переведен в Ленинградское военно-политическое училище войск НКВД, но в этот момент началась война, и вместо учебы Каштанов был направлен сержантом в погранвойска НКВД; он стал политработником полкового звена, а затем секретарем ВКП(б) части. В феврале 1942 г. он попал в плен. Кромиади пишет, что Каштанов согласился служить в РННА *«только для того, чтобы подкормиться, дожидаться теплых дней и уйти в лес»*. Однако к партизанам Петр Васильевич не ушел. Причиной тому послужил серьезный разговор, произошедший между ним и Кромиади. В последующем капитан Каштанов *«стал одним из активных антибольшевистских борцов»*, командовал ротой, участвовал в антипартизанских акциях, получил тяжелое ранение в живот, но выжил после операции, проведенной хирургом Виноградовым. Затем служил в 700-м полковом штабе. Осенью 1943 г. вместе с батальоном Каштанов был переброшен во Францию, в 1944 г. вступил в ВС КОНР и был назначен начальником личной охраны генерала Власова[154].

Бывшие советские партизаны Жилинин, Позняков и Лузгин называют бойцов и командиров «Граукопфа» *«антисоветчиками, шкурниками и трусами»*[155]. Шмуглевский разделяет солдат и офицеров РННА на две группы — *«откровенных предателей»* и *«людей, надломившихся»*, перешедших на сторону немцев в силу трагически сложившихся для них обстоятельств, но готовых при удобном случае уйти к партизанам[156]. Именно в расчете на вторую группу бойцов осинторфской бригады «народные мстители» стремились разложить соединение «Граукопф». Коллаборационистов убеждали в том, что проявленное малодушие и согласие на сотрудничество с врагом вполне можно искупить, если вовремя повернуть оружие против оккупантов[157].

Формирование и обеспечение батальонов.

Переподчинение РННА командующему корпусом охранных войск

Операция «Граукопф» предполагала создание специального соединения, которое абвер на Восточном фронте мог бы использовать в своих целях — по группам, поротно или побатальонно, в зависимости от поставленных задач. Очевидно, ставка делалась на большое количество диверсантов, поэтому штабу РННА давалось задание увеличить число личного состава для разведывательных и диверсионных мероприятий.

Грачев вспоминал: *«Изначальные задачи этого формирования были довольно скромны: оно создавалось для выполнения разведывательных и диверсионных задач: до того момента, когда я вступил в бригаду, несколько разведывательно-диверсионных групп уже, по всей видимости, были переброшены через советские линии»*[\[158\]](#).

В конце апреля — начале мая 1942 г. обозначилась тенденция к дальнейшему укрупнению формирования. Вероятно, в планах немецкой военной разведки РННА должна была превратиться в разветвленный центр по подготовке разведчиков-диверсантов. Осинторф, расположенный в стратегически важном треугольнике Смоленск — Витебск — Орша, предполагалось превратить в особую базу, чьи лагеря-поселки были весьма удобны для того, чтобы наладить работу по обучению агентов.

Из воспоминаний Кромиади следует, что руководство РННА, согласовав соответствующие вопросы, взялось за формирование батальонов, но с тем расчетом, чтобы впоследствии развернуть на их базе полки. Но не следует забывать, что первоначально речь шла не о полевых, а о разведывательных подразделениях. В связи с этим заявления Кромиади о предполагаемом развертывании батальонов в полевые полки, тем более по немецкому штатному расписанию, представляются нам сомнительными[\[159\]](#).

А вот для разведывательного соединения, каковым РННА первоначально и являлась, батальонная система подходила как нельзя лучше. Во-первых, не нарушался приказ Гитлера о том, чтобы восточные формирования не превышали численности батальонов и, во-вторых, эти части легко можно было использовать — как вместе, так и порознь, что для абвера было удобно.

В июне 1942 г. наступил новый этап в жизни РННА. В проект «Граукопф» включился командующий корпусом охранных войск и начальник тылового района группы армий «Центр», генерал Максимилиан фон Шенкендорф. Озабоченный ростом партизанского движения на подведомственной территории, он вышел на генерал-фельдмаршала фон Клюге с предложением об использовании особого соединения «Седая голова» в антипартизанских операциях и для выполнения охранных функций. Началась смена приоритетов.

Здесь уместно привести характеристику, данную Шенкендорфу немецким историком и публицистом Юргеном Торвальдом: *«Генерал фон Шенкендорф, как и многие другие генералы, вступил на территорию СССР, не имея никаких знаний о нем и не ознакомившись с русскими проблемами; однако благодаря природному уму и врожденной гуманности он сразу же многое заметил и многое понял не только в вопросах военной стратегии, но и психологические моменты и, руководствуясь собственными соображениями, вел свою политику в областях среднего участка Восточного фронта... Сделав свои выводы, он пошел против правительственного течения... „Самотеком“ возникли первые военные и охранные формирования из бывших солдат Красной армии, добровольцев и мирного гражданского населения, которые боролись против Красной армии на стороне немцев, думая, что... они несут своей*

Родине освобождение от ненавистного коммунистического режима... Все эти добровольные образования внезапно рождались в тылах немецкой армии, и полевые штабы генерала фон Шенкендорфа обеспечивали тыл своих частей от нападений отрядов НКВД и партизан, большей частью, только благодаря самоотверженности добровольцев»[\[160\]](#).

Итак, к разведывательно-диверсионному направлению деятельности РННА добавились теперь и задачи по борьбе с «бандами». Эти изменения коснулись не только русской стороны проекта «Граукопф», но и немецкой. В июле 1942 г. начальником абверкоманды-203 (и куратором РННА по линии разведки и контрразведки) был назначен подполковник Вильгельм Хотцель, а подполковник Вернер фон Геттинг-Зеебург был переведен в Финляндию[\[161\]](#). Именно Хотцель сориентировал штаб соединения на подготовку части личного состава для ведения боев с партизанами.

Еще в июне 1942 г. соединение поступило в оперативное подчинение генерала фон Шенкендорфа, который, внешне сохраняя деловые отношения с военной разведкой, пошел по пути снижения ее влияния на проект «Граукопф», используя для этого свои связи в ОКХ и в командовании группы армий «Центр» (он дружил с начальником оперативного отдела штаба группы армий «Центр», полковником Х. фон Тресковым[\[162\]](#)). Видимо, этим можно отчасти объяснить скандал, произошедший между Геттинг-Зеебургом и офицером, сопровождавшим начальника штаба группы армий «Центр», генерала Отто Велера, во время визита последнего в Осинторф.

Кромиади в этой связи пишет: «Один из офицеров, сопровождавших генерала, сцепился с нашим Зеебургом, и между ними разыгрался скандал, в результате чего Зеебурга куда-то перевели. Его уход от нас был для РННА незаменимой потерей... Что представляет собой заменивший его подполковник Хотцель, мы не знали, но с первого же раза он произвел на нас нехорошее впечатление. Видно было также, что он собирался командовать и мало интересовался нашим отношением к нему... Он оказался самым неподходящим человеком. Хитрый и неискренний, с холодным сердцем и неприятным взглядом, Хотцель решил использовать нас исключительно в борьбе против партизан. Он и думать не хотел, что мы формировались для другой цели и что наши задачи совсем другие... Насколько наши солдаты и офицеры полюбили Зеебурга, настолько же возненавидели Хотцеля»[\[163\]](#).

Шенкендорф не мог сразу свести до минимума влияние абвера в соединении. Хотя подполковник Хотцель и приступил к выполнению приказа о выделении русских подразделений для антипартизанских операций, он был все-таки представителем военной разведки и, действуя в ее интересах, оставил определенные «рычаги» в руках начальников армейских спецслужб, которыми они продолжали пользоваться, несмотря на утрату полной власти над РННА.

Говоря об изменении приоритетов в служебно-боевой деятельности РННА, следует провести параллель с рядом других формирований русских коллаборационистов, связанных с немецкой разведкой. С весны 1942 г. на территории Генерал-губернаторства (а затем — на территории Белоруссии) действовали «дружины» Боевого союза русских националистов (позднее сведенные в 1-ю русскую национальную бригаду СС «Дружина»). Это формирования под командованием бывших советских командиров Владимира Владимировича Гиля (Родионова) и Андрея Эдуардовича Блажевича были созданы эсэсовской разведкой в рамках плана «Цеппелин» и изначально предназначались для сбора разведывательной информации, осуществления диверсионных и террористических актов в советском тылу, ведения пропаганды, разлагающей население и армию противника. Однако на практике «дружинники» были задействованы, в основном, в карательных и антипартизанских операциях[\[164\]](#).

Начальник VI управления РСХА Вальтер Шелленберг после войны объяснял это так: «Для переброски агентов в Россию в наше распоряжение была предоставлена боевая эскадрилья, причем весьма ограниченное число самолетов и еще более ограниченные запасы горючего подлежали распределению

между военными и политическими секторами секретной службы... Вследствие этого, отправка наших агентов на задания часто задерживалась. А, как известно, ничто так не нервует агента и не подрывает его моральное состояние, как слишком продолжительное ожидание»[\[165\]](#). В итоге подготовленные диверсанты фактически стали использоваться не по назначению — то есть в антипартизанских операциях.

Такую же ситуацию мы наблюдаем и в случае с добровольческим особым полком СС «Варяг», сформированным в 1943 г. из русских эмигрантов и советских военнопленных в Югославии. Руководитель «Цеппелина» Вальтер Куррек первоначально ориентировал командира «Варяга», гауптштурмфюрера СС Михаила Александровича Семенова, на подготовку диверсантов, которых планировалось забрасывать в советский тыл. Фактически личный состав полка был задействован в операциях против партизан И. Б. Тито на территории Словении[\[166\]](#).

Итак, осинторфское соединение продолжало подчиняться абверу лишь формально, а фактически стало частью охранных войск тыла группы армий «Центр». Со временем это нашло отражение и в немецких оперативных документах, в которых фигурировала РННА. Если с июня по ноябрь 1942 г. РННА официально именовалась Экспериментальным соединением «Седая голова» (Versuchsverband «Graukopf»), то с 1 по 14 ноября 1942 г. — уже Экспериментальным соединением «Центр» (Versuchsverband «Mitte»)[\[167\]](#).

Несмотря на противоречия, сопровождавшие служебно-боевую деятельность русских коллаборационистов в течение полугода, фактический выход из орбиты абвера и включение РННА в состав охранных войск позволили ей развиваться и набирать силу.

Формирование батальонов в соединении «Граукопф» началось в начале июня 1942 г. Подразделения бригады дислоцировались в Шклове, Березине и в Осинторфе, где находилось три гарнизона — «Москва», «Урал» и «Киев» (согласно Кромиади)[\[168\]](#). В сообщении советских органов госбезопасности, проявивших огромный интерес к немецкому эксперименту, указывалось на функционирование в Осинторфе трех лагерей — «Москва», «Урал» и «Волга». По информации оперативно-чекистской группы НКВД по БССР, I батальон располагался в 7-м поселке Осинторфа и условно назывался «Волга». II батальон находился в Шклове (Шкловский район Могилевской области) и получил название «Москва». III батальон, расквартированный в Центральном поселке, назывался «Урал»[\[169\]](#).

В дальнейшем в связи с выводом батальона «Волга» из состава РННА в бригаде приступили к формированию нового подразделения в организованном для этого лагере «Киев». В итоге, к концу августа 1942 г. в соединении были созданы штаб бригады, три батальона (по 200 человек в каждом), курсы для усовершенствования командного состава (КУКС), разведывательная, пулеметная и хозяйственная роты, автомобильный, саперный, и комендантский взводы, взвод связи, а также подготовлена база для создания еще нескольких подразделений. Некоторые специалисты склоняются также к версии, что в конце лета — начале осени 1942 г. в РННА был создан пехотный полк[\[170\]](#).

Шклов. Ратуша и торговые ряды. Современный снимок

Наряду с этим вызывает интерес утверждение начальника БШПД П. З. Калинина и руководителя осинторфского комсомольского подполья С. П. Шмуглевского о существовании в Осинторфе еще одного гарнизона — «Байкал»^[171]. Возможно, так назывался один из батальонов, чье формирование относится к сентябрю — октябрю 1942 г.

Сложнее обстоит дело с подразделением в Березино. Никакой конкретной информации о нем нет, кроме упоминания населенного пункта, где оно дислоцировалось. В то же время известно, что в конце февраля 1943 г. отдельные подразделения РННА туда были выведены. Березино, следует сказать, находилось на значительном удалении от Осинторфа, основной базы бригады, и добираться до него (в отличие от Шклова) было труднее и опаснее. В опросе Грачева встречается такая информация: «*Наши первые части дислоцировались около Орши, в Осинторфе, а затем мы были переброшены в район Березино, между Могилевом и Минском; это были места, которые немцы никогда не контролировали. Когда нас перебросили в Березино, Баерский был заменен немецким офицером*»^[172].

Батальон «Волга», как уже отмечалось, дислоцировался в Шклове и создавался как отдельное подразделение для ведения борьбы с партизанами^[173]. Формирование батальона завершилось в июле

1942 г.^[174] После этого на основании договоренности между начальником отдела I с группы армий «Центр» майором фон Герсдорфом и начальником тылового района группы армий «Центр» генералом фон Шенкендорфом батальон «Волга» подчинили командованию охранных войск, а в бригаду «Граукопф» направили приказ фельдмаршала фон Клюге (от 31 июля 1942 г.) об увеличении численности соединения до 5000 человек^[175].

Батальон «Волга» включили в состав Восточного запасного полка «Центр» (куда также входили батальоны «Днепр», «Березина», «Двина» и «Припять»^[176]), а с 27 сентября 1942 г. передали в подчинение 286-й охранной дивизии^[177]. На этом, однако, отток личного состава из РННА не прекратился. Кадры бригады «Граукопф» пошли на формирование батальонов «Днепр», «Березина», «Припять» и 56-го охранного артиллерийского дивизиона. Правда, выделение этих сил произошло позже, в конце февраля — начале марта 1943 г., когда часть русских подразделений перевели в Березино^[178].

Говоря о батальоне «Волга», нельзя пройти мимо темы так называемой Шкловской республики. В работе немецкого разведчика Антона Доллerta (С. Штеенберга), посвященной генералу Власову, встречается эпизод о передислокации батальона «Волга» в Шклов и передаче ему под охрану целого района. При этом, сообщает Доллерт, германское командование передало власть русским на торжественной церемонии, вызвавшей настоящий духовный подъем у населения. Подразделения местной самообороны считались частью РННА, и люди всеми путями стремились в них попасть. Во главе батальона «Волга» и русского самоуправления стояли лейтенант граф Г. П. Ламсдорф, капитан граф С. С. Пален (русский комендант Шклова) и майор И. М. Грачев (позднее его сменил капитан М. И. Головинкин, затем батальоном командовал майор А. П. Демский)^[179].

На самом деле батальон «Волга» никуда не перебрасывали, а формировали в самом Шклове, для чего из Осинторфа направили определенное количество солдат и офицеров, образовавших костяк подразделения, а значительная часть рядового состава набиралась в пересыльном лагере № 185 в Могилеве.

Появление в Шклове Г. П. Ламсдорфа и С. С. Палена относится к началу июля 1942 г. Их перевод в РННА санкционировал генерал М. фон Шенкендорф во время своей инспекционной поездки в Осинторф. До этого момента Пален находился при штабе Шенкендорфа, а Ламсдорф некоторое время служил переводчиком в 6-й танковой дивизии, после чего был также откомандирован в распоряжение командующего охранными войсками группы армий «Центр». Вместе с Шенкендорфом Ламсдорф и Пален посетили Осинторф и, по словам Кромиади, *«упросили генерала оставить их в РННА»*^[180].

До появления в Шклове Ламсдорф и Пален были откомандированы во Францию. Ламсдорф вспоминал: *«Мы с Паленом поехали в Париж закупать материал для военной формы. А сами были в такой странной форме, да еще с какими-то немецкими фамилиями — Пален, Ламсдорф, — что все решили, что мы немецкие шпионы. Когда мы вошли в церковь на улице Дарю, батюшка, отец Александр Спасский, во время богослужения подошел к нам и спросил, что это за форма на нас такая и почему мы при оружии в церкви, это, дескать, не полагается. Смотрел на нас крайне неодобрительно. Я ему объяснил, что это форма РНА. Все оборачивались в нашу сторону. Потом мы рассказывали присутствовавшим на службе о целях нашей армии. В церкви вокруг нас собралась толпа. Многие приглашали в гости, чтобы узнать побольше»*^[181].

Создание батальона «Волга», проходившее при участии зондерштаба «Кнот» (Sonderstab «Knot»), завершилось к середине июля 1942 г. Поскольку подразделение только сформировали и привлекать его к боям с партизанами было преждевременно, Шенкендорф приказал, чтобы батальон для начала нес охранную службу в районе своей дислокации. Такая практика была распространенной. Ни о какой самостоятельности речь не велась, подразделения батальона часто снимали со своего места и

использовали в составе 286-й охранной дивизии генерал-майора Иоганна Рихерта.

Согласно воспоминаниям Кромиади, самостоятельная жизнь русской администрации длилась всего десять дней, пока ее вновь (по указанию фон Шенкендорфа, который поначалу одобрил ее автономный статус) не подчинили местным немецким властям. Исходя из этого, говорить о какой-то «Шкловской республике», как об очередном аналоге Локотского административного округа, просто абсурдно.

Свидетельство о недолгом существовании этой «автономной единицы» оставил и сам Ламсдорф. В своем интервью на «Радио Свобода» он вспоминал, что С. С. Пален *«был... комендантом в Шклове и кончил плохо. Как его немцы не расстреляли, я до сих пор не понимаю. Я бы его расстрелял, честно говоря, потому что он безобразно себя вел. Он боялся, что его примут за немца, и поэтому свою русскость перебарщивал. Он, например, про портрет Гитлера сказал: „Убрать эту мерзость“. В госпитале он говорит: „Что это за ерунда написана по-немецки на кроватях? Перевести на русский язык“. И на него донесли, сами русские на него донесли... Кончилось тем, что его выгнали, но не расстреляли. Я, честно говоря, расстрелял бы за такие истории»*[\[182\]](#).

Вероятно, Пален сумел избежать серьезных проблем из-за добрых отношений с Шенкендорфом (последний, как уже говорилось, полагал, что они — родственники). Зато не поздоровилось доносчику. Ламсдорф утверждает: *«Расстреляли одного, Бочарова, по-моему. Он донес немцам, а немцы по-русски читать не умели, передали этот самый донос нам в штаб. А в штабе возмутились, его судили. Ему назначили защитника, а защитник встал и говорит: „Я совершенно согласен с обвинением“. И расстреляли его. Вот я должен сказать, что это — советское воспитание»*[\[183\]](#).

В другом своем интервью (корреспонденту газеты «Совершенно секретно» Д. Вронской) Ламсдорф говорит: *«Палена назначили губернатором Шкловского района Могилевской области. Первое условие, которое поставил немцам Пален, — чтобы в его районе их духу не было. Хорошее условие, не правда ли? Он им сказал, что сам будет всем распоряжаться. Как он распоряжался, я вам сейчас расскажу. Приходит в госпиталь, где лежали вместе немецкие и русские солдаты и офицеры. Видит — на каждой кровати история болезни. Написано по-немецки. Он приказывает это выбросить и все перевести на русский. На стене висит портрет фюрера. Пален говорит: „Убрать эту мерзость!“ На него, конечно, тут же донесли. Там ведь лежали и засланные — чекисты и гестаповцы. К счастью, немецкий полковник, перед носом которого положили написанный по-русски донос, ни слова по-русски не знал, и его вернули Палену на перевод. Так мы и дознались, кто Сережу продал. Мы этого типа судили и даже дали ему адвоката, все по закону. Но защита объявила, что полностью согласна с обвинением. Мы этого то ли Полякова, то ли Полянова расстреляли по приговору суда. Но донос все же возымел действие. Нас с Паленом вернули в Берлин. Мы там переводили какие-то бумаги, бегали по инстанциям и высматривали, кого бы обработать, чтобы вернуться в Россию»*[\[184\]](#).

В сентябре 1942 г. в РННА началось формирование IV и V батальонов[\[185\]](#). Численность их была неодинаковой, однако имелись возможности для дальнейшего увеличения личного состава. В октябре 1942 г., замечает немецкий историк Э. Хессе, *«в оперативный резерв начальника тылового района (генерал фон Шенкендорф) входили кавалерийский полк, танковый батальон и русские вспомогательные войска бригады „Граукопф“, состоявшей из 4 батальонов бывших офицеров и рядовых Советской армии, и 600-й казачий батальон в составе трех эскадронов (около 600 человек на охранную дивизию) полковника Кононова»*[\[186\]](#).

Влияние абвера на РННА все более уменьшалось. Наконец Шенкендорфу удалось полностью подчинить себе соединение: он добился поддержки командующего группой армий «Центр», и 1 ноября 1942 г. вышел приказ о полном подчинении бригады «Граукопф» охранным войскам[\[187\]](#).

Перед Шенкендорфом возник непростой вопрос: что делать дальше — оставлять бригаду в прежнем

виде или изменить ее структуру? Из дневника генерала видно, что в соединении следовало создать пять батальонов (не считая подразделений обеспечения), отвечавших требованиям командующего корпусом охранных войск. Рассматривалось два варианта структурного построения русских батальонов. Согласно первому из них, в каждом подразделении должно было быть по четыре стрелковых роты, у которых 4-й взвод включал бы в себя отделение станковых пулеметов, отделение легких и отделение тяжелых минометов. Вместе с тем штатное расписание для восточных формирований, определенное приказом начальника Генерального штаба ОКХ № 8000/42 от августа 1942 г. «В отношении вспомогательных сил на восточных территориях», предусматривало иную структуру построения батальона — три стрелковых и одну пулеметную роты[188].

Шенкендорф склонялся к первому варианту. Батальоны Экспериментального соединения «Центр» должны были состоять из четырех стрелковых рот. Данный вариант представлялся наиболее подходящим не только потому, что по такому же принципу формировались многие восточные охранные части в тыловом районе группы армий «Центр», но и потому, как писал сам Шенкендорф, что *«на здешней местности... боевое использование полной пулеметной роты вообще невозможно. В большинстве отдельные роты разбросаны далеко одна от другой»*[189].

В ОКХ тем не менее приняли другое решение — переформировать батальоны РННА в соответствии со штатами батальонов вермахта: в каждом — три стрелковые роты, в состав 4-й роты включались взвод связи, разведывательный, саперный и противотанковый взводы (три орудия калибра 45 мм и полубатарея — два орудия калибра 76 мм)[190].

С изменением структуры батальонов, разумеется, возникла необходимость и в том, чтобы переформировать соединение. На основе бывшей бригады «Седая голова», чья база позволяла это сделать, планировалось сформировать особое войсковое соединение, предназначенное для ведения борьбы с партизанами в тылу группы армий «Центр».

Из ОКХ пришел приказ сформировать полковой штаб, который одновременно являлся бы и учебным штабом по боевой подготовке. Командир штаба становился в то же время и командующим восточными войсками, наделенным инспекционными правами для всех восточных частей группы армий «Центр». Русский командир соединения поступал в подчинение командующему восточными войсками и назначался на должность проверяющего, а фактически, как показывает дневник Шенкендорфа, становился заместителем своего непосредственного начальника, хотя формально он оставался командиром русских батальонов[191].

Преобразование бригадной структуры РННА позволило Шенкендорфу почти полностью включить бывшее соединение «Граукопф» в сферу деятельности охранных войск, оставляя за абвером лишь ряд функций (при русском штабе находился еще взвод связи капитана Услара в составе двух офицеров и 20 унтер-офицеров и рядовых[192]), которые со временем должны были утратить свое значение. Во многом это удалось ему сделать, хотя известное влияние военной разведки еще сохранялось в первой половине 1943 г.

На основании секретного распоряжения ОКХ № 5381/42, подписанного 8 ноября 1942 г., Шенкендорф 15 ноября 1942 г. отдал секретный приказ № 3779/4 о создании 700-го полкового штаба особого назначения восточных войск (Regimentstab z.b.V. 700), которому были переданы все пять батальонов РННА, получивших номера с 633-го до 637-го. Более того, была введена новая должность — командующего восточными войсками особого назначения (Kommandeur der Osttruppen z.b.V.). На эту должность назначили вначале полковника Грау, бывшего командира 2-го самокатного гренадерского полка, затем — полковника Юлиуса Коретти. РННА теперь окончательно превращалась в охранный полк, нацеленный на

борьбу с «народными мстителями»[\[193\]](#).

В ноябре — декабре 1942 г. полковой штаб именовался 700-м восточным батальоном особого назначения, что, вероятно, было сделано в целях маскировки (как, например, и в случае с 600-м казачьим батальоном, который по своей численности был полком). В последующем часть обозначалась как 700-й полк особого назначения и 700-й пехотный полк (такие названия встречаются в партизанских разведывательных сводках[\[194\]](#)). Штабное подразделение бывшего соединения «Граукопф» («Центр») в декабре 1942 г. именовалось батальоном «Осинторф»[\[195\]](#).

Таким образом, на разных этапах своего существования «Русская народная национальная армия» имела различную структуру. В декабре 1942 г. она выглядела так:

- три первых пехотных батальона (633-й, 634-й и 635-й), укомплектованные приблизительно на 75 %;
- 636-й и 637-й батальоны, укомплектованные на 15–20 %;
- технический (бывшая ремонтно-восстановительная рота) и штабной (разведывательная, пулеметная и хозяйственная роты) батальоны, укомплектованные на 60 %, артиллерийский дивизион и учебно-тренировочное авиазвено (без машин)[\[196\]](#).

Переходя к вопросу о вооружении военнослужащих РННА, надо сказать, что оно выдавалось бывшим военнопленным примерно через три недели, после того как их привозили в Осинторф[\[197\]](#). Оружие, в основном, было советское, хорошо знакомое солдатам и офицерам, поэтому никаких проблем в обращении с ним не возникало.

Известно, что в РННА находились на вооружении 180 ручных и 45 станковых пулеметов, 24 миномета, артиллерийские орудия, две бронемшины, винтовки Мосина и СВТ, автоматы советского образца, но в небольшом количестве[\[198\]](#). Жилянин, Позняков и Лузгин подтверждают, что в соединении были «винтовки, автоматы, пулеметы, минометы и пушки»[\[199\]](#).

Военнослужащим бригады «Граукопф» выдавалась советская униформа, которой хватало с избытком. Кромиади вспоминал: «... трофейные склады ломались от всего, что нам было нужно, а наш добрейший ф. Зеебург ни в чем нам не отказывал»[\[200\]](#).

В сообщениях советских органов госбезопасности отмечается: «Солдаты РННА обмундированы в красноармейскую форму: брюки летние и диагоналевые, кители, пилотки. Командный состав носит погоны, на них знаки различия Красной армии, то есть квадраты, прямоугольники. Кокарды из формы бывшей царской армии, центр кокарды эллипсообразный, красного цвета»[\[201\]](#).

Таким образом, знаки различия советского образца — «треугольники», «кубики» и «шпалы» — были перенесены на погоны, которые в РККА в то время еще не ввели. На головных уборах солдаты и офицеры бригады носили овальную бело-сине-красную кокарду (а знаменем соединения был российский триколор)[\[202\]](#).

В опросе И. М. Грачева отмечается: «Поначалу наши части были обмундированы в советскую форму, не желая носить немецкие мундиры... Мы также не использовали немецкие знаки различия, возродив систему царских времен, только вместо звездочек использовались ромбы. Не носили мы и немецких кокард. Разуется, позднее, на Западном фронте, личный состав наших формирований был полностью переобмундирован в немецкую форму»[\[203\]](#).

Использование советской униформы в соединении «Граукопф» указывает на то, что русские подразделения первоначально готовили для диверсионных операций[\[204\]](#). Вероятно, вопрос с формой обговаривался заранее с представителями абвера в Берлине, когда группа Иванова собиралась выехать на оккупированную территорию СССР.

Практика использования советской формы российскими эмигрантами — сотрудниками европейских разведок, применялась и ранее. Например, разведывательными органами польского Генштаба был разработан план вторжения в СССР. По этому плану 100 эмигрантов, переодетые в красноармейскую форму, должны были инсценировать на одном из участков советско-польской границы бой с пограничной польской стражей и одновременно ввести вооруженные формирования в количестве 4500 человек в пограничные районы УССР. Отряд Овчарука летом и осенью 1925 г. неоднократно совершал рейды на советскую территорию, при этом его подчиненные были обмундированы в форму пограничников и милиционеров. Они нападали на заставы и приграничные населенные пункты. Известны и другие примеры[205].

Процесс переобмундирования военнослужащих РННА в немецкую униформу растянулся на несколько месяцев, начавшись с момента переформирования соединения «Центр» в 700-й полковой штаб особого назначения. Еще в первой половине января 1943 г. солдаты и офицеры носили советскую форму. Так, в приказе от 4 января 1943 г. о проведении операции «Франц» (Franz) бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Ф. Кучера, перечисляя оперативные силы, выделенные в его распоряжение, упоминает 633-й и 634-й восточные батальоны, которые носят *«русскую униформу с русскими касками»*[206].

Несколько слов надо сказать о численности РННА. В период с марта по май 1942 г. личный состав формирования вырос с 20 до 400 человек[207]. Начальник БШПД П. З. Калинин полагал, что в Осинторф сразу прибыло 200 диверсантов из берлинской разведшколы[208]. Советский публицист Г. Анзимиров также пишет, что вместе с Ивановым и Сахаровым *«в Осинторф направились около двухсот отъявленных уголовников, прошедших специальные курсы вербовщиков»*[209]. Однако данная информация не соответствует действительности.

К концу мая 1942 г. в РННА, по документам НКВД, состояло около 600 солдат и офицеров[210]. Но эти сведения не полные. После участия диверсионной группы Иванова в операции «Ганновер» (Hannover) соединение «Седая голова» сократилось на 170–200 человек[211]. Вместе с тем на сторону немцев перешло несколько сот красноармейцев, и некоторая их часть влилась в РННА. По нашему мнению, в начале июня 1942 г. в «Граукопфе» было не менее 500 военнослужащих. В июле, по словам А. ДоллERTA, численность бригады составляла 3 тыс. человек[212]. В это время, по сведениям НКВД, только в двух батальонах РННА — «Урал» и «Волга» — несли службу 850 человек[213]. Тем не менее батальон «Волга» вскоре вывели из соединения, и началось формирование новых подразделений, согласно приказу командования группы армий «Центр» от 31 июля 1942 г[214]. По подсчетам К. Александрова, к августу численность РННА достигала 2–2,5 тыс. человек[215]. Те же самые цифры называют Жилинин, Позняков и Лузгин[216].

Белорусские партизаны

В августе 1942 г. соединение «Граукопф» участвовало в борьбе с партизанами. В этом же месяце в результате разложения ряды соединения покинуло не менее 200 человек[217]. Поэтому к началу сентября в РННА могло находиться около 1500 человек.

Осенью 1942 г. численность бригады увеличилась. В ноябре в первых трех батальонах соединения было приблизительно по 1028 человек[218]. По немецким данным, на 2 декабря 1942 г. при 700-м полковом штабе находилось 3325 военнослужащих[219].

Оценки общей численности РННА разнятся. К. Кромиади и С. Фрелих, например, пишут, что в соединении служило 8 тыс. человек. Такое же количество военнослужащих указано в работе В. Захарова и С. Колунтаева. П. Полян пишет о 10 тыс. человек. Исследователи А. О कोरोков, С. Дробязко и К. Александров определяют численность РННА в 4 тыс. солдат и офицеров. Д. Литтлджон вслед за А. Доллертом (Штеенбергом) полагает, что в июле 1942 г. в РННА было около 3 тыс. человек, а к декабрю численность соединения достигла 7 тыс. бойцов[220].

Чтобы подготовить разведывательные и диверсионные кадры, штаб РННА утвердил распорядок дня и учебный план. Агентам НКВД удалось выяснить, в каком режиме протекала жизнь коллаборационистов: «Подъем в 6 часов утра, физзарядка, завтрак, занятия по строевой и специальной подготовке, обед, мертвый час, затем личное время, ужин и отбой»[221].

При чтении этого документа несколько смущает то, что вторая половина дня практически полностью отдавалась военным служащим в качестве личного времени, тогда как в разведывательных школах и специальных формированиях ее занимали либо новые занятия, либо самостоятельная подготовка.

Интенсивные учебные занятия, как отмечает Кромиади, начинались в подразделениях с того момента, как личный состав получал оружие. На занятия отправляли всех без исключения солдат и офицеров. *«Это нужно было делать из тех соображений, — объясняет Кромиади, — что соблюдение уставных требований внутренне казарменной жизни военных укрепляет дисциплину и субординацию так же, как строевые и тактические занятия укрепляют воинов физически»*[\[222\]](#).

В Осинторфе занимались не только боевой, но и разведывательной выучкой личного состава. Известно, что разведподготовка является составной частью боевой и тактической подготовки. Цели разведподготовки сводятся к изучению противника, выработке у личного состава навыков в ведении разведки противника и местности в различных видах боя и условиях обстановки, слаживанию подразделений и т. д. В ходе разведподготовки читаются специальные лекции, проводятся семинары, групповые упражнения, летучки, штабные тренировки, организуется самостоятельная работа.

Личный состав подразделений «Граукопф» проходил и диверсионные курсы. Партизанская агентура не случайно обратила внимание своего руководства на занятия по *«специальной подготовке»*. Отряд ОМСБОН НКВД СССР «Грозный», которым командовал лейтенант госбезопасности Ф. Ф. Озмитель, подтвердил эту информацию, а также установил, что в Осинторфе *«готовили шпионов, террористов, диверсантов, лжепартизан и лжеподпольщиков»*[\[223\]](#). О подготовке в составе РННА специальных групп и отрядов для засылки в тыл Красной армии с диверсионными и разведывательными заданиями также пишет в своих мемуарах Калинин[\[224\]](#).

Командир отряда ОМСБОН НКВД СССР «Грозный» лейтенант госбезопасности Ф. Озмитель

В дальнейшем, когда начался перевод соединения «Граукопф» под начало охранных войск группы армий «Центр», учебные часы, отведенные на диверсионную подготовку, скорее всего, сократили до минимума. Тем не менее некоторое время РННА продолжала формально подчиняться абверу. Поэтому продолжали решаться разведывательные вопросы и связанные с ними подготовительные мероприятия. К примеру, в соединении было создано учебно-тренировочное авиазвено (идея принадлежала капитану Ф. И. Рипушинскому[225]), которое предполагалось использовать для доставки разведчиков и диверсантов в советский тыл.

По сообщению НКВД, все занятия с личным составом проводились бывшими командирами РККА, опиравшимися на устав Красной армии[226]. Однако в данном случае речь идет о стандартных военных дисциплинах, в то время как лекции по разведывательному и диверсионному делу могли читать лишь отобранные для этой цели офицеры, уже прошедшие подготовку.

Кроме диверсионных курсов с личным составом проводились политзанятия и политинформация. Этими вопросами занимались эмигранты, в частности Н. Н. Иванов. На лекциях, вспоминая Кромиади, «лучшими примерами из дореволюционной народной жизни мы старались разбудить в сознании этой обманутой и обобранной большевиками молодежи любовь и преданность к прошлому своего народа, к его истории, без чего человек остается с пустой душой»[227].

В ходе учебного процесса преподавателям, по всей видимости, приходилось сталкиваться с проблемами. Не стоит забывать, что с началом войны советские пропагандисты, исходя из тактических соображений, обратились к истории России и в целях мобилизации народа на борьбу с немцами активно эксплуатировали образы русских военачальников и полководцев, которые в период становления советской власти всячески попирались и очернялись. Манипулируя этими образами, Сталин и его подручные сумели переломить ситуацию в лучшую для себя сторону и получили возможность для тотальной мобилизации населения страны для ведения войны[228].

Поэтому большое внимание на политзанятиях в РННА уделялось разоблачению псевдопатриотической риторики «вождя народов», идеологических установок, соединявших в единое целое советское и русское, коммунизм и патриотизм. Учитывая, что во главе соединения «Граукопф» стояли люди с традиционно консервативными, ультраправыми и фашистскими взглядами, вполне очевидно, от какой идейной платформы они отталкивались, когда проводили свои лекции.

Пытаясь переубедить бывших военнопленных, эмигранты делали все возможное, чтобы люди им поверили. По словам Кромиади, штаб РННА пошел даже на то, что его представители при личных беседах с солдатами и офицерами никогда не спрашивали, состояли ли те в коммунистической партии или комсомоле. Более того, когда некоторые военнослужащие доставали свои партийные билеты и демонстративно клали их на стол, документы якобы всегда возвращали их владельцам, так как главным был не билет, а сам человек, *«его сердце, его преданность»*[229].

Подобные утверждения, честно говоря, вызывают большие сомнения, так как еще при пленении красноармейцев обыскивали, отбирали документы и награды. Кроме того, в пересыльных лагерях, где осуществлялся прием в РННА, проводилась «филтрация» военнослужащих. К тому же известно, как в дулагах работали сотрудники лагерной администрации и представители полиции безопасности и СД, занимавшиеся не только поиском подходящих кандидатов, способных пойти на сотрудничество, но также евреев, политкомиссаров и коммунистов, которых во многих случаях расстреливали.

Партизанские разведчики зафиксировали некоторые высказывания руководителей РННА. Так, С. Н. Иванов, выступая перед военнослужащими соединения, заявлял: *«Москву будут брать не немцы и не японцы, а мы, русские, своими руками будем брать ее и восстанавливать свои порядки. Поэтому после окончательного формирования наша армия должна занять один из участков фронта для борьбы против советских войск»*. К. Г. Кромиади также выступал перед рядовым и офицерским составом бригады: *«Нам необходимо создать двухмиллионную армию и полностью вооружить ее. Немцы после этой войны ослабнут, тогда мы и ударим по ним. Возьмем власть в свои руки и восстановим в России монархию»*[230].

Информационно-пропагандистскому обеспечению в бригаде уделялось значительное внимание, однако поставить эту работу на серьезную основу удалось не сразу. Приблизительно с весны до начала лета 1942 г. в соединении выпускалась стенная газета «Родина». Но с увеличением личного состава назрела необходимость в полноценном печатном органе. До осени 1942 г. вопрос с изданием продолжал оставаться вторичным, пока за дело не взялся бывший бригадный комиссар РККА Г. Н. Жиленков, ставший в сентябре начальником организационно-пропагандистского отдела. Благодаря его инициативе и организаторским способностям штат газеты (редактор — Родин) удалось довести до 40 человек[231].

Стоит заметить, что первоначально Жиленков был встречен личным составом с недоверием; А. Доллерт (Штеенберг) замечает, что тот *«был как-никак партийным функционером и комиссаром, но что еще хуже — первая речь, с которой он обратился к личному составу, изобилвала пропагандистской риторикой и льстивыми реверансами в адрес немцев. Недоверие достигло такой степени, что некоторые офицеры обратились к Кромиади за разрешением ликвидировать Жиленкова»*

— он казался им плохо замаскированным агентом-provокатором»[232].

По словам историка А. Окорочкова, в РННА выпускалась и газета «За свободу»[233]. На самом деле это издание выпускалось сотрудниками одного из немецких пропагандистских подразделений и к соединению «Седая голова» никакого отношения не имело. Газета «За Свободу» (главный редактор — П. Н. Кожушко) издавалась с пометкой «орган Русской народной армии» (в реальности никогда не существовавшей) и выходила в Смоленске. Газета стала регулярно выпускаться с конца 1942 г.[234] К слову, в отчетах и сводках чекистов и партизан также часто встречаются аббревиатурные неточности: РННА нередко именуется в этих документах «РНА» или «РОА»...

За практическое ведение и состояние антисоветской пропаганды, равно как и контрпропаганды, в подразделениях РННА осенью 1942 г. отвечал майор А. М. Бочаров[235]. Несмотря на усилия, прилагаемые им, нужного информационного эффекта достичь не удалось — переходы личного состава на сторону партизан продолжались, и потребовались крутые меры, чтобы остановить разложение.

Партизанские агенты сообщали, что по-настоящему системной массово-политической работы среди солдат РННА не проводилось[236], а майор Бочаров относился к своим обязанностям спустя рукава. Вся его деятельность сводилась к разъяснению добровольцам международного положения или чтению официальных сводок Верховного командования вермахта[237].

Нелестно отзывались «народные мстители» о питании военнослужащих в Осинторфе. Калинин писал, что *«надежды тех, которые пошли в „РНА“ с целью „как следует пожрать“, не оправдались. Кормили „добровольцев“ плохо: выдавали в день всего по триста — пятьсот граммов хлеба, один раз горячую пищу, а на завтрак и ужин — жидкий кофе или чай»*[238]. Заметим здесь, что советские партизаны в указанный период едва ли питались лучше...

Из воспоминаний Кромиади, напротив, следует, что бывших военнопленных кормили хорошо; по указанию Геттинг-Зеебурга, было налажено снабжение продуктами, а их выдача производилась в Орше, где располагались армейские склады. Задержки с поступлением продуктов происходили из-за партизанских налетов на колонны тылового обеспечения или подрывов железнодорожных составов с провизией. Проводились и реквизиции скота, овощей и зерна у деревенского населения, но иногда мирные жители отдавали все сами по распоряжению бургомистров[239].

Для офицеров, признает Калинин, устанавливали улучшенное питание, однако, чем оно отличалось от солдатского, не сообщает[240]. В целом же снабжение соединения «Граукопф» продовольствием находилось на вполне приемлемом уровне, позволявшем выполнять служебно-боевые задачи.

Денежное довольствие рядового и офицерского состава, по словам П. В. Каштанова, не превышало 300 рублей[241]. Выплаты производились три раза в месяц по 100 рублей. Продуктовых и промтоварных магазинов в Осинторфе не было. С определенной периодичностью в гарнизоны поселка завозились табак и сигареты, и солдаты покупали их на свои деньги[242].

В партизанских документах рассказывается и о практике дисциплинарных взысканий в РННА. «Народные мстители» передавали в БШПД, что за проступки военнослужащих подвергали *«избиению розгами перед строем»*[243]. Калинин пишет, что бойцов РННА *«вдоволь угощали кулаками. Недовольных избивали до потери сознания, пороли перед строем. Нередки были случаи расстрелов»*[244].

Кромиади, наоборот, высказывается о вполне нормальном состоянии дисциплины в подразделениях. Ни о каких телесных наказаниях он речи не ведет. Зато в его мемуарах встречается информация о существовании на территории одного из поселков гарнизонной гауптвахты. Причем, подчеркивает Кромиади, *«обзавестись ею»* пришлось *«после одной провокации со стороны большевистской агентуры»*[245].

Думается, вопросы дисциплинарной практики не всегда разрешались в Осинторфе нравоучительными беседами. Случаи рукоприкладства со стороны командного состава никак нельзя исключать. В то же время нельзя отрицать и того, что поведение военнослужащих могло носить вызывающий характер, и самым негативным образом отражаться на морально-психологическом климате всего соединения, почему в целях принуждения смутьянов к повиновению — в качестве исключения — применялись архаичные методы физического воздействия. Вместе с тем эти методы свидетельствуют о попытках штаба РННА внедрить в соединении систему традиционных правил взаимоотношений между офицерами и солдатами, которые, находясь на разных ступенях воинской иерархии, строго соблюдают субординацию и пребывают на своих, четко обозначенных для них местах.

Но подобное умонастроение в командной среде существовало только до тех пор, пока в РННА находилась группа эмигрантов. После смены руководства «Граукопфа» неизбежно должны были произойти перемены в отношениях между командирами и подчиненными.

Заключение солдат на гауптвахту, расстрелы военнослужащих, уличенных в нелояльности, относятся к периоду, который охватывает собой семь месяцев — с августа 1942 г. до конца февраля 1943 г. Именно в это время происходили наиболее крупные переходы к партизанам. Нельзя исключать и того, что определенное количество солдат и офицеров, считавшихся ненадежными с точки зрения осведомителей, могли быть возвращены в лагеря, в частности — в осинторфский дулаг, созданный весной 1942 г. [\[246\]](#)

Словом, система дисциплинарных взысканий в РННА была обычной для военного времени и включала в себя весь арсенал средств для поддержания порядка в подразделениях. Некое своеобразие в нее привнесли эмигранты, чьи действия, мало отличавшиеся гибкостью, накладывали на практику наказаний свои особенные черты, что послужило одной из причин того, что солдаты стали уходить к партизанам.

Здесь уместно также кратко коснуться вопроса об отношении РННА с местным населением и партизанами. Следует отметить, что тыловое командование группы армий «Центр» предпринимало попытки расположить население к оккупантам. В приказе М. фон Шенкендорфа от 3 августа 1942 г., в частности, указывалось на позитивный эффект от «дружественных акций», когда гражданских лиц не истребляли, а проверяли. *«Мы не ведем войну против населения, — подчеркивал в приказе генерал, — тем более, если оно в своем большинстве охотно проявляет готовность к сотрудничеству. Мы не боремся против русского, который хочет честно работать с нами, только из-за того, что он был членом коммунистической партии. Обязанностью каждого должна быть готовность привлечь к сотрудничеству с нами русское население, ибо в этом заключается первейшая предпосылка к осуществлению нашей задачи...»* [\[247\]](#)

Стараясь поддерживать ровные отношения с местным населением, штаб соединения высылал из Осинторфа роты «народников» в те деревни, где появлялись партизаны. Иногда приказы поступали от командования охранных войск из Смоленска. Кромиади, к примеру, рассказывает о задачах, связанных с защитой урожая. Правда, эти меры он почему-то называет помощью населению со стороны русских добровольцев, хотя ясно, что мероприятия такого рода проводились по указанию немцев [\[248\]](#).

Неправдоподобно звучат и рассуждения Кромиади о «бережном отношении» партизан к «народникам». В качестве примера он приводит случай, произошедший с хозяйственной ротой штабного батальона. В один из летних дней личный состав подразделения косил сено. Неожиданно появились партизаны, отобравшие у «народников» автоматы, новые сапоги и табак, но при этом никто из военнослужащих не пострадал. Все якобы остались живы и благополучно вернулись в Осинторф [\[249\]](#).

Автор упоминает еще об одном случае. Бойцы РННА взяли в плен «народного мстителя», прошедшего ускоренные курсы диверсионной подготовки в городе Козельске. Кромиади с ним побеседовал и

предложил две недели «погостить» в одном из батальонов РННА, чтобы человек сам убедился, как живут «народники». Партизан согласился. Две недели ему читали политические лекции, а затем отпустили. Кромиади преподносит эту историю как пропагандистский ход, необходимый, чтобы переманить на свою сторону «народных мстителей». Но этот эпизод свидетельствует о подготовке в Осинторфе агентуры, предназначенной для проникновения в партизанские отряды[250].

Кромиади пишет о нападениях партизан на местных жителей, сотрудничавших с РННА, о насильственной мобилизации граждан призывного возраста в «лесные банды». На страницах его воспоминаний встречается эпизод, как один из жителей деревни Веретея, у которого были на содержании пять маленьких братьев и сестер, был вынужден уйти в лес. В рядах партизан он пробыл недолго, дезертировал и был захвачен командой «народников», которая вместе с немцами проводила зачистку. Местный житель легко отделался — с него якобы взяли честное слово, что он больше не пойдет в лес[251].

Рассказывая о поддержке местного населения, Кромиади упоминает об одной «гуманитарной» акции РННА. Жены руководителей соединения «Граукопф» (в частности, Анна Митрофановна Сахарова и Евгения Константиновна Кромиади) провели в Берлине сбор женской одежды, белья, обуви, ниток, иголок и пуговиц. Собрали шесть больших ящиков и направили их через ОКВ в Осинторф. Все эти вещи были переданы архимандриту Гермогену Кивачуку, раздававшему их жителям поселка и других деревень, расположенных рядом с местом дислокации соединения[252].

Своеобразной формой пропаганды идей РННА являлись проповеди, которые отец Гермоген произносил по воскресеньям в одном из барачных домов гарнизона «Урал». Проповеди произносились после совершения литургии и различных треб, в первую очередь — таинств крещения и миропомазания. Священник также проводил беседы на национально-патриотические, исторические и религиозно-нравственные темы, неизменно делая акцент на возвращении в Россию монархии[253].

Несомненно, миссионерская деятельность о. Гермогена оказывала известное влияние на население и личный состав РННА. По крайней мере один военнослужащий «Граукопфа» под воздействием проповедей и бесед с Кивачуком впоследствии стал священником. Речь идет о Борисе Петровиче Власенко (Плющове), после войны — протоиерее РПЦЗ (в 1963 г. окончил Свято-Владимирскую семинарию, рукоположен в иереи в юрисдикции Православной церкви в Америке, в 1968–1976 гг. настоятель Успенской церкви в городе Бингхемптон, штат Нью-Йорк). Власенко служил в IV батальоне РННА полковника А. Н. Высоцкого (Кобзева), а затем — переводчиком и офицером связи в Восточном запасном полку «Центр». Осенью 1943 г., находясь в Восточной Пруссии, он познакомился с бывшим полковником советских военно-воздушных сил В. И. Мальцевым и стал его адъютантом. В феврале 1945 г. Власенко стал поручиком ВВС КОНР[254].

Грачев вспоминал: *«У нас сложились хорошие отношения с гражданским населением. Местные жители нормально относились к нашему существованию, так как мы охраняли их и от немецких оккупантов, и от набегов партизан»*[255]. Однако нам представляется, что реальная картина отнюдь не всегда выглядела столь идиллически. Несмотря на определенную помощь со стороны командования соединения гражданским лицам, настроить простых граждан против партизан не удалось. Население не особо верило РННА, хотя прилагались усилия, чтобы добиться согласия. Основная причина, почему люди отказывались активно сотрудничать с «народниками», заключалась в том, что местные жители видели в них немецких «прислужников», выполнявших приказы оккупантов (партизаны передали Кромиади записку: *«Товарищ полковник, мы все пришли бы к вам, но мы не доверяем немцам; потом они расстреляют и нас, и вас»*)[256].

Взаимоотношения командиров РННА с немцами

Как уже говорилось, первое время за операцию «Граукопф» с русской стороны отвечал С. Н. Иванов. Фактически он был связующим звеном между различными германскими инстанциями, вовлеченными в это предприятие, и в первую очередь — с немецкой военной разведкой, заинтересованной в том, чтобы иметь под рукой еще один разведывательно-диверсионный орган. Работая по линии абвера, Иванов поддерживал тесные контакты с руководителями германской разведки, неоднократно добивался аудиенции у командующего группы армий «Центр» и за короткое время сумел заложить основы РННА[257].

Деятельность Иванова следует оценивать как эффективную. Обладая прекрасными организаторскими способностями, интуицией делового человека и личной харизмой, он использовал все возможности, чтобы сформировать русскую антибольшевистскую армию. Понимая всю сложность этого дела, Иванов, если ему не удавалось решить какие-либо задачи, работал на перспективу, считая связь с разведывательными структурами Рейха явлением временным, но полезным для первых шагов к намеченной цели. Проект «Граукопф» представлялся ему отправной точкой, поэтому объяснима и та активность, с которой он трудился в течение трех месяцев, пока возглавлял операцию.

Во время антипартизанской операции. Слева сидит С. Иванов

В середине мая 1942 г. Иванов и его заместитель Сахаров получили задание прощупать на предмет сотрудничества с немцами бывшего командующего 19-й армии Западного фронта генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина. Руководители РННА действовали по поручению отдела «Иностранные армии Востока»^[258].

К слову, немецкая разведка уже пыталась втянуть Лукина в предприятие по созданию антисталинского коллаборационистского правительства. Известен протокол допроса генерала, проведенного 14 декабря 1941 г. сотрудниками отдела I с группы армий «Центр», которые интересовались политическими взглядами советского военачальника. Лукин отказался от предложения сформировать «русское альтернативное правительство», почему-то назвав это мероприятие «ошибочным». Русский народ, заявил он, не примет такого правительства, и будет видеть в нем «инструмент иноземного господства»^[259].

Отвергнув сотрудничество с абвером, Лукин все же оказал определенную услугу военной разведке. По мнению историка К. М. Александрова, он сообщил сведения, представлявшие военную тайну — о

формировании на Востоке СССР с сентября 1941 г. 150 стрелковых дивизий[260]. Эта информация, несомненно, представляла интерес, почему генерала и перевели в особый лагерь, подконтрольный отделу «Иностранные армии Востока» (офлаг III-A в Луккенвальде, III военный округ, Берлин)[261].

Несмотря на бескомпромиссную позицию Лукина, сотрудники абвера не считали игру с ним завершенной. Война была в самом разгаре, на чьей стороне окажется победа, еще не было ясно, к тому же в первой половине 1942 г. Красная армия потерпела ряд серьезных поражений. Поэтому командиров РННА и привлекли к еще одной попытке завербовать Лукина.

Руководители РННА, вспоминает Кромиади, предложили генералу возглавить соединение «Граукопф», развернуть на его базе армию и включиться в освободительную борьбу. Появление на германо-советском фронте русских частей под командованием Лукина могло бы вызвать массовый переход красноармейцев на немецкую сторону[262].

Однако генерал наотрез отказался от подобной затеи, что вызвало у Иванова и его товарищей большое разочарование. Впрочем, Кромиади постарался представить эту неудачу как *«отрезвление»*, а Лукина назвал *«не подходящим для освободительной борьбы человеком»*, преданным коммунистической партии и сталинскому режиму[263].

Неблагополучный исход беседы с Лукиным отчасти предопределил для РННА и участие в диверсионной фазе операции «Ганновер» (Hannover), имевшей целью пленение командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П. А. Белова и его штаба. Именно Иванову немцы доверили командовать диверсантами, выделенными для захвата неуловимого генерала. Если бы Белова взяли в плен, как пишет Кромиади, то ему тоже предложили бы возглавить «освободительную борьбу», но этого не случилось. Еще один проект германской разведки провалился[264].

Командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенант П. Белов

В начале июня 1942 г. последовал уход Иванова с должности «особого руководителя». Причина оказалась простой — во время операции «Ганновер» Сергей Николаевич заразился брюшным тифом, и его пришлось эвакуировать в Берлин. Некоторое время соединением командовал заместитель Иванова, Сахаров. В дневнике генерала Шенкендорфа есть запись, датированная 3 июля 1942 г.: «... В оперативном отделе совещание с командирами русского опытного соединения „Граукопф“ Сахаровым и Бочаровым»[\[265\]](#).

Здесь следует напомнить читателю, что в момент смены командира соединения произошла и замена немецкого куратора — вместо подполковника Геттинг-Зеебурга работать с русскими коллаборационистами поручили подполковнику Хотцелю. Кромеади, как мы помним, дал Хотцелю негативную характеристику. По сравнению с Зеебургом, который был противником проводившейся «восточной политики» и которого уважали многие военнослужащие РННА (и даже дали ему прозвище «дедушка»), новый куратор оказался человеком скользким, неприятным и вызывавшим отторжение[\[266\]](#).

Хотцель решил использовать подразделения «Граукопф» в борьбе с партизанами, что, собственно, не было его прихотью, а было инициировано вышестоящими инстанциями. Тем более началось включение русских формирований в состав охранных войск тыла группы армий «Центр». Собственно говоря, участие диверсионной группы РННА в операции «Ганновер» уже можно отнести к антипартизанским действиям.

Назначение Сахарова на должность «особого руководителя», на наш взгляд, не было случайным. Можно допустить, что некоторым опытом борьбы с подпольщиками и партизанами он обладал. По крайней мере, в мемуарах генерал-майора А. Н. Сабурова (на которые мы уже ссылались выше) рассказывается об успешной работе Сахарова против партизанской агентуры, действовавшей в южных районах Орловской (сегодня — Брянской) области[267]. Сабуров вспоминает февраль 1942 г. и деятельность разведчицы Марии Гутаревой: *«Я невольно вспомнил нашу отважную разведчицу Марию Гутареву, много сделавшую для соединения в Брянских лесах. Гутарева сумела добиться у немецкого полковника Сахарова, которого специально прислали для борьбы с партизанами. Это был опытный, жестокий и очень коварный враг. Мы не раз предупреждали Мусю об опасности. Но девушка пренебрегла осторожностью. Страшные муки вынесла партизанская разведчица в гестаповских застенках. Женщина, которая сидела с ней в одной камере и была свидетельницей нечеловеческих пыток, сошла с ума. Нашу Мусю казнили»*[268].

В период руководства Сахарова РННА подключилась к антипартизанской борьбе, в численном отношении соединение увеличилось. Продолжалась подготовка разведчиков и диверсантов по заданию абвера.

В июле 1942 г. командование принял Кромиади. Именно он получил приказ о доведении численности соединения до 5 тыс. человек[269].

С обязанностями руководителя Кромиади справлялся неплохо, но его натянутые отношения с Хотцелем отрицательно сказывались на взаимодействии с разведкой (автор мемуаров «За землю, за волю» пишет: *«Мы не терпели друг друга, но на людях, конечно, старались этого не показывать»*)[270].

Хотцель пытался подыскать замену для Кромиади и предлагал возглавить соединение майору Грачеву, профессиональному разведчику. Но Грачев не пожелал «подсидживать» командира[271].

Хотцель, возможно, хотел поспособствовать и тому, чтобы соединение «Граукопф», несмотря на антипартизанские задачи, продолжало пополнять свои ряды диверсантами и разведчиками. Более того, приказа об удалении сотрудников разведки из РННА ему никто не отдавал, в противном случае Шенкендорф не стал бы 5 ноября 1942 г. рассматривать на совещании вопрос, поддерживать или нет подключение абвера к проекту[272]. Хотцель следовал линии, избранной еще Геттинг-Зеебургом. Только ситуация теперь изменилась — структуры военной разведки обязаны были взаимодействовать по вопросам применения русских коллаборационистов с командованием охранных войск, чего раньше не было.

Кромиади поставил себя в положение, одновременно направленное против двух немецких инстанций, игравших в деятельности РННА существенную роль. С одной стороны, он высказывал недовольство тем, что соединение подчинили охранным войскам, от которых последовал приказ о подключении к борьбе с партизанами, а с другой — не мог наладить отношения с абвером, благодаря которому операция «Граукопф» и стала возможной. Причем Хотцель в этой игре представлял немаловажную фигуру: именно через него поступали указания как от разведки, так и охранных войск.

18 августа 1942 г. вышла директива ОКВ № 46 «Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке». Согласно этому документу, впредь запрещалось участие эмигрантов в формированиях из местного населения[273]. К концу лета большинство эмигрантов были отозваны с Восточного фронта. Родину были вынуждены покинуть и эмигранты — командиры РННА. Вообще, август 1942 г. оказался для них роковым месяцем. Во-первых, партизаны и осинторфские подпольщики разложили несколько подразделений «народников». Во-вторых, в момент вывода батальона «Волга» из состава соединения и включения его в Восточный запасной полк «Центр» произошел вышеописанный инцидент с русским комендантом Шклова С. С. Паленом; дело удалось замять с большим трудом, но сам

Пален был вынужден вернуться в Париж (там он поступил в распоряжение руководителя Управления делами русских эмигрантов во Франции, Ю. С. Жеребкова[\[274\]](#)). И, в-третьих, отношения с куратором от абвера, подполковником Хотцелем к этому времени были безнадежно испорчены.

Состояние дел в соединении неоднократно обсуждалось между командованием группы армий «Центр» и представителями абвера. В конечном итоге, начался поиск новых кандидатов на руководящие должности; на этот раз таковыми могли быть назначены только бывшие советские военнопленные. Решением данной проблемы занималось несколько структур — отдел ОКХ «Иностранные армии Востока» полковника Р. Гелена, 2-й сектор организационного отдела ОКХ майора К. фон Штауффенберга, оперативный отдел штаба группы армий «Центр» полковника Х. фон Трескова и отдел I с штаба группы армий «Центр» майора Р.-К. фон Герсдорфа.

Среди перечисленных инстанций заметную роль играл штаб группы армий «Центр», а конкретнее — Тресков и Герсдорф. В воспоминаниях сотрудника отдела I с группы армий «Центр» капитана В. К. Штрик-Штрикфельда встречается сентенция о том, что летом 1942 г. Тресков и Герсдорф *«решили создать так называемое пробное соединение — русскую бригаду»*, и полковник Тресков передал командование бригадой Жиленкову и Боярскому[\[275\]](#).

Начальник отдела I с штаба группы армий «Центр» майор Р.-К. фон Герсдорф

Тресков и Герсдорф (так же, как Гелен и Штауффенберг) принадлежали к числу офицеров вермахта, не согласных с политикой Гитлера на Востоке, и входили в круг заговорщиков, подготовивших 20 июля 1944 г. покушение на фюрера. Еще до этого Тресков имел отношение к безуспешной попытке взорвать самолет Гитлера (15 марта 1943 г.)^[276], посетившего штаб группы армий «Центр» в Смоленске. Резко негативно относился к германской политике в оккупированных областях СССР и Герсдорф. Мрачные мысли вызывали у него, к примеру, расстрелы евреев и комиссаров. Посетив с инспекционной поездкой тыловую район 4-й армии в начале декабря 1941 г., он отмечал: *«Во время длинных бесед с офицерами я не обходился без того, чтобы не узнать о расстрелах евреев. Я получил впечатление, что офицерский корпус отказывается от расстрелов пленных евреев почти полностью, а также прежде всего расстрелов комиссаров, потому что вследствие этого сопротивление противника усиливается. Расстрелы рассматриваются как нарушение чести немецкой армии, являются аномалией для немецкого офицерского корпуса. В зависимости от темперамента и расположения указанных лиц*

поднимался вопрос об ответственности за это»[\[277\]](#).

Разумеется, занимаясь вопросами формирования РННА, Трескоф и Герсдорф, а также их единомышленники в ОКХ делали это не только из-за симпатий к русским антибольшевикам, но и исходя из прагматических соображений. Русский проект в условиях войны против Советского Союза был оправданным и разумным шагом, если учитывать, какие потери нес на полях сражений вермахт, не имевший в отличие от Красной армии огромных мобилизационных ресурсов для решения своих оперативно-стратегических задач.

План заговорщиков сводился к тому, чтобы создать на германо-советском фронте русские антибольшевистские силы, а также альтернативное правительство, которое бы стало мощным инструментом в руках оппозиционеров. При устранении Гитлера от власти участники заговора предполагали объявить альтернативное правительство союзным новой Германии и продолжили бы войну против СССР, оказывая русским вооруженную поддержку. В конечном итоге, считали заговорщики, победу одержат русские силы, и с новой освобожденной Россией будет заключен союз, формулу которого предложил фон Штауффенберг: *«Независимость, свобода, сотрудничество»*[\[278\]](#).

До реализации этих планов было далеко, однако начало было положено — в тылу группы армий «Центр» с сентября 1941 г. явочным порядком формировались русские подразделения и части, предназначенные для охраны тыловых коммуникаций и борьбы с партизанским движением. Проект «Граукопф», несомненно, являлся прообразом будущих русских вооруженных сил. Пока же рожденная в недрах военной разведки операция не предполагала широкой самостоятельности русских. Независимая позиция Кромиади могла помешать общему делу заговорщиков (и мешала, создавая проблемы с командованием группы армий «Центр» и абвером).

Поэтому «Санина» сняли с должности не только на основании приказа Гитлера, запретившего формировать из русских крупные воинские части, о чем пишет Штрик-Штрикфельд[\[279\]](#), и не только из-за августовской директивы ОКВ. Он создавал дополнительные препятствия для осуществления замыслов группы офицеров вермахта (Генштаб и абвер), принадлежавших к оппозиции, и пытавшихся под эгидой проекта «Седая голова» решить часть поставленных перед ними задач.

В штабе группы армий «Центр» возникли трения по поводу того, под чьим началом должен находиться проект «Граукопф». Шенкендорф видел в соединении новое охранное формирование, а военная разведка — диверсионную бригаду. Впрочем, трения между командованием охранных войск и абвером касались практической стороны вопроса. Военной разведке, конечно, не хотелось терять свое «детище», но ее влияние неумолимо сокращалось.

Тресков неоднократно приезжал в Осинторф и способствовал тому, чтобы соединение постепенно отходило от диверсионной деятельности. При этом он старался действовать гибко, учитывая интересы абвера. Не случайно на совещании у Шенкендорфа с командирами РННА, проведенном 3 июля 1942 г., поднимался вопрос о формировании зондеркоманды особого назначения, и Тресков в середине июля ездил в Осинторф, чтобы проверить исполнение этого приказа[\[280\]](#). Подобный шаг был явно направлен на то, чтобы не ущемлять военную разведку и избежать возможных недоразумений.

6 августа 1942 г. Тресков побывал в Шклове и внимательно ознакомился с состоянием батальона «Волга». Инспекционная поездка выявила недостатки — батальон оказался *«плохо обмундирован, снаряжен и вооружен»* и был признан небоеспособным, хотя его подразделения в июле 1942 г. уже активно занимались охраной и вели борьбу с партизанами. Тресков выступил с предложением обмундировать личный состав батальона в немецкую униформу и вывести его из соединения. Его предложение встретило в штабе группы армий «Центр» одобрение[\[281\]](#).

Итак, в конце лета 1942 г. командование РННА было заменено. 1 сентября 1942 г. на должность командира бригады «Граукопф» был назначен бывший командир 41-й стрелковой дивизии, полковник РККА Владимир Гелярович Баерский (он же — Владимир Ильич Боярский). Вместе с ним в Осинторф приехал бывший бригадный комиссар РККА Г. И. Жиленков, назначенный начальником организационно-пропагандистского отдела. Встреча нового руководства РННА, по словам Кромиади, проходила в радостной атмосфере, хотя, думается, здесь автор лукавит. Если с Баерским он быстро нашел общий язык, то с Жиленковым отношения наладились не сразу. Начальник организационно-пропагандистского отдела критиковал деятельность штаба РННА, называя все действия командования авантюрными. Выступление Жиленкова перед личным составом батальонов, носившее пронацистский характер, и вовсе вызвало настороженность, а отдельные военнослужащие из подразделения автоматчиков (вероятно, штабная разведывательная рота) предложили ликвидировать агитатора. Но после доверительной беседы с Баерским, который рассказал «особому руководителю» о настоящих взглядах Жиленкова, назревавшие в батальонах волнения удалось якобы погасить, а с пылким пропагандистом установились ровные отношения[282].

Начальник оперативного отдела штаба группы армий «Центр» Х. фон Тресков

Дальнейшие рассуждения Кромиади о бойцах, якобы упрашивавших его остаться на нелегальном положении в РННА, а если потребуется, то и готовых уйти с ним в лес, чтобы бороться против нацистов и коммунистов[283], выглядят сомнительными, хотя, разумеется, вполне можно допустить, что многие солдаты симпатизировали ему.

26 августа 1942 г. Кромиади подготовил так называемый прощальный приказ:

«Мои верные и преданные боевые товарищи, офицеры и солдаты Русской Национальной Народной Армии!

Волею судеб мне приходится прощаться с вами. С болью в сердце покидаю вас и наш родной очаг, где впервые зародилась идея национального возрождения и где мы, забыв все и вся, как братья, как сыны одной матери, объединились вокруг идеи возрождения нашей Родины. Помните, что, куда бы меня судьба ни забросила, душа моя и мысли всегда будут с вами и будут сопровождать вас везде и всюду в

вашей боевой жизни.

Пусть каждый из вас запомнит, что борьба за Родину есть святое дело и достижение наших целей есть высшее блаженство.

Будьте и дальше верными и преданными сынами нашей многострадальной Родины и оставайтесь на своем посту до конца.

Не забывают того, что мы русские, не забывают того, что измученная Россия зовет вас на помощь.

Да благословит вас Господь на вашем тяжелом и тернистом пути и да поможет вам честно и до конца выполнить свой долг перед Родиной.

Полковник Санин»[\[284\]](#).

В сентябре 1942 г. Баерский и Жиленков взялись за увеличение численности бригады. К концу октября в «Граукопфе» находились около 3,5 тыс. человек. В бригаде, кроме того, велась пропаганда (в том числе антисемитская), выпускалась газета «Родина», солдаты воспитывались в антибольшевистском духе. Наконец, соединение продолжали привлекать к диверсионным и антипартизанским мероприятиям[\[285\]](#).

Германские кураторы РННА были довольны, ведь буквально за два месяца бригада увеличилась более чем вдвое, а новое командование зарекомендовало себя с положительной стороны, поддерживало контакты со штабом группы армий «Центр» и четко выполняло поступавшие приказы.

27 октября 1942 г. Баерский и Жиленков подали меморандум о необходимости решительного изменения германской политики на Востоке. Сам по себе этот документ не был новостью для тех, кто опекал соединение, однако этот шаг свидетельствовал, что русские всерьез настроены на то, чтобы РННА стала ядром русских освободительных сил.

Тресков и Герсдорф были не против этих шагов, поскольку сами разделяли подобные идеи. Они ходатайствовали перед фельдмаршалом фон Клюге об использовании РННА на фронте в целях пропаганды русского освободительного движения и надеялись повлиять на разложение частей РККА. Фон Клюге посетил Осинторф с инспекционной проверкой 16 декабря 1942 г. и, как сообщает Доллерт, остался доволен тем, как подготовлены батальоны. Однако он отказался от использования 700-го полкового штаба на фронте, издал приказ о прикреплении русских подразделений к охранным войскам для борьбы с «народными мстителями»[\[286\]](#).

Тресков пытался убедить командующего, что его приказ может нанести непоправимый психологический ущерб делу, но фон Клюге, зная точку зрения Гитлера, остался при своем мнении. В итоге майору Герсдорфу пришлось ехать в Осинторф и убеждать Баерского и Жиленкова повременить с планами развертывания русской армии и смириться с ситуацией[\[287\]](#).

Однако так события представлены в мемуарах Доллерта. На самом деле все происходило несколько иначе. Во-первых, с ноября 1942 г. в РННА началась подготовка к очередной реорганизации. Командование охранных войск, заинтересованное в том, чтобы соединение наконец включили в состав сил безопасности, пошло по пути согласования формальностей с ОКХ и штабом группы армий «Центр», о чем фон Клюге, безусловно, знал. 7 ноября 1942 г. Тресков провел совещание со штабом РННА и заявил, что соединение переформируют в полк. 15 ноября Шенкендорф подписал приказ о создании 700-го полкового штаба, а 20 ноября — о назначении на должность командующего восточными войсками особого назначения полковника Ю. Коретти[\[288\]](#).

Во-вторых, обсуждался вопрос об использовании русских формирований — двух батальонов — на фронте. Исходя из утверждений Доллерта, фон Клюге отклонил это предложение. Тем не менее, как

следует из дневника Шенкендорфа, командующий группой армий «Центр» принял компромиссное и прагматичное решение — согласился на то, чтобы из солдат штабного батальона (в немецких документах «Осинторф») подготовили разведывательно-диверсионную группу (около 200 человек) под командованием подполковника А. М. Бочарова. При этом вторую часть батальона все же планировалось отправить на фронт. Что касается остальных подразделений, то, как было решено еще в ноябре 1942 г., их следовало использовать для ведения борьбы с партизанами[289].

В-третьих, Баерский и Жиленков командовали РННА лишь формально, а реальное руководство осуществлял временно исполняющий обязанности командующего восточными войсками особого назначения полковник Грау. Полковник Коретти, направленный из ОКВ, принял должность 2 декабря 1942 г. Баерского формально назначили командиром 700-го восточного батальона (под этим названием зашифровали полк), а Жиленкова — начальником отдела пропаганды при командире батальона[290].

Разумеется, ни о каком независимом русском командовании разговор не шел. Знало ли об этом руководство РННА? Да, знало. 30 ноября 1942 г. Жиленков приехал к Трескову на совещание именно как начальник отдела пропаганды при командире 700-го восточного батальона, о чем есть соответствующая запись в дневнике Шенкендорфа[291]. Поэтому все последующие претензии Боярского, что полк используется не целиком, а по частям, представляются несерьезными.

Клюге и Шенкендорф симпатизировали оппозиционерам, но они прислушивались не ко всем их предложениям, учитывая собственные интересы и практическую сторону стоявших перед ними задач. Тресков и Герсдорф поддерживали идею о создании РОА, но не всегда встречали понимание в своем кругу. Вопросы, связанные с «восточной политикой» (о чем говорилось в меморандуме Баерского и Жиленкова), не находились в компетенции оппозиционно настроенных офицеров, так как эти вопросы решал Гитлер. В качестве компенсации Тресков и Герсдорф могли посодействовать русскому руководству только в том, чтобы подключить Баерского и Жиленкова по линии разведки к пропагандистской акции по созданию Русского комитета генерал-лейтенанта А. А. Власова (что и было сделано).

29 декабря 1942 г. руководители РННА устроили скандал в кабинете у Шенкендорфа. Часто приводится версия, что в основе их действий лежал обман фон Клюге, якобы давшего согласие на то, чтобы РННА использовалась на фронте как союзные вермахту военные силы[292]. Однако подобное заявление, которое встречается в мемуарах Казанцева, не соответствует действительности. Фон Клюге, как говорилось выше, дал согласие на то, чтобы подразделения штабного батальона отправили на фронт. Возмущение, как думается, вызвало другое — использование русских батальонов по частям, а не в составе полка.

В разговоре с Шенкендорфом Баерский и Жиленков приводили два аргумента. Они, во-первых, предлагали довести численность русских войск до 50 тысяч человек и, во-вторых, ссылались на недостаточную подготовленность личного состава, которому требуется обучение. Тем самым они хотели выиграть время и исключить саму возможность дробления РННА[293].

Тем не менее, согласно немецким документам, вопрос о доведении численности РННА до 50 тыс. человек в это время не обсуждался.

Шенкендорф рассказывает в своем дневнике о визите Баерского и Жиленкова:

«... Прибыли генерал Жиленков и полковник Боярский из батальона „Осинторф“, которые высказались против использования восточного батальона как в качестве диверсантов в тылу противника, так и на фронте. Сложилось впечатление, что оба офицера проводят политику пассивного сопротивления. Командованию армейской группировки было доложено об этом впечатлении и позиции обоих офицеров. Командующий восточными войсками, полковник Корретти, вызван радиogramмой на совещание сюда (в Смоленск. — Примеч. авт.)»[294].

На следующий день, 30 декабря 1942 г., полковник Коретти прибыл в Смоленск и доложил о неготовности подразделений полка к боевым действиям на фронте. Таким образом, он попытался сгладить острые углы и отчасти «прикрыть» Баерского и Жиленкова, которые своим поведением разгневали командование группы армий «Центр».

Шенкендорф решил воздать должное «бунтовщикам» — о конфликте с русскими командирами он сообщил фон Клюге. В то же время он согласился с тем, что личный состав РННА не готов для непосредственного применения на фронте, и поставил об этом в известность командующего группы армий «Центр». Возникает вопрос: почему он так сделал?

Шенкендорф был против того, чтобы подразделения 700-го штаба выводили из его подчинения, поскольку в декабре 1942 г. охранные войска уже выделили свои самые сильные части. Так, 17 декабря на базе первых полков 201-й и 286-й охранных дивизий началось формирование дивизии «Рихерт». Командиром соединения был назначен генерал-лейтенант И. Рихерт, а в его отсутствие должность командира 286-й охранной дивизии временно исполнял генерал-майор Хартман, в распоряжении которого находились силы безопасности и порядка (Sicherungs— und Ordnungskräfte) — не самые боеспособные подразделения. Дивизии «Рихерт» были приданы 8-й артиллерийский полк «Смоленск», 3 танка II батальона 66-го танкового полка и 1-й взвод 10-й танковой роты 2-го самокатного гренадерского полка. Соединение предназначалось для использования на фронте. Бои с партизанами в январе 1943 г. вынудили командование группы армий «Центр» приостановить отправку дивизии на фронт и привлечь ее к борьбе с «бандами». Практически в полном составе соединение было задействовано в операции «Лесная зима» (Waldwinter), которая проводилась в Городокском, Витебском и Полоцком районах Витебской области[295].

Командующему корпусом охранных войск необходимы были силы, чтобы сдерживать партизанское движение, и он старался сохранить в своем распоряжении как можно больше подразделений и частей, в том числе состоявших из коллаборационистов. Тем не менее, будучи приверженцем прусской военной школы и строгой субординации, Шенкендорф не мог нарушить приказ непосредственного начальника, который требовал от него выделить один русский батальон для боевой и разведывательно-диверсионной деятельности на фронте. В сложившейся ситуации это было самым лучшим выходом для старого генерала, поэтому он, не задумываясь, принес в жертву Баерского и Жиленкова, когда те отказались выполнить его приказ.

Своими действиями Баерский и Жиленков «подставили» Трескова и Герсдорфа (хотя последний приезжал к ним и просил успокоиться), вызвали гнев у фельдмаршала фон Клюге, который 31 декабря 1942 г. приказал решительно вмешаться в дела восточного батальона «Осинторф» и немедленно снять смутьянов со своих должностей[296].

На волне пропагандистской шумихи, окружавшей проект по созданию Русского комитета, а затем и «Смоленское воззвание» Власова, руководители РННА поверили, что немцы в одночасье сделают все, чтобы сформировать РОА, и выполнят обязательства, данные ранее в конфиденциальных беседах. Однако, исходя из обстановки, для этого не было оснований. Шенкендорфа мало интересовало, какие игры затеял абвер с русскими. Ему нужны были охранные части, чтобы бороться с «бандами». Еще меньше эти проблемы волновали фон Клюге.

Конечно же, своя правда в действиях Жиленкова и Баерского была. Стремясь изменить отношение немцев к русским антибольшевикам, они указывали на реальную возможность создания коллаборационистской армии, которая поможет Германии одержать победу в войне, если военнополитическое руководство Рейха пересмотрит свою «восточную политику». Однако постановка этого первостепенного вопроса в тот момент не встретила мощной поддержки даже со стороны тех

оппозиционно настроенных офицеров вермахта, которые соглашались с мнением своих русских подчиненных. Все ограничилось пропагандистской акцией, не выходящей за рамки известных директив. Попытка доказать ущербность, недальновидность и бесперспективность германской позиции вылилась в акт неповиновения, затронувший практическую сферу немецко-русского сотрудничества. И как только это случилось, последовала вполне ожидаемая реакция, расставившая все на прежние места.

Фон Клюге приказал арестовать и судить мятежников, однако Тресков и Герсдорф, рискуя своим положением, немедленно отправили Баерского и Жиленкова под защиту Гелена и Рене — в особый лагерь Летцен (Кёнигсберг), где они находились несколько недель, пока их оттуда не забрал капитан Штрик-Штрикфельд[\[297\]](#).

В партизанских воспоминаниях встречается информация, что в конце февраля 1943 г. Жиленков вновь появился в Осинторфе, но подтвердить эти данные на основании источников не удалось[\[298\]](#).

1 января 1943 г. на должность командира РННА назначили Ф. Р. Риль (начальник штаба — майор А. Л. Безродный). Так же, как и Баерский, он подчинялся полковнику Коретти. На должности руководителя Риль был менее двух месяцев. За это время подразделения полка неоднократно участвовали в антипартизанских операциях. 17 февраля 1943 г. Риль находился в Берлине и встречался с Власовым, после чего вновь вернулся в Осинторф. 23 февраля, когда произошел еще один крупный переход «народников» к партизанам, он был арестован органами ГФП и отправлен в концлагерь, где пробыл до августа 1943 г.[\[299\]](#).

Давая общую оценку деятельности командования РННА, надо сказать следующее. Практически с самого начала и до того момента, когда русские подразделения вошли в состав охранных войск группы армий «Центр», руководство «Русской национальной народной армией» находилось в полной зависимости от различных немецких инстанций. В течение года (с марта 1942 г. по март 1943 г.), пока шел эксперимент, в соединении неоднократно менялся начальствующий состав. Условно можно выделить три периода, отражающие собой изменения на высшем командном уровне. Это, во-первых, «эмигрантский» период, самый продолжительный по времени (шесть месяцев). Во-вторых, период командования Баерского и Жиленкова (четыре месяца) и, в-третьих, период Риль (почти два месяца).

Каждый из указанных периодов имел свои особенности и свои черты. Во время командования эмигрантов закладывались основы РННА, послужившие фундаментом для развития соединения. При Баерском и Жиленкове это развитие достигло наивысшей точки, была сформирована бригада, которая в дальнейшем могла бы стать ядром русским освободительных сил. Почти двухмесячное руководство Риль оказалось самым неудачным и малоэффективным.

На всех этапах существования РННА отмечались конфликты, возникавшие между русскими командирами и немецкими органами управления, после чего обычно происходила смена командования, которая неблагоприятно отражалась на личном составе и являлась признаком нестабильности соединения, чем пользовались подпольщики и партизаны. Во многом эта нестабильность была порождена столкновением интересов различных германских учреждений, имевших отношение к эксперименту. Вместе с тем в игре, развернувшейся вокруг проекта «Граукопф», русская сторона не была пассивным наблюдателем, и пыталась, насколько позволяли условия и возможности, отстаивать свои интересы. Но в отсутствие реальной самостоятельности борьба коллаборационистов была обречена на печальный финал.

В основе германского влияния преобладала практическая составляющая, которая определяла цели и характер сотрудничества. Какими бы ни были разумными предложения руководства РННА, степень доверия к ним напрямую увязывалась с реальной обстановкой и возможностью их реализации. Надежды трансформировать проект «Граукопф» в более серьезное предприятие не оправдались.

Глава четвертая. Боевое применение РННА

Операция «Ганновер»

К тому моменту, когда абвер приступил к осуществлению проекта «Граукопф», в тыловом районе группы армий «Центр» сложилась непростая обстановка. Необходимо отметить, что в тыловой район тогда входили Смоленская, Могилевская, Брянская, Витебская, часть Орловской и Минской областей. Для поддержания порядка на этой территории немецкое командование предусмотрело использование 102-го (СII) охранного корпуса, в составе которого находились 221-я (командир — генерал-лейтенант Иоганн Пфлюгбайл), 286-я (генерал-лейтенант Курт Мюллер) и 403-я (генерал-лейтенант Вольфганг фон Дитфурт) охранные дивизии[300]. Общее руководство силами безопасности осуществлял командующий корпусом охранных войск и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал от инфантерии М. фон Шенкендорф, штаб которого располагался в Смоленске[301].

Известные проблемы в тылу центральной группировки вермахта начались еще в августе 1941 г. Военные органы, ответственные за безопасность, столкнулись с определенным сопротивлением и вели бои с выходившими из окружения советскими частями и первыми партизанскими отрядами. Так, во второй половине августа 1941 г. охранные войска группы армий «Центр» получили приказ прочесать области, находящиеся в тылу армейских объединений. На севере Минской и юге Витебской областей были проведены акции с участием III батальона 354-го полка 286-й охранной дивизии, 317-го полицейского батальона, моторизованной команды тайной полевой полиции и специальной группы с 25 собаками-ищейками[302].

В сентябре 1941 г. 221-я охранный дивизия вместе с полицейским полком «Центр» вели бои против партизан, действовавших вдоль участка дороги Бобруйск — Кошевичи, 403-я охранный дивизия — севернее Витебска вдоль железной дороги Витебск — Городок. Непрерывные зачистки севернее и южнее Минска (Борисовский, Пуховичский и Червенский районы) осуществляла 707-я пехотная дивизия, активно привлекавшаяся к борьбе с «народными мстителями»[303].

В сентябре — октябре 1941 г. на территории Минской, Могилевской и Витебской областей было проведено 10 антипартизанских операций. Несмотря на определенные успехи, полностью подавить сопротивление не удалось[304].

По указанию Шенкендорфа планировалось проводить систематические проверки деревень на предмет сотрудничества гражданских лиц с партизанами и постепенно лишить «народных мстителей» поддержки местного населения. Но этим намерениям не суждено было сбыться, так как советскому руководству удалось интенсифицировать партизанскую борьбу в захваченных немцами областях зимой 1941–1942 гг.[305].

Зимой 1941–1942 гг. тыловые органы группы армий «Центр» оказались в весьма тяжелом положении. В сообщении от 12 декабря 1941 г., подготовленном в штабе фон Шенкендорфа, отмечалось: «Обеспечение безопасности оставшимися силами больше невозможно»[306]. Правда, надо сказать, что еще осенью 1941 г., когда обозначилась нехватка охранных войск, военные органы попытались компенсировать недостаток в людях за счет привлечения на службу местного населения и пленных красноармейцев. Из советских граждан активно создавали отряды вспомогательной полиции (Hilfspolizei) и службы порядка (Ordnungsdienst), но эти формирования все равно не смогли в полной мере обезопасить тыловые коммуникации[307].

Вот лишь некоторые оперативные сводки о положении в тылу группы армий «Центр» в декабре 1941 г.:

«14.12.1941 г. Начальник тылового района группы армий доносит. В полосе 221-й охранной дивизии на участке железной дороги Почеп — Брянск возобновлено движение. Третью 350-го полка отгружена. 286-я охранная дивизия приняла район 221-й охранной дивизии. В полосе 403-й и 339-й охранных дивизий и бригады войск СС идут бои с партизанами...

16.12.1941 г. Начальник тылового района группы армий доносит, что в различных местах тылового района происходят нападения, грабежи, акты саботажа и бои с партизанами...

20.12.1941 г. Начальник тылового района группы армий доносит, что на всем пространстве охранения идут бои с партизанами»[\[308\]](#).

Военнослужащие вермахта в ходе антипартизанской операции. 1942 г.

В тылу группы армий «Центр» основными центрами партизанского движения зимой и в начале весны 1942 г. стали районы севернее Борисова, между Бобруйском и Червенем, южнее Бобруйска (Октябрьский партизанский край), между Ельней, Дорогобужем и Днепром (Дорогобужский партизанский край), район между Демидовом и Духовщиной (т. н. Северо-Западный партизанский край) и район восточнее Гомеля. Угроза, исходившая от «бандитских» зон, потребовала проведения крупных антипартизанских мероприятий[309].

Одной из первых была подготовлена операция под кодовым наименованием «Бамберг» (Bamberg) против Октябрьского партизанского края (Калинковичский, Петриковский, Светлогорский районы

Гомельской, Бобруйский район Могилевской обл.). В партизанскую зону была направлена 707-я пехотная дивизия, выполнявшая в тот момент охранные функции. Генерал фон Шенкендорф критически отзывался о результатах операции. Тем не менее в запросе командующему группой армий «Центр» он написал: *«Район южнее Бобруйска в период с 29.3. по 3.4.1942 г. был очищен от партизан силами 707-й пехотной дивизии, находящейся в подчинении командующего охранными войсками. Ввиду того, что на проведение этих операций было предоставлено мало времени, не удалось произвести очистку других районов под Бобруйском...»*[\[310\]](#)

Однако наиболее угрожающее положение в тылу группы армий «Центр» сложилось в районе между Ельней, Дорогобужем и Вязьмой. В результате успешно проведенного советскими войсками контрнаступления под Москвой в декабре 1941 г. — начале января 1942 г. ударные силы вермахта, пытавшиеся обойти Москву, были отброшены на 150–200 км. В этой обстановке советское Верховное главнокомандование решило развивать успех на Западном направлении. Цель наступательной (Ржевско-Вяземской) операции заключалась в том, чтобы, развивая удар на Вязьму с северо-востока и юго-востока, окружить и разгромить основные силы группы армий «Центр» (более 50 дивизий). Однако начавшееся 8–9 января 1942 г. наступление шло медленно. Хотя в ходе продвижения отдельных соединений Калининского и Западного фронтов германская группировка войск оказалась охваченной с севера и юга, между войсками Калининского и Западного фронтов оставался еще промежуток шириной около 100 км, в котором обоим фронтам необходимо было сомкнуться[\[311\]](#).

Предполагалось, что силы 33-й, 50-й, 10-й армий и спешно созданной группы войск под командованием генерал-майора Павла Алексеевича Белова (весной 1942 г. получил воинское звание генерал-лейтенанта) завершат окружение соединений 4-й и 9-й немецких армий и уничтожат их. Корпусу Белова командование Западным фронтом поставило задачу прорвать оборону противника северо-западнее Мосальска, развивая удар на север, выдвинуться к Вязьме, соединиться с 11-м кавалерийским корпусом (командир — генерал-майор С. В. Соколов) Калининского фронта и завершить окружение[\[312\]](#).

9 и 10 января 1942 г. началось наступление соединений Западного фронта. В ходе ожесточенных боев юхновская группировка вермахта была охвачена с трех сторон. Части 50-й армии (генерал-лейтенант И. В. Болдин) и корпус Белова обошли Юхнов с юга и юго-востока, а с севера и северо-востока его обошли войска 43-й (генерал-майор К. Д. Голубев) и 49-й армий (генерал-лейтенант И. Г. Захаркин). В середине января группа Белова начала бои в районе Варшавского шоссе, 27 января пять кавалерийских дивизий (1-я и 2-я гвардейские, 41-я, 57-я и 75-я дивизии) прорвались через него в тыл к немцам и устремились на Вязьму. В ночь с 29 на 30 января 1942 г. Варшавское шоссе пересекли около 7 тысяч человек (и три лыжных батальона — около 900 человек), то есть четвертая часть группы. Стрелковые дивизии, артиллерия, средства ПВО, тылы корпуса остались за линией фронта. Вскоре это дало о себе знать, так как беловцам не хватало боеприпасов и горюче-смазочных материалов. Поддержка фронтовой авиации была слабой[\[313\]](#).

Кавалеристы корпуса генерала П. Белова

Определенную помощь соединениям Белова оказали десантники 201-й воздушно-десантной бригады 5-го воздушно-десантного корпуса и 250-го отдельного стрелкового полка, десантированные 18–22 января южнее Вязьмы. С 27 января началась высадка 8-й воздушно-десантной бригады 4-го воздушно-десантного корпуса (командир — генерал-лейтенант А. Ф. Левашов, затем — генерал-майор А. Ф. Казанкин). Высадка прошла неудачно: из выброшенных в районе Озеречни 2300 человек удалось собрать только 1300. Большое количество грузов, вооружения, боеприпасов и продовольствия найти не удалось[314].

Появление советских войск в тылу группы армий «Центр» не могло не вызвать беспокойства у германского командования. Для ликвидации соединений РККА, прорвавшихся в район Вязьмы, немцы перебросили с других участков фронта части 3-й моторизованной и 5-й танковой дивизий. Активизировала свои действия и немецкая авиация, которая осуществляла разведку и бомбардировку частей корпуса Белова, поэтому советским кавалеристам приходилось передвигаться, в основном, в темное время суток[315].

Пока беловцы продвигались к Вязьме, немцы стянули к городу моторизованные и танковые части. При попытках советских частей прорваться между оборонительными порядками вермахта они попадали под перекрестный огонь и фланговые контратаки пехоты и танков. В начале февраля 1942 г. соединения группы армий «Центр», используя подкрепления, нанесли несколько контрударов по войскам 33-й армии и 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу, перерезали их коммуникации севернее и южнее Юхнова.

Группировка войск Западного фронта, которая совместно с партизанами вела бои под Вязьмой, оказалась отрезанной[316].

Столкнувшись с прочной обороной в районе Вязьмы, Белов стал собирать трофейную немецкую артиллерию (своя артиллерия, выделенная группе, осталась за линией фронта). После 10 февраля он принял решение наступать навстречу 11-му кавалерийскому корпусу, обходя Вязьму с запада. Но для этого следовало овладеть гарнизоном в Семлеве, где находились продовольственные склады и другое военное имущество, в которых нуждалось объединение. Кроме того, понесся большие потери за первые недели боев, руководство корпуса искало возможность пополнить свои ряды личным составом в немецком тылу. Получив разрешение командования Западным фронтом, политорганы приступили к набору партизан, местного населения, подлежащего мобилизации и освобожденных советских военнопленных. В течение короткого времени в объединение приняли свыше 11 тыс. человек[317].

13 февраля «беловцы» атаковали Семлево. Три дня шли жестокие бои за населенный пункт, гарнизон которого был окружен и оказывал сопротивление. Вскоре, однако, гарнизон получил подкрепление, и блокаду удалось прорвать, а 8-я воздушно-десантная бригада временно попала в «кольцо», из которого ей удалось вырваться с помощью кавалерийских частей[318].

Несмотря на то что Семлево захватить не удалось, корпус Белова и партизанские формирования (соединение «Дедушка»[319], партизанские полки В. В. Жабо[320], им. 24-й годовщины РККА[321], им. Сергея Лазо[322]), подчиненные ему, 16 февраля освободили город Дорогобуж. «Народные мстители» и красноармейцы удерживали несколько станций, в результате чего движение по железной дороге Занозная — Вязьма было прервано на четыре месяца. К концу февраля 1942 г. группа Белова освободила 610 населенных пунктов и контролировала территорию внутри треугольника, образованного железными дорогами Вязьма — Смоленск, Смоленск — Занозная, Занозная — Вязьма[323].

Операция по овладению Вязьмой не увенчалась успехом, однако в тылу группы армий «Центр», в 60–70 км от фронта, образовался «партизанский край», представлявший для вермахта большую опасность. К началу марта 1942 г. территория, занимаемая группой Белова и партизанами, простиралась с востока на запад — от станции Угра до Соловьевой переправы на Днепре и с севера на юг — от Дорогобужа до Ельни. От немецких войск было освобождено 90 процентов территории Дорогобужского, 80 процентов Ельнинского, 60 процентов Глинковского, 50 процентов Знаменского, 30 процентов территории Семлевского и Екимовичского районов[324].

Генерал П. Белов обсуждает план предстоящей операции

Разумеется, командование группы армий «Центр» не собиралось мириться с тем, что в тылу немецких войск появился район, откуда постоянно наносились удары по коммуникациям, имевшим особое значение для вермахта.

19 марта 1942 г. войска 4-й полевой армии при поддержке 221-й охранной, 10-й и 11-й танковых дивизий, полицейского полка «Центр» начали операцию «Мюнхен» (München). Цель операции сводилась к тому, чтобы разгромить корпус Белова и смоленских партизан в районе Ельня — Дорогобуж. Части 221-й охранной дивизии вели ожесточенные бои за Ельню, получив приказ оборонять город любой ценой. Несмотря на яростные атаки, «народные мстители» не сумели взять Ельню. На помощь гарнизону со стороны Спас-Деменска вовремя прибыла помощь — 30 танков с десантом пехоты. Благодаря этому красноармейцев и партизан отбросили от города, а 221-я охранная дивизия вклинилась на территорию партизанского края и создала плацдарм для дальнейшего наступления^[325].

В то же время операция «Мюнхен», завершившаяся 28 марта 1942 г., не принесла желаемых результатов — разгромить советские части и партизанские формирования не удалось. Угроза транспортным коммуникациям по-прежнему оставалась, а активные действия «народных мстителей» отвлекали на себя значительное количество сил и средств, которые были необходимы на фронте, где шло сражение за Ржев.

Учтя предыдущие ошибки, германское командование приступило к разработке общевойсковой операции «Ганновер» (Hannover). На этот раз немцы подошли к вопросу уничтожения корпуса Белова еще тщательнее. Так, Дорогобужский партизанский край был блокирован пехотными, танковыми и охранными частями. По сведениям, полученным разведкой «народных мстителей», на 25 мая 1942 г. группировка сил и средств вермахта перед фронтом Особой группы войск генерал-лейтенанта П. А. Белова состояла из следующих частей и соединений:

- 11-я танковая дивизия (110-й и 111-й мотопехотные полки, 13-й танковый батальон);
- 19-я танковая дивизия (73-й и 74-й пехотные полки, 27-й танковый полк);
- 23-я пехотная дивизия (9-й и 67-й пехотные полки, 67-й запасной батальон, 23-й артиллерийский полк);
- 31-я пехотная дивизия (17-й пехотный полк, 82-й пехотный полк);
- 34-я пехотная дивизия (253-й пехотный полк, 34-й артиллерийский полк, подразделения тылового обеспечения);
- 93-я пехотная дивизия (270-й пехотный полк);
- 131-я пехотная дивизия (431-й, 432-й и 434-й пехотные полки);
- 197-я пехотная дивизия;
- 221-я охранная дивизия;
- 442-я дивизия особого назначения;
- 46-й строительный батальон;
- 47-й саперный батальон;
- подразделения 71-го зенитного дивизиона;
- 100-й батальон тылового обеспечения;
- подразделения 118-го минометного полка;
- 213-й разведывательный батальон;
- 225-й запасной батальон;
- 230-й охранный батальон;
- 322-я корректировочная батарея;
- 334-я корректировочная танковая батарея;
- 413-й запасной батальон;
- 431-й батальон связи;
- 578-й пехотный батальон;
- 584-й дорожно-строительный батальон;
- 608-й зенитный батальон;
- 667-й пехотный батальон[\[326\]](#).

П. Белов возле трофейного гусеничного транспортера

В общей сложности командование группы армий «Центр», оценив обстановку и желая в кратчайшие сроки покончить с группировкой Белова, запланировало привлечь к оперативным мероприятиям силы нескольких армейских корпусов, в том числе 43-го (XLIII) и 46-го (XLVI). Численность немецких войск оценивалась в пределах 30–45 тыс. человек.

Однако прежде чем соединения и части вермахта должны были взломать партизанскую оборону и приступить к уничтожению красноармейцев и «народных мстителей», германская военная разведка предложила план по засылке диверсионно-террористической группы в район дислокации штаба 1-го гвардейского кавалерийского корпуса с целью пленения или, если это будет невозможно, ликвидации лично Белова и сотрудников его штаба. В ходе операции диверсанты должны были также воспользоваться имевшейся в штабе радиостанцией, расстроить управление войсками и партизанскими формированиями и путем активной пропаганды склонить как можно больше бойцов и командиров РККА к переходу на немецкую сторону[327].

Для проведения диверсионной операции отдел I с штаба группы армий «Центр» решил использовать личный состав из Особого соединения «Седая голова». Разработкой деталей этой акции занимался куратор русских коллаборационистов — подполковник В. Геттинг-Зеебург, который, как видно из журнала боевых действий начальника отдела «Абвер II» (организация диверсий и саботажа) полковника Эрвина Лахузена,

информировал руководство военной разведки в Берлине о ходе операции, а также о ее конечных результатах[328].

Интерес представляет вопрос: сколько человек было выделено для проведения диверсий?

К. Г. Кромиади, а вслед за ним историки В. В. Захаров, С. А. Колунтаев, С. И. Дробязко и К. М. Александров, пишут о 300 диверсантах[329]. В одном из документов НКВД называется другая цифра — 208 человек[330]. Ветераны советских органов госбезопасности А. И. Зевелев, Ф. Л. Курлат, А. С. Казицкий указывают на 313–315 коллаборационистов[331]. В дневнике Э. Лахузена и в исследовании Г. Уайнберга встречаются цифры 350 и 400 человек, соответственно[332]. П. В. Каштанов, лично участвовавший в операции, вспоминал, что его подразделение «численностью 300 человек» было брошено против сил генерала Белова[333]. Мы склоняемся к мнению, что для операции из РННА выделили около 350 солдат и офицеров, переодетых в советскую униформу. Именно такая цифра фигурирует в сообщении подполковника В. Геттинг-Зеебурга для начальника отдела «Абвер II»[334].

Как уже отмечалось, командовать русской диверсионной группой назначили С. Н. Иванова и его заместителя К. В. Сахарова, а непосредственной подготовкой личного состава занимался Кромиади. Перед тем, как диверсанты отправились на задание, последний произнес напутственную речь: *«Офицеры и солдаты Русской Народной Национальной Армии, сегодня вы выступаете на первую нашу операцию. Не на братоубийственную борьбу мы вас посылаем, ибо там вы можете встретить, в прямом смысле этого слова, ваших родных братьев. Не для этого дано вам оружие в руки, а для обороны, для вашей собственной защиты и безопасности. Вашим же оружием должны служить ваша освободительная идея и ваши правдивые слова. Вы должны стараться своим братским обращением к той стороне заставить автоматы и пулеметы замолчать. И если вы этого добьетесь, то цель ваша будет достигнута»*[335].

Перед антипартизанской операцией

Конечно же, Кромиади лукавил, говоря, что оружие диверсантам якобы было дано только для обороны. Такими же далекими от реальности являются и фразы о братском обращении к красноармейцами. Думается, военнослужащие, отобранные для операции, прекрасно осознавали, какое задание им поручили.

Судя по различным источникам, диверсионное подразделение «Граукопф» состояло из нескольких групп, имевших свои цели и задачи (к примеру, С. Фрелих пишет о двух отрядах, которыми командовали Бочаров и Иванов^[336]). Детали предлагаемого использования диверсантов были устно сообщены командованию 43-го (XLIII) корпуса, на участке которого и решили задействовать коллаборационистов. Перед атакой (начало операции «Ганновер» назначили на 24 мая 1942 г.) командиров немецких частей заранее уведомили, что в районе боевых действий будет проводиться спецоперация, личный состав, который будет проводить оперативные мероприятия, переодет в советскую форму. Во избежание путаницы было решено использовать особые отличительные знаки^[337].

Надо отметить, что еще до использования диверсионной группы Иванова абвер неоднократно пытался заслать своих агентов в партизанский край, используя для этого все средства. Так, комиссар партизанского полка имени 24-й годовщины РККА Г. Я. Амиров вспоминал: «В этот период (май 1942 г. — Примеч. авт.) враг не брезговал ничем: вербовал и засылал в партизанские отряды даже женщин и детей. Многие из них с прибытием в расположение партизан сразу же признавались в том, какое задание получили от фашистов, часто давали ценные сведения о намерениях противника. Фашисты

забрасывали парашютистов в партизанский край для захвата штабов рейдивовавшего по тылам гитлеровцев кавалерийского корпуса, его дивизий и Отдельного партизанского полка»[\[338\]](#).

О случаях подобного рода упоминает в своем дневнике и сам П. А. Белов: «7.5.42 г. командиром „Р“ задержан 15-летний мальчик Порхачев в д. Семидворки юго-западнее Игнатково, шедший по заданию немцев, при опросе сообщил: немцы поставили ему задачу разведать Карново и установить наличие партизан»[\[339\]](#).

Немецкая разведка прилагала все усилия к тому, чтобы сохранить в тайне готовящуюся акцию. Однако планы абвера были частично раскрыты еще до того, как подчиненные Иванова приступили к выполнению боевой задачи. В воспоминаниях бывшего бойца специального отряда НКВД «Грозный» А. С. Казицкого встречается такой эпизод: «На железной дороге Смоленск — Орша есть станция Красное. Однажды там с бидонами молока появились наши разведчицы Галя Меерович и Ольга Рылова. На путях стояли воинские эшелоны. В дверях теплушек, на платформе — всюду были видны солдаты и офицеры. Девушки ахнули: фашисты были одеты в красноармейскую форму.

— Ясно, — сказал Федор Озмитель (командир отряда „Грозный“. — Примеч. авт.), выслушав рассказ разведчиц, — гитлеровцы готовят провокацию.

На следующее утро на стол начальника управления в Москве легла радиограмма:

„20 мая 1942 г. в 7 часов 30 минут через станцию Красное со стороны Орши на Смоленск прошли два эшелона. Люди одеты в форму командного и политического состава Красной армии. Один в форме генерала...“»[\[340\]](#).

Сообщение советских разведчиков передали в штаб Западного фронта, а затем в группу Белова[\[341\]](#). Позднее немцы узнали, что за день до операции из группы Иванова дезертировал военный служащий, которого сразу же допросили офицеры разведки из 214-й воздушно-десантной бригады (4-го воздушно-десантный корпус генерал-майора А. Ф. Казанкина). Перебежчик рассказал о «подразделении, состоящем из белогвардейцев», о его целях и задачах[\[342\]](#).

Немецкие солдаты конвоируют плененных партизан

Как же проводилась специальная операция?

Сохранились документы и воспоминания участников тех событий, и по ним можно составить определенное представление, как действовали русские диверсанты.

Насколько известно, операция началась 23 мая 1942 г. Группа солдат и офицеров РННА, по воспоминаниям Белова (которому передали информацию о появлении диверсантов в районе оборонительных порядков корпуса), появилась неожиданно: «Взвод парашютистов 8-й воздушно-десантной бригады возвращался после выполнения боевого задания...

Вдруг на поляне парашютисты увидели большой вооруженный отряд. Командир взвода решил, что это партизаны. Остановив бойцов среди кустарника, он пошел выяснить, что за подразделение. Его провели к пожилому человеку, назвавшемуся полковником Рогожиным (возможно, это был оперативный псевдоним Иванова. — Примеч. авт.). Командир взвода представился и доложил, какую задачу он выполняет. На его вопрос, что делает здесь отряд полковника, Рогожин ответил: выполняет особое задание генерала Белова.

Во время разговора командир взвода присматривался к людям, отдыхавшим на поляне. Их было около трехсот. Станным показалось то, что все они одеты щеголевато, в новенькую форму. На всех — курсантские мундиры со стоячими воротничками и с одним рядом светлых пуговиц, на головах —

каска, за спиной у многих ранцы. Такой формы не было ни у кавалеристов, ни у десантников, ни у партизан. Наши бойцы донашивали старое, истрепанное обмундирование. „Наверное, недавно прибыли к нам“, — подумал командир взвода, возвращаясь к парашютистам.

Десантники двинулись дальше по узкой лесной тропинке. Но не прошли они и полкилометра, как из кустов появился запыхавшийся человек в кителе, с четырьмя треугольниками в петлицах. Озираясь по сторонам, он жестом позвал командира взвода.

— Тише. Вы знаете, с кем разговаривали на поляне? Это белогвардейский полковник, — быстрым шепотом произнес старшина. — Полковник ведет диверсионный отряд. Завтра немцы начнут наступление, а диверсионный отряд должен захватить в плен Белова и уничтожить его штаб. Давайте незаметно подойдем к поляне с другой стороны. У вас ведь ручной пулемет, автоматы. Как только откроете огонь, все разбегутся. Люди набраны в лагерях военнопленных, пошли к Рогожину, чтобы не умереть с голоду. А против своих воевать не будут. Я тоже из этого отряда»[343].

Далее Белов (сам не принимавший участия в этих событиях) рассказывает о том, что десантники поверили перебежчику, отправили донесение в 8-ю воздушно-десантную бригаду, заняли позицию на краю поляны и открыли кинжальный огонь по диверсантам. Перепуганные коллаборационисты бросились враспынную в лес, а десантники стали их вылавливать. Через некоторое время к месту происшествия прибыли две роты парашютистов. Они прочесали лес и якобы поймали почти всех лазутчиков, а те, которые сопротивлялись, были уничтожены. Генерал А. Ф. Казанкин направил в штаб Западного фронта и в штаб Белова сообщение о появлении немецких диверсантов[344].

В документах разведподразделения, подчиненного Белову, события изложены иначе, чем в его мемуарах:

«Из 4 ВДК — 23.5.42 г.

т. Белову

Отряд, предназначенный для уничтожения Вашего штаба, силой 300 чел. пленных кр-цев. Возглавляет отряд полковник и майор, все в нашей форме. Наступление намечено на 11.00 24.5.42 г. Через 1 ч. 30 мин. после начала наступления в этот район должны прибыть немцы. Пароль — Рига, опознание своих — помахивание красным флагом и красной повязкой на шее. На головах у большинства каски, сзади ранцы.

Принимаю все меры к розыску. Пойманы два человека.

1486/ Ш Казанкин.

Верно: А. Акишин»[345].

При сопоставлении фактов получается, что десанникам удалось захватить поначалу в плен только двух диверсантов, которые дали показания в разведотделе 8-й воздушно-десантной бригады. О том, как закончился бой, Казанкин не сообщает. Кроме того, в документе нет ни одного слова о поимке почти всех «народников».

Белов подтверждает факт поимки диверсантов после первого боя. В мемуарах он пишет о сведениях, которые дали коллаборационисты во время допроса. Казанкину стало известно о засылке в партизанскую зону нескольких диверсионных групп, имевших задачу перед началом немецкого наступления напасть на штабы соединений и уничтожить их. Полковник Рогожин вел свою диверсионную команду к деревне Подлипки, где, по данным абвера (как оказалось, неточным), располагался штаб Белова. Для уничтожения командования корпуса немцы подготовили 315 человек[346].

О первом бое подразделения Иванова пишет и Кромияди. С его слов, события происходили так: «Когда советский отряд, высланный против них, с близкого расстояния открыл огонь (вероятно, это

были две роты парашютистов из 8-й воздушно-десантной бригады. — Примеч. авт.), Иванов вышел вперед со словами: „Товарищи, с ума сошли, в кого стреляете? Мы такие же русские, как и вы!“ Те перестали стрелять, тогда наши бросились к красноармейцам, произошло братание. Все смешалось. Одни из красных бросились бежать, другие остались. В результате, хотя дело и кончилось не так, как мы себе представляли, но много солдат и офицеров перешло к нам, в том числе и легендарный разведчик Князев»[\[347\]](#).

П. В. Каштанов вспоминает, что диверсанты РННА «обошли войска Белова с тыла и захватили множество пленных. Кроме того, военнослужащие обращались с призывами к противнику со словами: „Зачем вы стреляете в нас? Переходите на нашу сторону...“ Однажды в плен попал комиссар. Он был ужасно зол по этому поводу. Тогда я... дал ему пистолет и сказал: „Выходи вперед и убей меня, если хочешь. Я — русский, и я служу в Русской освободительной армии (так в тексте. — Примеч. авт.). Вы хотите сражаться с нами?“ Комиссар ответил: „Да“»[\[348\]](#).

Белорусские партизаны на привале

Любопытная картина представлена и в немецких документах. Исследователь Г. Уайнберг приводит выдержки из секретного донесения командующего 43-го (XLIII) корпуса генерала от инфантерии Курта Бреннеке, который 26 мая 1942 г. побывал на совещании у Шенкендорфа: «Он (Шенкендорф. — Примеч. авт.) отметил, что само появление белогвардейского отряда в советском тылу наверняка внесло неразбериху, поскольку, во-первых, красные не знали, откуда появилось это подразделение и как ему удалось пересечь линию фронта; в дальнейшем, поскольку телефонная связь была нарушена, комиссары

и политруки убиты, несколько сот солдат противника были взяты в плен, а захваченное у противника оружие уничтожено. И, наконец, подразделение внесло вклад своим участием в нескольких сражениях с вызванными по радиации или телефону отрядами противника, понесших крупные потери, в результате чего возникла настоящая паника»[\[349\]](#).

Из этого сообщения следует, что, помимо группы Иванова (которая случайно нарвалась на десантников и вступила с ними в бой), другие диверсионные команды действовали успешно. Их неожиданное появление в партизанском районе вызвало неразбериху, чем коллаборационисты воспользовались. Во-первых, они нарушили связь между советскими частями, убили ряд политработников и командиров. Во-вторых, несколько сот красноармейцев им удалось распропагандировать и привлечь на свою сторону. И, в-третьих, используя радиостанции или телефонные аппараты, стоявшие в пунктах управления партизанской зоны, диверсанты дезинформировали штаб Белова, просили подкрепление и наводили его на засады.

В документе также приводились примеры. Так, по словам взятого в плен телефониста, отвечавшего за связь со штабом Белова, командование кавалерийским корпусом было вынуждено вывести из резерва 1000 человек и направить их в районы, где действовали диверсанты. В результате один из участков обороны партизанского края лишился поддержки, благодаря чему германские войска овладели деревней Платоновка, где находился опорный пункт, после чего пехотные части вермахта устремились вглубь «бандитской» зоны[\[350\]](#).

Кроме того, диверсанты стреляли «народным мстителям» в спину, а затем быстро отходили. Боевые группы партизан, высланные вслед за «народниками», преследовали их и пытались уничтожить. Однако во время боя, не особо разбираясь, где свои, а где чужие, партизаны нередко стреляли друг в друга, что действовало на бойцов и командиров деморализующим образом[\[351\]](#).

Уайнберг ссылается в своей работе на захваченный дневник одного советского офицера, где дана характеристика действиям русских диверсантов: «...Это началось 23 мая... Было установлено наличие в районе действий нашего корпуса диверсионной группы, используемой немцами. В ее составе были бывшие военнопленные, переодетые в нашу военную форму и вооруженные нашим оружием. Командование в этой группе осуществляли белогвардейские эмигранты — подполковник, майор и другие. Эта группа представляет большую опасность; вести бои с такими диверсантами очень сложно, поскольку их легко можно принять за своих. Но вскоре представилась возможность рассеять и частично уничтожить эту группу. Как удалось выяснить, группе было поручено найти штаб Белова и устроить там кровавую бойню. Мы не перестаем удивляться хитрости немцев»[\[352\]](#).

Белов отдал приказ немедленно ликвидировать всех диверсантов, действующих в партизанской зоне. Но сделать это оказалось очень непросто, хотя группе Иванова, как уже говорилось, десантники нанесли ощутимые потери.

24 мая 1942 г. Белов докладывал генералу армии и командующему Западным фронтом Г. К. Жукову:

«Истекшей ночью уничтожено до 120 диверсантов пр-ка в р-не Богородицкое, ст. Вертерхово, 6 человек взяты в плен, остальные рассеялись в лесах, частично отошли к ст. Баскаковка»[\[353\]](#).

Тем не менее, диверсии в тылу 1-го гвардейского кавалерийского и 4-го воздушно-десантного корпусов продолжались. 24 мая генерал Казанкин сообщал Белову: «Истребление группы диверсантов продолжается»[\[354\]](#). Но столкновения с «народниками» продолжались еще два дня.

В разведсводке № 0131 от 26 мая 1942 г. отмечалось:

«Задержанная группа диверсантов в ночь с 25 на 26.5 на допросе показала, что диверсионная группа, переброшенная немцами через фронт, имела своей задачей делать налеты на штабы, убивать

командный состав и взять в плен генерал-лейтенанта Белова и его штаб»[\[355\]](#).

Диверсанты из РННА, таким образом, активно действовали в расположении особой группы Белова с 23 по 26 мая 1942 г. Для поимки разведчиков и террористов командованию кавалерийского корпуса пришлось выделить значительные силы. Большую часть диверсантов беловцы нейтрализовали, но ликвидировать все подразделения оказалось невозможно. План немецкой разведки по захвату Белова в плен и уничтожению его штаба был сорван, но оставались опасения, что это, возможно, только первый этап операции и за ним будет второй. Видимо, этим объясняется то, что политуправление Западного фронта, получившее сведения, что ряды диверсантов состоят из бывших военнопленных, предложило 31 мая 1942 г. выпустить серию листовок:

«Против нас противник привлек много обманым путем военнопленных. Целесообразно заготовить серию коротких листовок к обманутым русским военнопленным. Смысл таков. Военнопленных, измороженных голодом, врагу удалось временно обмануть благодаря их тяжелому положению. Получив оружие у врага, бью его при всяком удобном случае его же оружием. Переходи к нам, русским братьям, вместе будем драться за Советскую Родину. Вырвался из лагеря — вреди, чем можешь, врагу.

Как бы коварны фашисты ни были, не сидеть им на спине свободолюбивого советского народа. Как бы немцы не кичились, все равно мы, русские, советские люди, победим. Правда на нашей стороне.

Район забрасывания листовок — Рославль, Ельня, Ярцево, Спас-Деменск, Всходы. По жел. дороге ст. Угра и Баскаковка, ст. Издешково. Листовки на русском языке...»[\[356\]](#)

Насколько успешной была акция политорганов Западного фронта, сказать сложно. Листовки подготовили, когда диверсионная фаза операции «Ганновер» близилась к завершению. Вместе с тем агитационные материалы могли распространять и дальше, так как вопрос использования немцами советских военнопленных оставался актуальным. Наряду с этим необходимо было хоть как-то парировать удары германской пропаганды. Например, в ходе операции «Ганновер» в партизанский край забрасывалась специальная, сфабрикованная немцами брошюра «Уничтожим шпионов и диверсантов», в которой в самой неприглядной форме показывалась работа сотрудников особых отделов в РККА[\[357\]](#). В пространном «Обзоре мероприятий германских властей на временно оккупированной территории с июня 1941 г. по март 1943 г.», подготовленном для советского руководства, сообщается: «Известно о существовании на оккупированной территории отрядов, причисляющих себя к „русской народной армии“. Некоторые из них скрывают свою связь с германским командованием, но открыто говорят о своей враждебности советскому строю и партизанам. Эти отряды объявляют своей целью „борьбу за новую Россию“. Следует отметить, что в районе Могилева, где появились отряды „русской народной армии“, распространялись также брошюры от имени организации „русских фашистов“»[\[358\]](#).

Рассматривая вопрос о деятельности диверсионной группы РННА, нельзя пройти мимо эпизода с захватом в плен майора А. М. Бочарова (носившего, согласно Кромиади, псевдоним — Бугров, по советским источникам — Богатов, Богачев). Бочаров находился в группе Иванова и во время боя с десантниками попал в плен.

Кромиади описывает этот момент так:

«В то же время красные опознали и захватили двенадцать наших солдат и офицеров, в том числе и нашего „политрука“, майора Бугрова (псевдоним майора Бочарова, в РОА он был произведен в полковники).

На допросе Бочарова один из старших красных командиров (говорят, что он уже умер, но точно не знаю) спросил: „Скажи, майор, что тебя привело к такому позорному шагу?“ „О каком позорном шаге

спрашиваете, товарищ?“. „А ты не считаешь позором то, что во время войны вы идете с врагом против своего народа и своей родины?“ „Мы не идем против своего народа и нашей родины. Мы идем за освобождение нашей родины и нашего народа и от коммунистов, и от нацистов“. „А кто вы такие?“ „Мы — Русская Народная Национальная Армия“. „А сколько вас?“ „Пока пять тысяч“. „Почему так рано начали?“ „Как вас понять, товарищ?“ „Как хочешь!“ Произошла пауза. „Ну что, брат, война есть война. Мне придется расстрелять тебя“. „Я это знаю, я готов“.

Пленного не расстреляли, как и остальных двенадцать человек, хотя и выстроили их для расстрела, и те, кто должны были расстреливать, выстроились против них с заряженными винтовками и ждали приказа.

В эту ночь немецкие дивизии атаквали беловцев, и в возникшей суматохе, при переправе через Угру, наши пленные вместе со своей охраной скрылись и пробрались к нам»[\[359\]](#).

Похожую картину мы встречаем в работе С. Фрелиха, с той лишь разницей, что допрос пленных диверсантов проводил не безвестный советский командир, а якобы сам Белов:

«Бойцам РННА удалось без труда пройти защитную линию окруженных советских войск, не вступая в бой, благодаря тому, что они были одеты в советскую форму и говорили по-русски... Начальник разведывательного взвода окруженных советских войск последовал по следам появившегося неизвестно откуда отряда. На привалах бойцов РННА, которые они только что покинули, он обнаружил окурки папирос немецкого происхождения. На основании этих доказательств ему удалось возбудить тревогу в штабе, и там смогли вовремя приготовить часть к „приему“ вторгнувшихся врагов. После короткого боя все они были взяты в плен, а их офицеры на следующий день были приведены к генералу Белову... „Вы же, по существу, изменники!“ — сказал Белов. „Нет, мы — патриоты“, ответили те. В более узком кругу разговор продолжался следующим образом: „Вы же знаете, что я должен сделать с вами!“, — сказал Белов. „Да. Вы должны нас расстрелять“. Генерал: „Правильно. Как вы, дураки, могли так рано взяться за такое дело?!“ На следующую ночь штаб-квартира Белова переменила свое местопребывание. При этом пленные не только не были расстреляны, а, наоборот, воспользовавшись этим случаем, они бежали вместе с приставленной к ним стражей»[\[360\]](#).

Другая версия излагается в воспоминаниях самого Белова:

«Старшина, который первым сообщил о диверсионном отряде, опознал среди пленных помощника Рогожина, некоего Богатова (или Богачева — точно не помню). Изменник, имея звание майора, служил в 160-й стрелковой дивизии, входившей в ударную группировку 33-й армии генерала Ефремова. Когда гитлеровцы окружили войска Ефремова и бойцы и командиры героически сражались с превосходящими силами противника, Богатов, стремясь спасти свою жизнь, перешел на сторону фашистов. Гитлеровцы посадили его в самолет и немедленно отправили куда-то под Кёнигсберг. Там предатель подвергся соответствующей обработке и через сутки был доставлен назад.

Фашисты замыслили уничтожить штаб Ефремова и захватить в плен самого генерала. Они послали Богатова с радиостанцией туда, где еще продолжали сражаться остатки ударной группировки 33-й армии. Предатель разыскал лесную деревишку, где находился генерал Ефремов, и оттуда связался по радио со своими хозяевами...

По приказанию, полученному из штаба Западного фронта, парашютисты должны были доставить Богатова на „Большую землю“. Через несколько суток, ночью, когда 4-й воздушно-десантный корпус пробивался к главным силам нашей группы, парашютисты завязали в лесу ожесточенный бой с противником. Во время боя вражеская пуля сразила старшину, который помог

разоблачить диверсантов. А предатель Богатов, воспользовавшись темнотой и неразберихой, бежал»[\[361\]](#).

Наконец, для полноты картины приведем еще один документ, подготовленный в штабе 4-го воздушно-десантного корпуса 26 мая 1942 г.:

«Диверсионная группа численностью 300 человек почти полностью ликвидирована. Захваченный в плен майор 33-й армии Богатов Алексей Матвеевич бывшей 160 сд, показал:

На ликвидацию нашей группировки привлечен 4 армейский резервный корпус, 43 корпус с Милятино, с Богатырей и др. направлений.

Танков для этой операции придается около 600 танков 20 тбр и 59 бронетанкового соединения, кроме того, привлекается корпус, сформированный из бывших военнопленных под командованием генерал-лейтенанта Лукина... командующего 16 или 20 армий. Наступление этого корпуса предполагается со стороны Дорогобуж.

Ликвидация всей группы намечена в 2–3 дня. Первая задача разъединить Белова с 4 ВДК и дальше уничтожить по частям.

Этой операции они придают большое значение, считая ее началом главного наступления.

Немцы готовят еще ряд диверсионных групп, в том числе десант из русских. Основной целью ликвидированной группы было постановлено захват штаба Белова.

В штабе Белова есть... работающие в пользу немцев.

Все наши шифры известны немцам и наши радиogramмы они перехватывают. О наших планах немцам известно.

Опрос произведен ввиду сложной обстановки кратко.

...донесу дополнительно. Его показания в ночь на 26.5.42 г. должны пройти еще группы 400 человек между Богородицкое, Акулово.

Его показаниям командир 43-го армейского корпуса высоко расценивает действия десантников»[\[362\]](#).

Итак, Бочаров дал ценные показания в разведывательном отделе 4-го воздушно-десантного корпуса. Фактически он раскрыл намерения германского командования, поделился данными, совпадавшими с информацией, полученной разведчиками партизан. Неизвестно, был ли в действительности откровенный разговор между ним и начальником разведотдела 4-го вдк, но исключать такую возможность нельзя. Правда, вызывают сомнение тональность беседы, во время которой декларировались энтээсовские аксиомы, и приказ о расстреле Бочарова. Как следует из мемуаров Белова и донесения генерала Казанкина, расстреливать майора-террориста не собирались: он представлял интерес для советских спецслужб, и его хотели переправить через линию фронта.

Как удалось бежать диверсанту? По одной из версий, Бочаров совершил побег, когда сопровождавшие его десантники отбивали атаку превосходящих сил противника, по другой — во время паники, возникшей в боевых порядках 4-го вдк, который прорывался к 1-му гвардейскому кавалерийскому корпусу.

Не дают четкого ответа на поставленный вопрос и документы из дневника Белова. В донесении начальнику Особого отдела НКВД Западного фронта от 30 мая 1942 г. подчеркивалось: *«Сегодня явился в штаб группы Белова пом. нач. разведотдела 4 вдк капитан Виноградов... Виноградов сообщил, что диверсант Богатов во время обстрела противника особого отдела бежал»*[\[363\]](#). На следующий день, 31

мая 1942 г., о побеге Бочарова сообщал и Белов: *«Казанкин доложил, что во время боя сбежал пленный диверсант майор Богачев, и убит пленный диверсант ст. лейтенант Андреевский. Оба предназначались к отправке ОО фронта. Производится расследование»*[\[364\]](#).

Бочаров, по-видимому, бежал, когда его вели под конвоем из разведотдела 4-го вдк на партизанский аэродром. Воспользовавшись тем, что охрана вступила в бой, Бочаров и старший лейтенант Андреевский совершили побег. По ним открыли огонь, и Андреевский был убит. Если события происходили именно так, то рассказ Кромиади и Фрелиха о пленных, бежавших вместе со своей охраной, является вымыслом.

К разряду мифов, с другой стороны, относятся слова Белова, что Бочаров якобы принимал участие в операции по уничтожению окруженной группы командующего 33-й армией генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. Бочаров не мог привлекаться к этой операции, поскольку находился на сборно-пересыльном пункте № 8, а затем в пересыльном лагере № 124, где его и завербовала немецкая разведка[\[365\]](#).

Итоги диверсионной акции с участием личного состава РННА были не такими уж и радостными, хотя командование 4-й полевой армии вермахта отметило подразделение «Граукопф», посчитав его действия полезными[\[366\]](#). Кромиади соглашается с такой точкой зрения, однако старается скрыть неудачу группы Иванова. Из 300 человек, отправленных на задание, по его словам, на советскую сторону перебежал лишь один. А конечный вывод Кромиади и вовсе удивляет: *«... часть наша тогда оказалась весьма стойкой, под огнем с той стороны, не прибегая к оружию, водворяла в жизнь идеи и методы борьбы РННА»*[\[367\]](#).

В советских документах, приуменьшавших результаты диверсионной операции, приводятся другие цифры. В одной из радиogramм Белова сообщалось об уничтожении 120 и пленении 6 человек в течение 23–24 мая 1942 г.[\[368\]](#) В докладной записке особого отдела НКВД Северо-Западного фронта от 6 января 1943 г. отмечалось следующее: в Осинторф с операции вернулись только 80 диверсантов[\[369\]](#).

Историки Захаров, Колунтаев и Дробязко, опираясь на советские источники, склоняются к мнению, что 100 человек перебежали к Белову, 70 были убиты и 120 вернулись к немцам[\[370\]](#).

Американский исследователь Уайнберг, использовавший в своей работе немецкие оперативные документы, говорит о возвращении 100 диверсантов[\[371\]](#). Эта цифра встречается и в записях Э. Лахузена (*«В целом, чуть более 100 человек возвратились в немецкие войска»*[\[372\]](#)). На наш взгляд, эти данные, проходившие по линии германской военной разведки, заслуживают наибольшего доверия.

К слову, кроме РННА, для выполнения диверсионных задач в рамках операции «Ганновер» привлекались и другие группы русских коллаборационистов. Уайнберг, например, отмечает использование на одном из участков партизанской зоны роты добровольцев фон Рентельна, также переодетых в советскую униформу. Судя по донесениям офицеров абвера, действия этой группы были весьма успешными[\[373\]](#).

Операция «Ганновер» имела для советских кавалеристов, десантников и партизан тяжелые последствия. С 24 по 30 мая 1942 г., когда проводилась первая ее часть, немецкие войска отрезали 4-й вдк от корпуса Белова. Партизаны и военнослужащие РККА попали в окружение и, оказывая упорное сопротивление, пошли на прорыв. В ночь с 30 на 31 мая изрядно потрепанным частям 4 вдк и 2-й кавалерийской дивизии удалось пробиться на запад, к основным силам Белова. Однако ситуация с каждым днем ухудшалась[\[374\]](#).

С 3 по 21 июня 1942 г. командование группы армий «Центр» провело вторую часть операции «Ганновер». В результате массированного использования артиллерии, танков и пехоты немцы глубоко вклинились на территорию партизанского края, а затем полностью зачистили этот район. Группе Белова с боями все-таки удалось вырваться из окружения и выйти в расположение войск Западного фронта[\[375\]](#).

1-й гвардейский кавалерийский и 4-й воздушно-десантный корпуса избежали полного разгрома, но исход операции «Ганновер» для Красной армии в оперативно-стратегическом отношении был неудачен. В тылу группы армий «Центр» был утрачен район, позволявший несколько месяцев наносить ощутимый ущерб одной из самых мощных группировок вермахта на Восточном фронте. Потери с советской стороны составили 4000 убитых и 6000 пленных. С германской стороны потери также оказались значительными: 480 убито и около 200 пропало без вести. Было зачищено 480 населенных пунктов, или 3000 кв. км [\[376\]](#).

Операции «Орел» и «Захват»

После операции «Ганновер», как уже отмечалось, соединение «Граукопф» решили подключить к борьбе с партизанским движением, которое к лету 1942 г. стало представлять большую опасность. Вместе с тем абвер продолжал формировать из личного состава РННА диверсионные команды и посылал их в тыл Красной армии. Грачев вспоминал: *«До того момента, когда я вступил в бригаду, несколько разведывательно-диверсионных групп уже, по всей видимости, были переброшены через советские линии»*[\[377\]](#).

В июне 1942 г., когда был запущен механизм реорганизации соединения и перевода его под начало командования охранных войск, группы солдат и офицеров РННА использовались в операции по поиску и разоружению партизан в районе станции Милятино (Смоленская область)[\[378\]](#). Вероятно, это была заключительная стадия боевых действий операции «Ганновер». К слову, в Милятине находился лагерь для военнопленных, где, вероятней всего, подбирали необходимый контингент.

3 июля 1942 г. руководство РННА побывало на совещании в оперативном отделе штаба группы армий «Центр». Во время совещания, на котором присутствовали Сахаров и Бочаров, обсуждался вопрос о формировании из военнослужащих соединения «Граукопф» зондеркоманды особого назначения. Команда эта должна была состоять из 150 человек, ее предполагалось перевести в состав 59-го (LIX) армейского корпуса генерала от инфантерии Курта фон дер Шеваллери[\[379\]](#).

По мнению некоторых специалистов, речь шла о подготовке очередного разведывательно-диверсионного подразделения для использования на фронте. Но изучение разных материалов позволило авторам усомниться в этой версии. Летом 1942 г. LIX армейский корпус активно привлекался к борьбе с партизанами Белоруссии. Части и соединения корпуса, действовавшего севернее Витебска, пополняли и укрепляли гарнизоны, создавали новые опорные пункты вокруг «бандитских» зон, вели разведку, засылали агентуру, проводили зачистки и контрпартизанские операции (например, операцию № 95, проводившуюся в августе 1942 г. в Лioзненском и Полоцком районах оккупированной Витебской области)[\[380\]](#).

20 июля 1942 г. зондеркоманда особого назначения была подготовлена, после проверки, проведенной начальником оперативного отдела группы армий «Центр» полковником фон Тресковым, ее перевели в состав LIX армейского корпуса[\[381\]](#).

24 июля соединение «Граукопф» получило приказ командования охранных войск взять на себя защиту торфозавода и охрану лагеря для военнопленных в Осинторфе (находился в 4-м поселке и вмещал в себя примерно 1000 человек). Немецкой разведке удалось установить, что партизанские силы, проявлявшие большую активность в Оршанском районе, намеривались захватить поселок и очистить его от оккупационных органов и коллаборационистов[\[382\]](#).

Наряду с этим продолжалась подготовка диверсантов и особых команд для действий в тактическом тылу Красной армии и для борьбы с партизанами. В июле 1942 г. одно из подразделений РННА привлекалось для ликвидации «народных мстителей» в районе станции Жиздра (Калужская область)[\[383\]](#).

Но, пожалуй, самым важным моментом, который произошел в жизни соединения «Седая голова» в июле 1942 г., стало применение батальона «Волга» к крупной операции по уничтожению партизан под кодовым наименованием «Орел» (Adler).

В конце первой декады июля 1942 г. командование охранных войск группы армий «Центр» поняло, что, начавшаяся 30 июня операция «Майский жук» (Maikäfer), которую проводили части 203-й охранной дивизии, не приведет к желаемым результатам. «Народные мстители» Могилевской области отразили

натиск германских частей и сумели отойти в район Старый Быхов — Свислочь — Белыничи — Друть. Этот район, по донесениям абвера, оказался «зараженным бандитами», чья численность оценивались в пределах от 2 до 5 тыс. человек, вооруженных тяжелыми и легкими полевыми гаубицами, противотанковыми орудиями, станковыми и ручными пулеметами, автоматами и винтовками[\[384\]](#).

Основные партизанские силы сконцентрировались в Кличевском районе, через который проходило несколько важных шоссейных дорог. Постоянные нападения на колонны тылового обеспечения создавали реальную угрозу коммуникациям и держали в перманентном напряжении действовавшие здесь оккупационные органы. Командующий корпусом охранных войск группы армий «Центр» отдал приказ о проведении в указанном районе операции «Орел». Эту операцию поручили возглавить командиру 286-й охранной дивизии генерал-майору Иоганну Рихерту. На базе его соединения была сформирована боевая группа «Орел» (Kampfgruppe Adler), куда вошли части 203-й охранной дивизии, СС и полиции[\[385\]](#).

Группа «Орел» была разделена на несколько боевых групп:

Боевая группа «Бухман» (командир — подполковник Бухман):

- 2-й полицейский полк;
- особый батальон СС «Дирлевангер».

Боевая группа «Копф» (командир — майор Копф):

- 473-й охранный батальон;
- 642-й охранный батальон;
- боевой батальон «Днепр»;
- 8-й артиллерийский дивизион «Смоленск»;
- команда ГФП.

Боевая группа «Гольдерн» (командир — подполковник фон Гольдерн):

- 134-й полицейский батальон;
- 452-й охранный батальон;
- 102-й казачий батальон;
- 9-й артиллерийский дивизион «Смоленск»;
- особый батальон капитана Кноблиха;
- танковый взвод 286-й охранной дивизии;
- команда ГФП.

Резервы:

- 2 легких разведывательных танка;
- 6-й зенитный моторизованный взвод;
- 1-й взвод 769-го легкого зенитного дивизиона;
- 2-й взвод 715-го легкого зенитного дивизиона (35-го зенитного полка)[\[386\]](#).

К операции, кроме того, были привлечены команды СД (в частности, особая разведгруппа полиции безопасности), батальон «Волга» и формирования вспомогательной полиции. Боевое управление войсками осуществлялось из Старого Быхова и Бобруйска[\[387\]](#).

Этим силам противостояли отряды Кличевского партизанского соединения (создано 3 апреля 1942 г.; на момент операции «Орел» командовал соединением полковник В. И. Ничипорович):

- 113-й партизанский отряд (командир — К. М. Белоусов, З. П. Гапонов);
- 121-й партизанский отряд (командир — М. И. Абрамов, комиссар — О. М. Касаев);
- 128-й партизанский отряд (командир — В. П. Свистунов, комиссар — М. Ф. Сперанский);
- 208-й партизанский отряд им. Сталина (командир — В. И. Ничипорович, комиссар — К. М. Яковлев);
- 277-й партизанский отряд (командир — С. А. Мазур, комиссар — И. З. Изох);
- 600-й партизанский отряд (командир — Н. Д. Аверьянов, комиссар — В. Т. Некрасов);
- 620-й партизанский отряд (командир — В. М. Сырцов);
- 752-й партизанский отряд (командир — В. И. Ливенцев, комиссар — Д. А. Лепешкин);
- 760-й партизанский отряд (командир — Г. И. Перестенко, комиссар — В. М. Михайлов).

Численность Кличевского партизанского соединения на тот момент была около 4 тыс. человек[\[388\]](#).

«Народным мстителям» заранее стало известно о подготовке крупной операции против Кличевской партизанской зоны. Командир 752-го отряда, Герой Советского Союза В. И. Ливенцев вспоминал: *«Из допросов пленных гитлеровцев и их агентов мы установили, что против нашего партизанского края готовила операцию 286-я охранная дивизия с приданными ей частями и гарнизонами жандармерии и полиции. В этом наступлении должны были участвовать также батальоны „Днепр“ и „Березина“ из власовского „Восточного полка“ (по поводу боевого применения батальона „Березина“ в операции „Орел“ в немецких оперативных документах нет информации; Восточный запасной полк „Центр“ не был власовским, а входил в состав охранных войск группы армий „Центр“. — Примеч. авт.), которым командовал ярый фашист Каретти (полковник Коретти в июле 1942 г. не командовал Восточным запасным полком „Центр“; с 18 марта 1941 г. по 5 июля 1942 г. он командовал 4-м охранным полком, с 5 июля по 25 августа 1942 г. находился в резерве ОКХ, с 25 августа по 15 ноября 1942 г. командовал 336-м пехотным полком. — Примеч. авт.). Всей этой операцией под кодовым названием „Адлер“ руководил командующий войсками тыла группы армий „Центр“ генерал-лейтенант Шенкендорф (руководил операцией „Орел“ генерал-майор И. Рихтер. — Примеч. авт.). Перед дивизией ставилась задача: очистить коммуникации группы войск „Центр“. Положение создавалось угрожающее»*[\[389\]](#).

По планам командования 286-й охранной дивизии, операция «Орел» делилась на семь этапов. На каждый из них отводилось от двух до четырех дней. Основная задача сводилась к тому, чтобы полностью прочесать район оперативных действий, окружить партизанские формирования, находящиеся внутри этого района, и, не давая им возможности укрыться в лесисто-болотистой местности, уничтожить[\[390\]](#).

Операция началась 20 июля 1942 г. Наступление охранных войск развивалось медленно. Быстрому продвижению немецких частей мешали болота. Постоянно сужая кольцо окружения, охранные войска встречали упорное сопротивление противника. К примеру, у деревни Техтин боевая группа Бухмана (в которой основной ударной силой был 2-й полицейский моторизованный полк) в течение двух суток вела жестокие и кровопролитные бои против партизан 113-го, 121-го и 600-го отрядов[\[391\]](#).

Однако, подтянув резервы, немцы сломили сопротивление «бандитов». Печальная участь постигла 121-й партизанский отряд, который был окружен в щеглицком лесу между населенными пунктами Песчанка, Дубинка, Щеглица (западнее Могилева). В бою смертельное ранение получил командир отряда М. Абрамов. Спасая командира, шесть бойцов — Г. О. Дашкевич, А. Л. Гуков, Е. С. Селедцов, С. У. Семуков, Л. Тагиленко и М. Ковалев — заняли круговую оборону и отбивались до последнего патрона. Все они были

уничтожены членами СС и полиции[392].

Партизаны пытались оторваться от немцев, маневрировали, искали возможность незаметно выйти из окружения. В некоторых отрядах, где потери среди личного состава оказались тяжелыми, нашлись паникеры и дезертиры. Допросом пленных партизан занимались сотрудники ГФП, полиции безопасности и СД. В момент полной блокировки партизанских отрядов Кличевской зоны сотрудникам немецких спецслужб удалось выяснить, что ввиду очень больших потерь командование партизанского соединения приказало жителям деревень, в основном, крестьянам, пополнить ряды «народных мстителей». Однако эти меры никоим образом ситуации не изменили. 30 июля партизанскую зону намертво блокировали[393].

31 июля сотрудники абверштелле «Смоленск» с помощью специальных сигналов предложили полковнику В. И. Ничипоровичу встретиться с офицером разведки. Немцы гарантировали партизанскому командиру свободу и предлагали, чтобы он и его «банды» прекратили кровопролитие. Но полковник наотрез отказался выполнять эти требования и решил прорываться из окружения[394].

Военнослужащие РННА в ходе антипартизанской операции

Положение осажденных с каждым днем усложнялось. Попытка Военного совета Западного фронта оказать по воздуху помощь блокированным отрядам эффекта не дала. В условиях маневренной обороны доставляемые самолетами боеприпасы и медикаменты лишь частично попадали партизанам.

2 августа Ничипорович провел совещание командного и политического состава партизанских формирований. На совещании было принято единодушное решение прорываться и выводить из блокированного района местное население. Из подразделений 208-го партизанского отряда была

сформирована ударная группа, которая должна была обеспечить «коридор» в направлении деревни Суша. В ночь со 2 на 3 августа 1-я и 2-я роты 208-го отряда под командованием Е. Н. Беспясова и Т. Ф. Кудинова в бою у деревни Усакино уничтожили немецкие заслоны и обеспечили выход из окружения партизанам и гражданскому населению[395].

Тем не менее из кольца прорвались далеко не все «народные мстители». Вскоре после того, как часть отрядов выскочила из «котла», он был вновь закрыт. Партизаны, оставшиеся в блокированном районе, разделились на мелкие группы и, пользуясь этой тактикой, решили пробиваться из окружения. Но сделать это удалось немногим. Те, кто не сдавался в плен — в особенности командиры и комиссары, — совершали самоубийство[396].

Операция «Орел» завершилась 7 августа 1942 г. Результаты ее, несмотря на то, что полностью разгромить партизан не удалось, были для немцев положительными. Охранные войска захватили несколько лагерей, три больших склада с боеприпасами. Трофеи составили: восемь гаубиц, четыре полевых орудия, пять зенитных орудий, девять ПТО, семь тяжелых и шесть легких минометов, 14 ручных, семь станковых и один танковый пулеметов, 377 винтовок, 12 пистолетов, 12 автоматов, 116 гранат 7,62 мм, 772 снаряда к противотанковым орудиям, 322 мины к тяжелым и 52 мины к легким минометам, 308 ручных гранат, 10 000 винтовочных и 25 000 автоматных патронов[397].

Кроме того, боевые группы захватили 216 лошадей, 87 телег, 2839 голов рогатого скота, 1065 шкур животных, 10 велосипедов и 13 лошадиных сбруй[398].

Партизанские потери, по оперативным документам, были следующие: убит — 1381 человек, взяты в плен — 428, захвачены и переданы СД — 633. Германские потери оказались значительно меньше: 25 убиты, 2 пропали без вести, 64 ранены[399].

В ходе операции «Орел» применялись и карательные меры. За сотрудничество с «бандитами» и оказание им помощи было сожжено 30 деревень (в частности, Слободка, Козуличи и др.), расстреляны свыше 300 человек как «бандитских» пособников[400].

Командир 286-й охранной дивизии генерал-майор И. Рихтер отметил в итоговом донесении об операции «Орел» (8 августа 1942 г.) успешные действия добровольческих формирований: *«Готовность войск к действиям и их боевой дух оказались на высоте. При этом следует напомнить, что местные формирования, такие, как боевые батальоны „Днепр“ и „Волга“, были созданы сравнительно недавно, но использовались в боях. Хотя ранее эти части несли исключительно охранную службу, в ходе операции они четко выполняли приказы, возложенные на них руководством. Несмотря на пестрый возрастной состав, войска справились с задачами к самому полному удовлетворению командования. Собственные потери, хотя и низкие, были неизбежны в виду коварных действий противника и труднопроходимой местности. Проведение операции собственными силами дивизии было бы невозможно. Отсутствие ударной группы соединения (речь идет об Eingreifgruppe — ударной или боевой группе, которая создавалась в охранной дивизии на базе первого полка. — Примеч. авт.) компенсировалось за счет тесного взаимодействия с другими частями и подразделениями»*[401].

Довольно лестные выводы относительно использования добровольцев, в частности, РННА в антипартизанских операциях (в т.ч., в операции «Орел»), прозвучали в сообщении командующего корпусом охранных войск генерала Шенкендорфа. 5 августа 1942 г. он направил свои соображения в ОКХ, в которых не забыл отметить: *«Опыт показал, что русские соединения более пригодны для борьбы с партизанами, чем немецкие. Как и партизаны, русские солдаты умеют приспособиться и к густым лесам, и к болотистой местности... Использование русских формирований против партизан оказывает большое пропагандистское воздействие на население»*[402].

12 августа 1942 г. Шенкендорф подал обстоятельный доклад командующему группы армий «Центр» Гюнтеру фон Клюге об удачном проведении операции «Орел». В докладе он подчеркивал, что партизаны, находившиеся под командованием полковника В. И. Ничипоровича, которые долгие месяцы господствовали в районе между Бобруйском и Могилевом, препятствовали всякому передвижению немецких войск и хозяйственному использованию этой территории, уничтожены. Командующий корпусом охранных войск, на наш взгляд, несколько приукрасил действительность, так как полностью уничтожить «народных мстителей» в этом районе не удалось. Хотя число налетов на шоссе и железные дороги заметно снизилось, ситуация по-прежнему оставалась напряженной[403].

Шенкендорф отдал секретный приказ о проведении в августе 1942 г. 14 антипартизанских операций[404]. Самая крупная из них планировалась в западной части треугольника Смоленск — Витебск — Орша и носила название «Захват» (Greif, в отечественной военной литературе эту операцию почему-то называют «Гриф», что ошибочно, так как правильная передача этого слова по-русски будет «Граиф»). Задача операции состояла в том, чтобы охранные войска, части СС и полиции, усиленные танковыми и артиллерийскими подразделениями, бронепоездами, бомбардировочной авиацией, командами СД и полевой жандармерии, уничтожили партизан в этом районе[405].

Как и в прошлый раз, оперативные мероприятия поручили провести командиру 286-й охранной дивизии. В приказе Шенкендорфа говорилось: *«Операция № 30 („Захват“): умиротворение и очищение пространства по обе стороны дороги Орша — Витебск до дивизионной разграничительной линии. Начало 16.8.42. Оперативные силы: 9 батальонов»*[406].

Помимо подразделений, выделенных из 286-й охранной дивизии, в операции «Захват» также принимали участие:

- 2 батальона из LIX армейского корпуса;
- 257-й пехотный полк;
- 61-й охранный полк;
- 13-й полицейский полк:
- I (бывший 6-й резервный) полицейский батальон;
- II (бывший 85-й резервный) полицейский батальон;
- III (бывший 301-й резервный) полицейский батальон;
- 14-й полицейский полк:
- I (бывший 51-й резервный) полицейский батальон;
- II (бывший 122-й резервный) полицейский батальон;
- III (бывший 313-й) полицейский батальон;
- I батальон 638-го французского пехотного полка;
- особый батальон капитана Кноблиха;
- особый батальон СС «Дирлевангер»;
- батальон экспериментального соединения «Седая голова»;
- группы полиции безопасности и СД[407].

Включение одного из батальонов РННА в состав боевой группы 286-й охранной дивизии для проведения операции «Захват» указывает на то, что подразделения «Граукопф» уже успели себя

зарекомендовать с положительной стороны в борьбе с партизанами. Помимо операции «Орел», 4–5 августа 1942 г. «народники» успешно отбили партизанские атаки на Осинторф. Грамотные действия личного состава соединения не остались незамеченными, поэтому командование охранных войск решило подключить коллаборационистов к новой акции[408].

В своих воспоминаниях бывшие командиры РННА всячески обходят стороной эпизоды, связанные с привлечением формирования к антипартизанским операциям, и представляют картину, далекую от действительности. Грачев, к примеру, утверждает: *«Когда мы действовали на партизанской территории, между нами и партизанами существовало неписаное соглашение, что мы не будем вступать друг с другом в боестолкновения»*[409]. На страницах мемуаров Кромиади мы находим следующие рассуждения: *«В оперативном отношении тоже ничего особенного не было (участие РННА в операции „Орел“ и отражение атаки партизан на Осинторф позволяют сомневаться в правдивости данного утверждения. — Примеч. авт.). За лето пришлось четыре раза выделить по батальону в больших антипартизанских акциях (помимо операций „Орел“ и „Захват“ РННА, по всей видимости, привлекалась еще и к операциям № 6 (в некоторых документах № 10) и № 7 (в документах также называется „Незнание“ или № 11), которые проводились 203-й охранной дивизией в Бобруйском районе Могилевской области. — Примеч. авт.), но все они кончались безобидно... (достаточно сказать о сожжении 30 населенных пунктов во время операции „Орел“, чтобы понять всю нелепость подобного заявления. — Примеч. авт.). В прочесывании леса принимали участие — одна дивизия французов (правильно — один батальон из 638-го французского пехотного полка. — Примеч. авт.), одна дивизия эсэсовцев (не дивизия, а два полицейских полка. — Примеч. авт.) и один из наших батальонов»*[410].

Планируя операцию «Захват», командование охранных войск пыталось выяснить, какими силами располагают советские патриоты в районе предстоящих боевых действий. Но эти попытки ни к чему не привели. Немцы точно не знали, сколько отрядов «народных мстителей» находится под Оршей и Осинторфом. А тем временем здесь собрались сильные партизанские формирования:

Бригада «Дяди Кости» (командир — К. С. Заслонов, комиссар — Л. И. Селицкий):

— отряд № 1 (командир — В. Комлев, комиссар — И. С. Шурман, общее количество бойцов 52 человека, вооружение — 9 ручных пулеметов, 40 винтовок);

— отряд № 2 (командир — П. Завадский, комиссар — М. Тетерин, общее количество бойцов 39 человек, вооружение — 6 ручных пулеметов, 25 винтовок);

— отряд № 3 (командир — Н. В. Смирнов, общее количество бойцов 51 человек, вооружение — 13 ручных пулеметов, 3 автомата, 32 винтовки, 3 обреза);

— отряд № 4 (командир — Лазорский, комиссар — С. И. Чебриков, общее количество бойцов 30 человек, вооружение — 1 станковый и 5 ручных пулеметов, 1 автомат, 23 винтовки);

— отряд № 5 (командир — Сатушко, комиссар — А. Андреев, общее количество бойцов 60 человек, вооружение — 6 ручных пулеметов, 2 автомата, 40 винтовок);

— группа подрывников (командир — М. Лушин, общее количество бойцов 20 человек, вооружение — 1 ручной пулемет, 13 винтовок);

— отряд «Быстрый» (командир Г. Г. Амельченко, комиссар — П. В. Алай).

Богушевская партизанская бригада (командир — П. И. Кириллов, комиссар — В. А. Манохин):

— 1-й отряд (командир — В. Н. Тарасов, комиссар — Н. Р. Митрофаненко);

— 3-й отряд (командир — А. М. Говядо, комиссар — П. П. Лиско);

— 4-й отряд (командир — И. И. Кржесинский, комиссар — И. С. Григорьев);

— 6-й отряд (командир — Б. Т. Горнак, комиссар — Е. Н. Прохоренко).

Бригада «Алексея» (командиры — А. Ф. Данукалов, комиссар — Т. В. Павловский):

— отряд «Моряк» (командир — М. В. Наумов, комиссар — Н. И. Шерстнев);

— отряд И. И. Гурьева (командир — И. И. Гурьев, комиссар — А. А. Иванов);

— отряд А. С. Гайдукова (командир — А. С. Гайдуков, комиссар — С. И. Гапонов);

— отряд им. Н. Н. Селиваненко (командир — В. А. Блохин, комиссар — Я. И. Старостин).

Бригада «Чекист» (командир — Г. А. Кирпич, комиссар — Ф. М. Седлецкий):

— 1-й отдельный отряд (командир — Г. С. Иванов, комиссар — П. И. Счеславский);

— 5-й отдельный отряд (командир — А. Ф. Симдянкин, комиссар — С. М. Ельканович);

— 10-й отдельный отряд (командир — А. С. Денисов, комиссар — Ф. А. Гришанов);

— 20-й отдельный отряд (командир — Б. Н. Колюшников, комиссар — Н. И. Масюров).

Бригада К. В. Зюкова (находилась в стадии формирования и состояла из двух небольших отрядов).

— отряд особого назначения НКВД СССР «Грозный» (командир — Ф. Ф. Озмитель);

— отдельный партизанский отряд (командир — Н. И. Талерко, комиссар — Е. Н. Мельников);

— отдельный партизанский отряд «Меч» (командир — К. А. Синяков, комиссар — Е. Е. Стрижаков);

— отдельный смоленский партизанский отряд (командир — М. В. Антоненков);

— отдельный отряд И. А. Яцины,

— 1-й отдельный отряд Смоленской бригады Н. В. Соколова[411].

16 августа 1942 г. в 7 часов утра боевая группа 286-й охранной дивизии перешла в наступление. Первые атаки немцев и коллаборационистов обрушились на партизанский плацдарм восточнее Богушевска. Ожесточенные бои разгорелись и на рубеже реки Ольшанка, вдоль правого берега которой держали оборону бригады К. С. Заслонова и К. В. Зюкова, отряды «Быстрый», «Меч», Н. И. Талерко, И. А. Яцины, Н. В. Соколова, Ф. Ф. Озмителя и М. В. Антоненкова. Над боевыми порядками партизан немецкая авиация разбрасывала листовки следующего содержания: *«Партизанен! Вы есть обмануты правителями Кремля. Красная Армия есть разбита. Вы есть окружены. Соппротивление не полезно. Бросайте оружие, убивайте комиссаров. Немецкий командование гарантирует вам жизнь и возвращение на родину после войны»*[412].

Наступая несколькими колоннами со стороны станции Шеховцы, Осинторфа, деревень Добромысль, Любавичи, охранные войска стремились зажать партизан в кольцо. Три дня «народные мстители» сдерживали натиск. К 20 августа германские части вышли на рубеж деревень Шеки — Петрики — Рудня — Горбово 1-е (восточнее деревни Барановичи), оттеснили партизан в Озерский лес и замкнули кольцо окружения[413].

По словам ветерана советских органов госбезопасности А. Казицкого, личный состав РННА использовался в боевых действиях. Немцы *«выставили впереди себя сотни солдат и офицеров из формирования „Зондерфенбанд“, которые гнали перед собой жителей окрестных деревень»*[414].

По всей видимости, подразделения «Граукопф» принимали участие и в сожжении деревень. Кромиади, правда, старается нивелировать этот эпизод. Он рассказывает, что во время операции была сожжена всего одна деревня, в которой полицейские (у Кромиади — эсэсовцы) расстреляли одну

учительницу за связь с «народными мстителями». Бойцы РННА, став свидетелями расправы, якобы хотели выступить против полиции, но майору Иванову удалось сдержать своих подчиненных[415].

Известно, что во время операции «Захват» было сожжено несколько деревень, убиты 800 мирных граждан, 600 человек отправлены на принудительные работы в Рейх. Кроме того, 286-й охранной дивизией после партизанского налета на станцию Славное была проведена акция «возмездия». Солдаты арестовали 100 человек, которых расстреляли на глазах у местных жителей. Но одного расстрела, видимо, показалось мало. Охранные войска сожгли дотла все деревни, расположенные справа и слева от железной дороги на протяжении от Орши до Борисова (среди них Ухвалы, Гаенку, Горожаново, Падры, Сомры, Ильяны, Черный Осов и др.)[416].

Не обошлось во время операции и без эксцессов: к партизанам перебежало несколько человек. Некоторые, однако, через пару дней вернулись обратно. В дневнике Шенкендорфа 23 августа 1942 г. отмечено: *«286-я охранная дивизия сообщила о прибытии перебежчика из опытного соединения „Граукопф“, который дал подробные сведения о местонахождении и численности бандитских групп, окруженных в ходе операции „Гриф“ (то есть — „Захват“. — Примеч. авт.). Согласно этим данным, основная масса сил противника находилась в районе озера Ордышево»*[417].

Германские войска усиливали натиск. При поддержке массированного огня артиллерии и бронепоезда, курсировавшего между станциями Шеховцы и Красное, немцам удалось прорвать оборону «народных мстителей» у озера Казенное. Партизанским формированиям пришлось вести ожесточенные бои и прорываться из окружения. Отдельным отрядам удалось просочиться сквозь боевые порядки противника в районе деревни Цегельня и двинуться на запад в направлении софиевского леса, откуда группы партизан под командованием Заслонова вышли в район озера Ордышево[418].

Во время кровопролитных боев в рядах «народных мстителей» имели место случаи дезертирства и трусости. А. В. Терентьев, принимавший участие в отражении экспедиции «Захват», упоминает один такой случай, произошедший в бригаде Заслонова:

«„Дядю Костю“ я нашел в центре обороны. Пришел, кажется, в неподходящий момент. На небольшой поляне, обрамленной мелким кустарником, Константин Сергеевич с маузером в руках „чистил“ человек 10 партизан, построенных в одну шеренгу. Ранее мне не приходилось встречаться с Заслоновым в боевой обстановке. Теперь увидел его в крайнем возбуждении. Он размахивал оружием и, подходя к каждому бойцу, гневно бросал:

— Трус и паникер!.. Кого испугался?

Оказывается, эти партизаны во время немецкой атаки бросили свои позиции. Теперь они стояли перед комбригом навтыжку, задрав головы. Мне подумалось, что в душе эти партизаны рады: „Дядя Костя“ ограничился лишь нотацией, резкой, но все же нотацией. А ведь имел право прибегнуть к самому суровому наказанию»[419].

На помощь Заслонову пришли отряды из бригады «Алексея». Ожесточенные бои разгорелись за Клевцы. Деревня дважды переходила из рук в руки. Отряды Г. В. Антоненко и М. В. Наумова целые сутки сдерживали немцев. Тяжелые бои шли между железной и шоссейной дорогами Витебск — Смоленск. Здесь оборонялись отряды И. И. Гурьева, В. А. Блохина и А. С. Гайдукова. Партизаны убили и ранили более 40 солдат и офицеров противника, однако остановить наступление не смогли. Положение ухудшалось. Части LIX корпуса вышли на шоссе Витебск — Орша, в результате чего возникла новая угроза окружения. Командиры партизанских бригад и отрядов приняли решение боя не принимать и прорываться за железную и шоссейную дороги Витебск — Орша. 1 сентября 1942 г. бригады Заслонова и Кириллова сосредоточились в адамовском лесу (в 10–15 км восточнее Сенно)[420].

3 сентября охранные войска начали наступление на рацевские леса, где дислоцировалась партизанская бригада «Чекист», действовавшая вдоль дороги Борисов — Орша. При поддержке танков и бронемашин немцы со стороны населенных пунктов Шклов и Круглое двинулись в северном направлении, прижимая бригаду к железной дороге на участке Толочин — Кохановичи. К исходу дня они овладели деревнями Староселье, Уланово, Дудаковичи. Партизаны попытались сковать противника боем у деревни Староселье. Но нехватка боеприпасов вынудила их отойти на север, в район деревни Ольховка. Здесь 4 сентября командование бригады решило двумя самостоятельными группами прорываться через шоссе и железную дорогу Минск — Орша. Несколько партизанских отрядов с боем преодолели железную дорогу, и вышли на территорию Лепельского района. Еще одна группа «народных мстителей» прорвалась в Крупский район[\[421\]](#).

Несмотря на значительные усилия, затраченные командованием охранных войск, операция «Захват» не привела к полному «умиротворению» западной части треугольника Смоленск — Витебск — Орша. Партизанские формирования, вышедшие из этого района в августе, в сентябре снова в него вернулись. Потери «народных мстителей» были меньше, чем в операции «Орел»: 498 человек убиты и 123 взяты в плен[\[422\]](#).

7 сентября 1942 г. севернее и северо-западнее Сенно началась операция № 33 «Рысь» (Luchs), которую проводили части 201-й охранной дивизии при поддержке коллаборационистских формирований (боевые группы фон Габеленца, Шредера, Ланге, а также 102-й казачий батальон И. Н. Кононова[\[423\]](#)). Командование антипартизанскими силами было возложено на генерал-майора Альфреда Якоби. Основная цель этих мероприятий заключалась в том, чтобы разгромить партизан, сумевших вырваться из окружения во время операции «Захват». В некоторых исследованиях встречается точка зрения, что к этой акции привлекались и подразделения «Граукопф», но документально подтвердить участие «народников» в операции «Рысь» не удалось[\[424\]](#).

От соединения «Седая голова» к 700-му полковому штабу

Со сменой командования РННА, которую возглавили В. Г. Баерский и Г. Н. Жиленков, использование русских коллаборационистов в боевых действиях сократилось, так как шло переформирование соединения. Тем не менее руководству бригады периодически отдавались приказы о выделении подразделений для ведения диверсионной и антипартизанской борьбы. К примеру, капитан М. И. Головинкин, командовавший осенью 1942 г. учебным батальоном, создал на его базе штурмовую группу (роту). Группа, переодетая в советскую униформу, провела две удачные операции в тактическом тылу советских войск, однако во время третьей операции разведывательно-диверсионная рота была почти полностью ликвидирована[\[425\]](#).

В сентябре — ноябре 1942 г. подразделения РННА, по-видимому, привлекались к зачисткам населенных пунктов. Бывший боец отдельного партизанского полка «13» В. Л. Тамаркин в своих мемуарах отмечает: *«Между железнодорожными станциями Орша — Красное есть станция Осинторф (такой станции нет, есть станция Осиновка. — Примеч. авт.). О ней до войны было мало что известно... В этом Осинторфе разместился вражеский гарнизон, в котором служили предатели Родины — бывшие военнопленные: русские, украинцы, белорусы. Осинторф в двенадцати километрах от Ляд. Оттуда чуть ли не каждый день появлялись на машинах или подводах эти предатели, которых называли сначала бойцами соединения „700“, а затем — „роасовцами“, солдатами Русской освободительной армии... Каждый день врывались в дома к евреям полицаи, а теперь еще и эти, выгоняли всех взрослых на работу, грабили, избивали, издевались, как могли»*[\[426\]](#).

Сообщение Тамаркина вызывает сомнение. В восточных районах Белоруссии, попавших в сферу деятельности военной администрации, почти все гетто прекратили свое существование осенью 1941 г. — весной 1942 г. Такая же картина наблюдалась в северо-западных и центральных областях РСФСР. Именно в указанный период СС и полиция провели наиболее масштабные расправы над евреями. Поэтому в конце 1942 г. — в начале 1943 г. в Оршанском районе евреев практически не оставалось. Над кем там могли издеваться военнослужащие РННА, не совсем ясно[\[427\]](#).

15 ноября 1942 г. экспериментальное соединение «Центр» было преобразовано в 700-й полковой штаб восточных войск особого назначения. На должность командующего восточными войсками и 700-го штаба был назначен полковник Юлиус Коретти[\[428\]](#), который строго выполнял указания, поступавшие от командования охранных войск группы армий «Центр». До того, как он принял должность, с 15 ноября до 2 декабря 1942 г. русскими подразделениями командовал полковник Грау. За это время личный состав РННА неоднократно привлекался к боевым действиям. Об одном таком эпизоде рассказал И. М. Грачев: *«В ноябре 1942 г. моя часть столкнулась с партизанами. Мы взяли в плен пять девушек, специально обученных диверсионному делу, мне удалось заполучить их документы и записи, из которых следовало, что они должны были уничтожить железнодорожную станцию»*[\[429\]](#).

21 ноября 1942 г. командование охранных войск провело совещание с командирами 700-го полкового штаба. В тот же день 286-я охранная дивизия передала под охрану русским формированиям район вокруг деревни Бабиновичи, в 30 км северо-восточнее Орши, как усмиренную территорию. Через четыре дня, 25 ноября, 286-й охранной дивизии подчинили один из батальонов РННА для проведения операции в районе населенного пункта Обольцы (северо-западнее Толочина)[\[430\]](#).

С началом декабря 1942 г. подразделения 700-го полкового штаба стали постоянно привлекать к

зачисткам. Собственного говоря, уже 2 декабря, когда полковник Коретти принял должность у полковника Грау (которого сняли за недостойное поведение: во время товарищеского ужина он оскорбил русских офицеров), был отдан приказ о боевом применении батальонов.

6 декабря Коретти доложил Шенкендорфу о вооруженном столкновении 634-го батальона с крупным партизанским отрядом возле деревни Шеки (8 км восточнее Осинторфа). Как видно из записей командующего охранными войсками, подразделение понесло большие потери, и ему потребовалось подкрепление[\[431\]](#).

Бои с партизанами личный состав РННА вел еще в течение трех суток, до 10 декабря 1942 г. По сообщениям, поступавшим из 700-го полкового штаба, обстановка постоянно менялась. Первоначально у Коретти сложилось впечатление, что против его части действуют советские десантники, но разведка, проведенная в ходе боя, опровергла эту информацию. Как можно дальше проследить по дневнику Шенкендорфа, ситуация обернулась для русских коллаборационистов в лучшую сторону. 8 декабря 1942 г. партизаны потеряли 50 человек убитыми, оставили деревню и отошли на северо-восток.

Более подробно о боевых действиях в районе населенного пункта Шеки Коретти доложил Шенкендорфу 9 декабря 1942 г., когда лично прибыл в Смоленск. Как командир 700-го полкового штаба, он подчеркнул, что солдаты 634-го батальона сражались отлично. При этом военнослужащие сами расстреляли одного из своих офицеров, когда тот предложил перейти к партизанам. Потери «народных мстителей» за три дня боев составили свыше 75 человек убитыми. Личный состав 634-го батальона потерял 9 человек убитыми и 14 ранеными. Шенкендорф, выслушав доклад Коретти, выразил военнослужащим подразделения свою признательность[\[432\]](#).

Пока 634-й батальон участвовал в боях в районе деревни Шеки, 633-й батальон предполагалось направить для боевого применения в составе 221-й охранной дивизии. Но 10 декабря 1942 г. командование дивизии, проведя проверку подразделения, отказалось принять батальон, так как он был плохо снаряжен[\[433\]](#).

Из дневника Шенкендорфа также становится известно, что подразделения 700-го полкового штаба в середине месяца вели бои с партизанами. В сообщении командования 286-й охранной дивизии от 17 декабря 1942 г. отмечалось: взвод 633-го и обоз 634-го батальонов, выбывшие 7 декабря из Могилева в Березино, не достигли цели назначения и бесследно исчезли. Коретти пришлось выехать в Березино и на месте разобраться в том, что случилось. Спустя три дня, 20 декабря, ситуация прояснилась. Оказалось, что взвод 633-го батальона вел бой с крупным партизанским отрядом севернее Березино — Червень, а обоз 634-го батальона направился по другой дороге — вместо Березино на Бобруйск. Во время движения на обоз совершили налет «народные мстители». Разоружив личный состав, партизаны заставили добровольцев присоединиться к ним. Бежать удалось только двум «народникам», которые, добравшись до Бобруйска, пришли в Восточный запасной полк «Центр»[\[434\]](#).

Коретти, находившийся в Березине, принял решение провести антипартизанскую операцию силами 633-го и 634-го батальонов. С 21 по 23 декабря русские добровольцы вели боевые действия в районе Березино — Червень. Разведка 700-го полкового штаба выяснила, что «народникам» противостоят партизаны из отряда Баранова (комиссар — И. П. Соколовский). Данный отряд (№ 120) входил в состав 3-й Березинской партизанской бригады (состояла из 120-го, 128-го, 130-го и 345-го отдельных партизанских отрядов, подчиненных Кличевскому оперативному центру) и дислоцировался в лесном лагере, южнее деревни Шабовка. В том же районе находилось еще несколько «бандитских» баз.

24 декабря 1942 г. обстановка обострилась. «Народные мстители» оказали упорное сопротивление, и Коретти запросил поддержки. На помощь ему выслали особый батальон СС «Дирлевангер», усиленный танково-разведывательной ротой (батальон Дирлевангера по приказу высшего фюрера СС и полиции в

Центральной России на время операции поступил в подчинение 286-й охранной дивизии). Однако известная карательная часть поначалу не очень-то помогла «народникам»: 634-й батальон потерял в бою 120 человек убитыми и 37 ранеными, и вдобавок ко всему при отходе попал под огонь 633-го батальона, принявшего его за партизан[435].

26 декабря 1942 г. Коретти передал сообщение в штаб группы армий «Центр» о проведении специальной акции и отдал приказ, в котором отмечалось:

«... В операции „Березино — Могилев“ принимают участие:

Батальон СС „Дирлевангер“ в составе 1-й немецкой и 2-х русских рот, 1 мотоциклетного взвода, 2-х разведывательных бронетранспортеров, а также I моторизованного батальона СС.

Подполковник Коровин с 633-м батальоном в составе штабной и 2-х охранных рот, 2-х разведывательных бронетранспортеров. 634-й батальон в составе штабной и 2-х охранных рот на санях.

Командир службы порядка Шевчук с 50 полицейскими, подчиненными I батальону (633-му).

12-я моторизованная рота восточных войск — резерв, остается в моем распоряжении.

3) 28.12 до 15.00 необходимо достичь исходного района, а именно:

Боевая группа 634 (II батальон) на санях — Руденка;

Боевая группа I батальона, усиленная за счет службы порядка, — Курганье;

Боевая группа „Дирлевангер“ — Березино;

12 рота — резервная, в Березино»[436].

Цель операции «Березино — Могилев» заключалась в том, чтобы в течение трех суток, с 28 по 30 декабря 1942 г., окружить партизанские формирования в районе деревень Колчба, Голынка и Шабовка, ворваться в «бандитские» лагеря, полностью их уничтожить, а затем возвратиться в пункты постоянной дислокации[437].

Операция, однако, не увенчалась успехом, хотя подразделения 700-го полкового штаба прилагали усилия, чтобы разбить партизан. Разведка, проведенная батальоном Дирлевангера (который поддерживал тесное взаимодействие с 634-м батальоном), выявила крупные «бандитские» формирования. Для уничтожения «бандитов» требовались значительные силы и средства, о чем было сообщено командованию охранных войск и руководству СС и полиции[438].

Исходя из представленных фактов, можно вести речь о том, что в конце 1942 г. произошло почти полное слияние РННА с охранными войсками группы армий «Центр», выразившееся в постоянном участии «народников» в антипартизанских акциях. В связи с этим утверждение Каштанова, что «к 1943 году между партизанами и РННА было немного боевых столкновений», не соответствует действительности[439].

Операция «Франц»

Для 700-го полкового штаба новый, 1943 год начался с привлечения его подразделений к масштабной операции «Франц» (Franz). Боевые действия должны были развернуться в Березинском, Осиповичском, Пуховичском и Червенском районах Минской области, где личный состав РННА вел бои с партизанами большую часть декабря 1942 г. Разведка СС, усиленно собиравшая информацию о численности «бандитов», отмечала, что в районе Пирунов Мост — Веселов — Гродзянка — Колейна расположены крупные силы партизан, численность которых оценивалась в пределах от 2 до 5 тыс. человек. В «бандитской» зоне не было ни мостов, ни нормальных дорог. Местное население либо воевало на стороне партизан, либо сотрудничало с ними. Отмечались случаи вступления в партизанские отряды евреев, использование «бандитами» немецкой униформы (вермахта, войск СС и полиции) для ведения разведки, совершения налетов на слабо укрепленные гарнизоны[440].

По согласованию, достигнутому между командованием охранных войск группы армий «Центр» и временно исполнявшим обязанности представителя рейхсфюрера СС по борьбе с бандитизмом бригадефюрером СС и генерал-майором полиции фон Готтбергом, было решено провести совместную операцию. В целях полного уничтожения партизан и ликвидации симпатизирующих им местных жителей, в тылу группы армий «Центр» было сформировано две оперативных группировки — боевые группы «Готтберг» и «Кучера». От 700-го штаба полковника Коретти выделялось два русских батальона. Подразделения поступали в подчинение боевой группы бригадефюрера СС Франца Кучеры (позже — фюрера СС и полиции Могилева)[441].

Боевая группа «Кучера» состояла из следующих частей и подразделений:

Штаб:

- начальник штаба — подполковник жандармерии Кельнер;
- начальник связи — капитан охранной полиции Шлехт, 112-я рота связи;
- заместитель командира боевой группы — подполковник охранной полиции Беддекер, 12-я полицейская танковая рота;
- адъютант — лейтенант охранной полиции Вайзе, комендант гарнизона СС и полиции Могилева;
- 1 писарь, 1 переводчик (отдел жандармерии, наблюдатель от высшего фюрера СС и полиции);
- 2 ординарца были выделены из 12-й полицейской танковой роты.

Оперативные силы:

- III батальон 2-го полицейского полка;
- 57-й батальон вспомогательной полиции;
- особый батальон СС «Дирлевангер»;
- командующий восточными войсками особого назначения — 700-й штаб с 633-м и 634-м батальонами (в документе подчеркивалось: *«Восточные батальоны носят русскую форму с русскими касками»*);
- батарея 56-го артиллерийского дивизиона охранной полиции (7,62 мм). Батареи были приданы 6 минных разградителей и 1 патрульный полицейский бронетранспортер из 12-й полицейской танковой роты;
- 4-я полицейская танковая рота;

- 12-я полицейская танковая рота (без бронетранспортера);
- 112-я рота связи;
- наведение мостов и разведку минных заграждений поручалось вести II саперному батальону.

Особые силы:

- каждому батальону придавалась особая команда СД и по одному военному корреспонденту СС из 9-го взвода[442].

План операции «Франц», согласно оперативному приказу Кучеры, сводился к тому, чтобы окружить главные силы партизан с севера (боевая группа «Кучера»), с юга и запада (боевая группа «Готтберг») и внезапным ударом уничтожить их. Разграничительная линия между боевыми группами «Кучера» и «Готтберг» проходила с востока на запад: Тешаша — дом лесничего, севернее Лядецкое — просека рядом с отметкой 171,1, на западе — направление Сенеполье — Горки — Комиссарский — Сад[443].

Батальонам Коретти, усиленным тремя бронетранспортерами, было приказано выдвинуться в район южнее населенного пункта Богушевичи. Своим правым флангом восточные войска должны были соприкоснуться с 57-м батальоном вспомогательной полиции (южнее дороги на Старые Речки, направление — до дома лесничего, отметка 162,9 — 800 м севернее Лядецкое), а левым флангом — примыкать к подразделениям боевой группы «Готтберг». Таким образом, русским батальонам предстояло взаимодействовать с частями СС и полиции[444].

Перед 633-м и 634-м батальонами стояла задача наступать от линии окружения «бандитской» зоны в юго-западном и западном направлении (шоссе Колейна на Гродянку) и, войдя в соприкосновение с соседним подразделением боевой группы «Готтберг», охватить партизанский лагерь с северо-востока, препятствуя при этом попыткам прорыва «народных мстителей» по лесу на восток[445].

112-я рота связи провела радиолинии с командного пункта боевой группы в особый батальон СС «Дирлевангер» и 700-й штаб. Кроме того, русские подразделения получили по одному отделению связи с ранцевыми радиостанциями из взвода связи III батальона 2-го полицейского полка[446].

Перед частями и подразделениями, участвующими в операции, была поставлена задача: уничтожать «бандитские» лагеря и убежища, ничего не оставляя врагу. При штабе Кучеры была сформирована специальная команда для сожжения всех населенных пунктов в районе боевых действий[447].

Партизанские силы, действовавшие в ходе операции «Франц», состояли из следующих бригад и отрядов:

1-я Осиповичская партизанская бригада (командир — Н. Ф. Королев, комиссар — А. В. Шиенок):

- 210-й партизанский отряд им. И. В. Сталина (командир — С. С. Сумченко, комиссар — В. В. Готов);
- 211-й партизанский отряд им. К. К. Рокоссовского (командир — Г. Н. Борозна, комиссар — Г. Я. Черепенко);

— 213-й партизанский отряд «За Советскую Белоруссию» (командир — В. Н. Волков, комиссар — Ф. У. Корунчиков);

— 309-й отряд им. С. М. Кирова (командир — М. П. Самсоник, комиссар — С. П. Багров).

161-я бригада им. Г. И. Котовского (командир — А. С. Шашура, комиссар — А. И. Кудашев):

- отряд им. Ф. Э. Дзержинского (командир — Ф. М. Анисимов, комиссар — М. С. Полонейчик);
- отряд им. А. Я. Пархоменко (командир — Ф. Н. Голоцван, комиссар — Ф. А. Козеев);
- отряд им. А. С. Шашуры (командир — Р. П. Светозаров, комиссар — В. Г. Лабзин).

Бригада «За Родину» (командир — А. К. Флегонтов).

Бригада «Пламя».

Отдельные партизанские формирования:

— 752-й партизанский отряд (командир — В. И. Ливенцев, комиссар — Д. А. Лепешкин);

— партизанский отряд им. И. В. Сталина (командир — В. А. Тихомиров, комиссар — И. А. Теплинский)[\[448\]](#).

Немцы начали наступление 6 января 1943 г. Действия охранных войск, частей СС и полиции, разумеется, застали партизан врасплох, так как никто не ожидал, что окружение будет столь стремительным. Ливенцев, командир 752-го отряда, вспоминал:

«Блокада началась неожиданно. В одном из боев от нас сбежал изменник по фамилии Иванов, который сообщил гитлеровцам о расположении отряда. Пришлось оставить гостеприимную деревню Осовок. 6 января в три часа ночи сквозь пургу отряд двинулся к деревне Лозовая, но разместиться в ней мы так и не успели — в 7 часов утра со стороны Каменич послышалась частая ружейно-пулеметная перестрелка. Высланная разведка донесла, что усиленный батальон оккупантов и предателей занял деревню Каменичи, выбив оттуда охранную группу Короля (прозвище командира 1-й Осиповичской партизанской бригады, Героя Советского Союза Н. Ф. Королева. — Примеч. авт.) ... События развивались настолько быстро, что самые срочные и решительные меры, предпринятые отрядами, чтобы избежать окружения, не дали нужных результатов.

Мелкие стычки, которые начались седьмого января, на следующий день превратились уже в серьезные бои за рабочий поселок Гродянка, за деревни Каменичи, Погорелое, Лочин и другие населенные пункты, находившиеся на границе основного массива леса.

В ночь на 9 января северная и южная группировки противника полностью замкнули кольцо окружения с запада»[\[449\]](#).

10 января оккупанты перешли к сжатию кольца окружения. У партизан почти не оставалось выхода, за исключением небольшого перешейка в заболоченном лесу между поселками Трехгранный Дуб и Лядецкое. Именно туда и устремились отряды «народных мстителей», чтобы избежать полного уничтожения. Партизанам приходилось отбиваться; маневрировать не было возможности, поскольку личный состав продвигался по целине, по пояс в снегу[\[450\]](#).

11 января Коретти (его командный пункт располагался в деревне Старые Речки) отдал приказ о проведении зачистки района. В приказе он отмечал:

«Банды противника на лесной территории вокруг Гродянки и Маковье уничтожены либо рассеяны.

Потери противника в настоящее время составляют около 1000 убитых бандитов и 400 подозреваемых в связях с бандами. Были захвачены: 3 орудия, большое количество оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, около 100 лошадей с седлами и 80 саней.

Боевая группа „Север“ (она же — боевая группа „Кучера“. — Примеч. авт.) удерживает район, который граничит:

на востоке — с рекой Березиной,

на севере — с шоссе Березино — Червень,

на западе — с рекой Свислочь,

на юге — с прежней разграничительной линией боевой группы „Готтберг“ или с рекой Свислочь.

Зачистка этой области начнется 12.1. в 3 часа дня по частям — с юга на север»[\[451\]](#).

633-й и 634-й батальоны осуществляли прочесывание местности совместно с 57-м батальоном вспомогательной полиции, особым батальоном СС «Дирлевангер» и I батальоном 24-го полицейского полка (боевая группа «Готтберг»). Помимо этого, части и подразделения должны были помогать (на основании приказа Кучеры от 10 января 1943 г.) районным уполномоченным в захвате скота, урожая и рабочей силы. Для охраны районных уполномоченных из каждого подразделения выделялась команда. Действиями этих чиновников руководил интендант штаба боевой группы «Кучера» доктор Борхес, управлявший своими подчиненными из населенного пункта Хутор[\[452\]](#).

Казненные советские партизаны

Захват рабочей силы проводился в соответствии со специальными указаниями, требовавшими брать всех без исключения работоспособных мужчин в возрасте от 16 до 45 лет, а также незамужних женщин от 16 до 30 лет. Трудовые резервы следовало собирать в лагерях, находившихся при частях, а затем отправлять в общий лагерь в Березино. Всех, заподозренных в связях с «бандами», следовало отвозить в ближайшие дулаги и шталаги, а «бандитские» лагеря — разрушить (так, был полностью разрушен лагерь бригады «За Родину» А. К. Флегонтова)[\[453\]](#).

Несмотря на крайне тяжелую ситуацию, партизанам удалось все же вырваться из окружения и

оторваться от преследования эсэсовских частей. Насколько позволяли силы и возможности, «народные мстители» вывели вместе с собой и группы местного населения, примкнувшего к ним в ходе боевых действий. Однако уцелеть посчастливилось немногим: с 12 по 18 января 1943 г., когда проводилась зачистка партизанской зоны, боевые команды полиции, СС и коллаборационистов сожгли более 20 населенных пунктов (среди них — Осовок, Каменичи, Гродянка, Веселово, Погорелое, Брицаловичи, Трехгранный Дуб, Сыч, Тадуличи, Маковье и др.) и расстреляли свыше 2890 человек. Причем в «усмирительных» акциях участвовал и личный состав 700-го полкового штаба. В частности, 633-й батальон подполковника Коровина зачистил деревню Тадуличи[\[454\]](#).

Результаты операции «Франц», завершившейся 18 января 1943 г., показывают, что она, с точки зрения германского командования, оказалась самой эффективной из всех акций, проводившихся в этот период. Более 1000 «народных мстителей» удалось уничтожить, около 3000 человек подверглись «специальной обработке», примерно 1000 мужчин и женщин были отправлены в Германию, захвачено 60 тонн зерна[\[455\]](#).

Дальнейшая служебно-боевая и диверсионная деятельность 700-го полкового штаба

После операции «Франц» значительная часть подразделений 700-го полкового штаба дислоцировалась в Березино. В Осинторфе, по словам Грачева, оставались учебный и штабной батальоны, артиллерийский дивизион и несколько подразделений тылового обеспечения. После 23 февраля 1943 г., когда произошел очередной переход на сторону партизан, всех «народников» перевели в Березино[456].

Подчиненные Коретти продолжали привлекаться к антипартизанским операциям. По сведениям подпольщиков, разлагавших русские батальоны, в марте 1943 г. подразделения 700-го штаба участвовали в борьбе с «народными мстителями» в районе Березино — Червень (возможно, речь идет об операции «Весна» — Frühling)[457].

Весной — в начале лета 1943 г. батальоны Коретти распределили по разным гарнизонам тылового района группы армий «Центр». Подразделения несли охранную службу. 634-й батальон действовал в треугольнике Полоцк — Невель — Витебск (зона ответственности 201-й охранной дивизии), 633-й батальон выполнял охранные функции в районе Бегомля (территория генерального округа «Вайсрутения»), 635-й — в районе Минска (генеральный округ «Вайсрутения») и 637-й — в районе Березино (зона ответственности 286-й охранной дивизии)[458].

В опросе Каштанова встречается утверждение, что в период весны — осени 1943 г. «народники» редко воевали против партизан. При этом он, правда, приводит эпизод, связанный с расстрелом французскими добровольцами жителей деревни Красное во время крупной операции «Весенний хоровод» (Frühlingsreigen, май — июнь 1943 г.), к которой привлекали 634-й батальон[459]. Однако известно, что подразделения 700-го штаба периодически участвовали в антипартизанских акциях. Так, 633-й батальон в мае — июне 1943 г. боролся с партизанами в ходе операции «Коттбус» (Kottbus)[460].

Каштанов также отмечал, что партизанское командование не хотело воевать против русских, находившихся с другой стороны, так как это деморализовывало рядовых партизан, не готовых осознать, что их врагом могут быть не только немцы, но и русские[461]. Но и это заявление сомнительно. Партизаны и чекисты (за исключением случаев, когда готовился переход к «народным мстителям») беспощадно уничтожали коллаборационистов, в том числе бойцов 700-го штаба. К примеру, в докладной записке НКГБ СССР (от 6 ноября 1943 г.), в которой обобщались результаты диверсионной деятельности спецгруппы НКВД в немецком тылу в сентябре — октябре 1943 г., отмечалось:

«Оперативной группой, действующей в Могилевской области БССР, 6 сентября сего года на шоссе Могилев — Минск между деревнями Пороходница и Корытница проведено нападение на колонну немцев и роту 633-го батальона „Русской освободительной армии“.

В результате происшедшего боя группой уничтожено до 60 солдат противника, захвачены 45-миллиметровая пушка, радиостанция и несколько винтовок»[462].

Документы советских органов госбезопасности также свидетельствуют об отборе и подготовке из числа личного состава 700-го полкового штаба кадров для выполнения диверсионных и разведывательных задач[463].

Конечно, по сравнению с первой половиной 1942 г., когда деятельность соединения «Граукопф» была тесно связана с выполнением заданий абвера, зимой — весной 1943 г. ситуация с отбором кандидатов претерпела серьезные изменения. По-видимому, германской разведкой отбиралось незначительное

количество солдат и офицеров, а сам отбор, вероятно, проходил только с согласия командования охранных войск группы армий «Центр». И, тем не менее, в докладных записках НКВД, относящихся уже к весне 1943 г., встречается информация о заброске агентуры из «народников» в советский тыл. В сообщении 4-го управления НКГБ от 12 мая 1943 г. отмечалось: «... Группой задержаны и отправлены в распоряжение Четвертого управления пять солдат РНА и пойман агент-разведчик РНА — Платуновский, который был передан в Особый отдел 43-й армии (приговорен к расстрелу)»[\[464\]](#).

В ноябре 1943 г. 633-й, 634-й, 635-й и 636-й батальоны по указанию немецкого командования были переброшены во Францию (637-й батальон еще летом 1943 г. передали в распоряжение 3-й танковой армии вермахта, и не позднее августа он был расформирован). Подразделения Коретти находились в составе 7-й армии группы «В» и выполняли охранные функции. В последующем русские батальоны принимали участие в боях за «Атлантический вал», и сражались в составе германских гарнизонов[\[465\]](#).

Таким образом, за время своего существования РННА неоднократно привлекалась к разведывательно-диверсионной и антипартизанской деятельности. Успех в действиях «народников» зависел от того, насколько конструктивным и тесным было взаимодействие между немецким и русским командованием соединения и насколько благоприятным был психологический климат внутри батальонов. В целом уровень боевой подготовки добровольцев был не выше среднего, что, однако, не мешало германской стороне активно использовать коллаборационистов.

Заметной роли в антипартизанских акциях «народники» не играли, поэтому они являлись в некотором роде пассивными участниками этих мероприятий, но, конечно, не настолько, чтобы бездействовать совсем. В операциях «Орел», «Захват» и «Франц» подразделения «Граукопф» проявили себя вполне положительно и рассматривались как перспективные формирования.

В рамках разведывательно-диверсионной работы соединение «Седая голова» (позднее — «Центр» и 700-й полковой штаб) серьезных результатов не добились, кроме, пожалуй, операции «Ганновер», когда действия РННА оказались полезными для вермахта. В дальнейшем абвер перешел к стандартному отбору кандидатов для выполнения особых заданий. Бывшие красноармейцы, подготовленные в Осинторфе, по степени своей выучки несколько отличались от военнопленных, прошедших обучение в немецких разведшколах, но задачи, стоявшие перед ними, в основном, были идентичными.

Тем не менее специфика в РННА все-таки присутствовала: это было соединение, которое постоянно находилось в стадии реорганизации. Русские коллаборационисты, одновременно выполнявшие задачи германской военной разведки и охранных войск, стали заложниками весьма сложного и неоднозначного процесса, оказывавшего влияние на все сферы их деятельности, включая и боевое применение.

Глава пятая. Разложение РННА советскими подпольщиками и партизанами

Переходы на сторону «народных мстителей» в 1942 г.

Вопрос о разложении восточных формирований, появившихся в тылу группы армий «Центр» еще осенью 1941 г., первоначально перед партизанами не стоял. Согласно директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным организациям прифронтовой полосы о решительной перестройке всей работы на военный лад (от 29 июня 1941 г.), в районах, захваченных вермахтом, следовало *«создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу...»*[\[466\]](#).

Указанная позиция де-факто в течение всего первого года войны определяла отношение «народных мстителей» к различным группам коллаборационистов (бойцам охранных и добровольческих частей, сотрудникам гражданской администрации, полиции и др. оккупационных структур). В то же время в некоторых регионах РСФСР в первой половине 1942 г. имели место случаи, когда советские патриоты, сумевшие проникнуть в органы местного самоуправления, склоняли к переходу на сторону партизан целые подразделения вспомогательной полиции (в качестве примера можно привести эпизод с разложением гарнизонов деревень Тарасовка и Шемякино в мае 1942 г.)[\[467\]](#).

Подразделение РННА. Осинторф. 1942 г.

Но акции подобного рода касались полицейских, как правило, не отличавшихся высоким моральным духом. Иначе обстояло дело с частями восточных добровольцев. В сообщении командующего корпусом охранных войск группы армий «Центр» генерала Шенкендорфа от 5 августа 1942 г. прямо говорилось: *«Усилия партизан переманить служащих русских формирований на свою сторону начались с первых дней создания этих частей (Шенкендорф имел в виду Восточный запасной полк „Центр“, чье формирование завершилось в июне 1942 г., и 102-й казачий батальон. — Примеч. авт.). До сих пор они не имели успеха...»*^[468]

Усиленная работа по разложению добровольческих частей началась с лета 1942 г. Именно в это время советское руководство окончательно осознало, какую опасность представляют создаваемые немцами формирования из бывших советских военнопленных. При соответствующих военно-политических условиях они могли быть мощным оружием в борьбе за умы и настроения людей на оккупированной

территории[469].

Разумеется, Русская национальная народная армия практически сразу попала в поле зрения подпольщиков и партизан. Уже в мае 1942 г. бюро Витебского обкома КП(б) Б поручило райкомам партии, командованию партизанских отрядов и комсомольских групп всеми способами срывать создание подразделений РННА, разлагать их, агитировать бывших красноармейцев к переходу в ряды «народных мстителей»[470].

Однако первые попытки внести раскол в батальоны «народников» окончились ничем. Начальник БШПД Калинин поручил сотрудникам своего штаба продолжать сбор и обобщение разведывательной информации об участниках «осинторфского» эксперимента, и искать подходы для разложения коллаборационистских подразделений[471].

Партизанское командование Белоруссии привлекло к операции подпольную организацию Осинторфа, которую мы уже упоминали выше. Напомним, что возглавлял ее секретарь комсомольского комитета Станислав Шмуглевский. В организацию входили: П. Климович, братья Теленченко, В. Огурцов, Н. Молохович, Н. Климович, А. Молохович, Г. Третьяков, Людмила и Вера Букатик, М. Макаренко, В. Бугаева, В. Янович, В. Березовский, Н. Прокопенко, Е. Недосенко и др. К лету 1942 г. молодые подпольщики уже успели зарекомендовать себя и даже понесли некоторые потери: сотрудникам тайной полевой полиции удалось, например, вычислить и задержать братьев Михаила и Евгения Теленченко. Их некоторое время истязали и 20 сентября 1941 г. казнили[472].

Тем не менее, организация С. Шмуглевского уцелела и продолжила работу, поддерживая связь с местным партизанским отрядом, которым командовал директор торфопредприятия Г. Г. Амельченко. В лесу близ Осинторфа находилась база отряда, где скрывались советские активисты. По указанию Амельченко группа юношей в составе А. Малаховича, В. Огурцова и Г. Третьякова в начале января 1942 г. сожгла торфонасосный кран, четыре электромотора и другое оборудование на заводе. 24 февраля 1942 г. молодые патриоты организовали побег 31 военнопленного из лагеря, который располагался в 4-м поселке. Комсомольцы переправили бежавших через железную дорогу, а потом в лес, где было спрятано оружие. Вооружившись, эта группа влилась в отряд Амельченко[473].

На некоторое время в Осинторфе установилось затишье, пока в марте 1942 г. в поселке не появилась группа офицеров, носивших, как отмечали подпольщики, какую-то *«неопределенную военную форму»* и почти без акцента говоривших по-немецки. Недели через две удалось установить фамилии некоторых загадочных визитеров, а еще какое-то время спустя по Осинторфу поползли слухи: *«...фашисты прислали белогвардейских офицеров формировать из военнопленных „русскую национальную армию“»*[474].

Подразделение РННА во время занятия строевой подготовкой

Со слов Шмуглевского получается, что начать работу по разложению РННА принял комсомольский штаб, обсудивший положение в Осинторфе. К такому решению подпольщиков якобы подтолкнуло одно обстоятельство: среди бывших военнопленных было немало тех, кто откровенно проклинал фашистов, свое незавидное положение и искал связи с партизанами [\[475\]](#).

На наш взгляд, весьма сомнительно, чтобы кто-то из военнопленных откровенно проклинал немцев. Внутри подразделений действовали осведомители, постоянно информировавшие штаб РННА о настроениях среди «новобранцев». В первое время, кроме того, вчерашние военнопленные просто восстанавливали физические силы, подорванные в пересыльных лагерях. Вполне вероятно, что кто-то из них мечтал связаться с «народными мстителями», но весной 1942 г. такая возможность объективно отсутствовала. Формирование «Граукопф» являлось секретным разведывательно-диверсионным соединением, и порядки в нем были соответствующие: строгая дисциплина, контроль личного состава,

проверки на благонадежность, психологическая обработка и т. д.

К разложению «народников» подпольщики смогли приступить не раньше июня 1942 г. Именно в этот период соединение передали в оперативное подчинение генералу фон Шенкендорфу, а в Осинторфе начался процесс формирования новых батальонов. Эти изменения не остались незамеченными со стороны комсомольцев.

Узнав о приказе штаба «народников», что в гарнизоны проводится набор поваров, официанток, уборщиц, прачек и телефонисток, Шмуглевский и его заместитель Е. Р. Вильсовский (бывший политрук, примкнувший к подпольщикам осенью 1941 г.) посоветовали девушкам, состоявшим в организации, устроиться на работу. В результате Людмила Букатик стала телефонисткой в Центральном поселке Осинторфа, Валентина Бугаева — официанткой в солдатской столовой, Наталья Нольберт — прачкой, Вера Букатик — регистратором в амбулатории. Девушек тщательно проверяли, допрашивали, но все-таки приняли. Теперь подпольщики (ранее заводившие с «народниками» только случайные разговоры — на улице, на танцах) получили возможность узнать о личном составе РННА гораздо больше, чем прежде^[476].

Однако, несмотря на проникновение агентуры в Осинторф, работа по разложению шла медленно. Сказывалось, по всей видимости, отсутствие у комсомольцев жизненного опыта, знания человеческой психологии. До второй половины июля 1942 г. вся деятельность подпольщиков сводилась к знакомству с «народниками», желавшими перейти на советскую сторону, а также к распространению агиток. Летом 1942 г. Витебский обком КП(б) Б подготовил листовку «Опомнитесь и вернитесь», адресованную бойцам и командирам РННА. Листовка призывала повернуть оружие против немцев и одновременно предупреждала, что того, кто будет служить фашистам, ждет неминуемое возмездие^[477].

Засылка пропагандистских материалов, конечно же, сделала свое дело, но сначала ее роль была незначительной. К тому же руководство РННА, почувствовав внимание партизан к соединению «Граукопф», стало проводить контрпропаганду и направлять в лес агентов и провокаторов, перевербованных «народных мстителей», взятых в плен во время локальных операций. Обстановка потребовала, чтобы к разложению коллаборационистов подключились представители советских спецслужб, так как партийные и комсомольские органы не сумели кардинально повлиять на ситуацию^[478].

В июле 1942 г. организации Шмуглевского улыбнулась удача — подпольщикам удалось установить контакт (в лесу, возле деревни Шеки) с партизанской бригадой «Дяди Кости», которой командовал Константин Заслонов. К слову сказать, Заслонов по личной инициативе был направлен в разведывательно-диверсионную школу Западного фронта (часть № 9903, командир — Артур Спрогис), готовившую по заданию Разведывательного управления Генерального штаба РККА диверсионно-террористические группы. Пройдя ускоренный курс подготовки, в октябре 1941 г. он был направлен в город Оршу. Легализовавшись, Заслонов поступил на работу в депо в качестве начальника русских паровозных бригад. Здесь он создал подпольную группу, которая за три месяца произвела с помощью мин, заделанных в угольные брикеты, около сотни крушений поездов и подорвала 93 паровоза. Ввиду угрозы ареста в конце февраля 1942 г. Заслонов ушел с подпольщиками в лес, где создал партизанский отряд, выросший затем в бригаду. К середине июля 1942 г. соединение «Дяди Кости» убило и ранило 1465 немецких солдат и офицеров, уничтожило 31 автомашину, убило 175 полицейских, пустило под откос 12 воинских эшелонов, вывело из строя 116 паровозов^[479].

Белорусские партизаны во время боевой операции

Познакомившись с руководителем осинторфского подполья, Заслонов поставил перед комсомольцами задачу: усилить работу по разложению гарнизонов РННА, собирать сведения о численности немецких войск и их передвижении, учитывать характер грузов и количество эшелонов, проходивших по железной дороге Орша — Смоленск. Выполняя задание Заслонова, Валентина Бугаева, работавшая в солдатской столовой, познакомилась с бывшим старшим лейтенантом РККА, капитаном РННА Яковом Гавриловичем Лебедем (псевдоним — Базыкин). Из личного разговора с Лебедем Бугаева выяснила, что он был тяжело ранен в бою под Брестом, попал в плен. В РННА Лебедь согласился пойти с единственной целью: вырваться из лагеря, получить в руки оружие и снова начать борьбу против оккупантов[\[480\]](#). Лебедь уже давно искал связи с партизанами и передал через осинторфских подпольщиков, что внутри соединения «Граукопф» есть солдаты, не желающие больше служить немцам. Заслонов поручил проверить офицера-«народника», дав ему задание составить подробный план гарнизона в Осинторфе с указанием системы расположения опорных пунктов и огневых позиций. Лебедь выполнил это задание (кроме того, передал фамилии надежных солдат и офицеров, ежедневно сообщал пароль). Тогда ему приказали подготовить как можно больше военнослужащих РННА к переходу[\[481\]](#).

Солдаты вермахта прочесывают местность

Вскоре подпольщики сообщили, что в гарнизоне «Москва», где служил Лебедь, набралось более ста человек. Учитывая это, штаб бригады Заслонова разработал план нападения на гарнизон. В этой операции большая роль отводилась группе Лебеда. Она должна была обезоружить колеблющихся и вместе с подпольщиками помочь партизанам захватить склады с оружием и боеприпасами. Однако за несколько дней до начала операции Заслонов ее отменил. Рота Лебеда легально не могла проникнуть в гарнизон «Урал». Появление там вооруженного подразделения в ночное время, да еще без соответствующего приказа штаба РННА, могло вызвать подозрение и подвергнуть саму операцию и десятки людей

смертельному риску.

Заслонов захотел лично встретиться с Лебедем, который получил от него записку. Сохранился текст этого документа, но, к сожалению, не полностью:

«По имеющимся у меня данным... которыми я располагаю по донесениям моей разведки, Вы... как настоящий патриот Страны Советов пытаетесь связаться с нами... и свое патриотическое настроение... связать с нашими боевыми действиями... Вы прекрасно знаете и понимаете... Вас агитировать не следует, т. к. Вы полноценно грамотный товарищ... Что нашего строя никому не свергнуть...

Дорогой товарищ! Близится гибель фашизма.... Я прошу в любое время, удобное для Вас, явиться ко мне для устных переговоров. Заверяю Вас и даю честное слово партизан, идите абсолютно спокойно, не беспокойтесь за последствия. Никто Вас и пальцем не тронет, не спадет с Вас ни одного волоса... И будет ли справедливо, если мы, советские люди, будем друг друга уничтожать, когда у нас есть общий проклятый враг?! Время встречи, место встречи устанавливайте Вы. Я благосклонно полагаюсь на Вашу честность и справедливость... Прошу встретиться, очень хочется встретиться и нужно.

С приветом, комбриг Заслонов»[\[482\]](#).

Лебедь, уйдя в самовольную отлучку, побывал в бригаде «Дяди Кости». Из соединения Заслонова он возвратился в Осинторф радостный и возбужденный. На следующее утро капитан попросил направить его роту в лес на заготовку дров. Его просьба не вызвала подозрения у командования РННА: этим занимались поочередно все подразделения. 117 вооруженных «народников», прихвативших с собой 50 ручных пулеметов, заранее спрятанных в кустах, ушли в лес. Шмуглевский встретил роту Лебеда недалеко от Сухой гряды и вывел в направлении деревни Озера. Прибывших «народников» построили, и Заслонов обратился к ним с небольшой речью, призвав до последней капли крови сражаться с врагом[\[483\]](#).

Окрыленная первой удачей, организация Шмуглевского усилила антифашистскую пропаганду среди личного состава РННА. Через бывших военнопленных распространялись листовки и газеты, велась агитация. По оценкам партизанской разведки, 25–30 % бойцов и командиров РННА были настроены просоветски и ожидали удобного случая для перехода к «народным мстителям»; 30–45 % — верили в идеи Русского освободительного движения и в победу немцев, многие из них относились к категории пострадавших от советской власти; и, наконец, оставшиеся 30–40 % составляли группу колеблющихся военнослужащих, которых служба в «Граукопфе» привлекала возможностью более легкого существования, нежели в пересыльных лагерях[\[484\]](#).

Параллельно с бригадой Заслонова разложением «народников» занимался особый отряд НКВД СССР «Грозный» лейтенанта Ф. Ф. Озмителя. Как видно из секретных документов Народного комиссариата внутренних дел, а также воспоминаний ветеранов советских органов госбезопасности, отряд «Грозный», действовавший в тесном контакте с оперативно-чекистской группой НКВД по БССР, приступил к разложению РННА во второй половине июля 1942 г. Чекисты попытались установить контакт с русскими добровольцами при следующих обстоятельствах.

Вдоль опушки Щербинского лесничества располагались деревни Новая Земля и Гичи. С южных окраин этих деревень в районе железнодорожного разъезда Шуховцы хорошо просматривались автомагистраль Москва — Минск и железная дорога Орша — Смоленск. Именно здесь партизаны чаще всего устраивали засады. Чтобы пресечь партизанские налеты и подрывы воинских эшелонов, в этот район была направлена 1-я рота из гарнизона «Москва», которой командовал некто Григорьев. Озмитель, проведя совещание с

командирами партизанских отрядов Никандром Талерко и Николаем Соколовым, принял решение склонить роту РННА на переход. Через жителей деревни Новая Земля Григорьеву передали записку с предложением о бесконтактном способе связи и условиях перехода роты к партизанам[485].

Встреча была назначена на двенадцать часов дня. Чекисты прибыли к месту переговоров заранее, заняли позиции на случай боя. В назначенный час партизанские парламентарии просигналили о начале переговоров. Но как только они подали условный сигнал, по ним был открыт огонь из пулеметов и минометов. Завязался бой, и в результате переговоры не состоялись. Как позже установили чекисты, Григорьев оказался морально стойким командиром «народников». Получив записку Озмителя, он ее сразу отправил в штаб РННА и в дальнейшем действовал строго по плану руководителей «Граукопф», отдавших приказ подготовить засаду и уничтожить партизан. Тем не менее, опасаясь, что подразделение Григорьева окажется неустойчивым, «народников» отозвали в Осинторф, а вместо них прислали 3-ю роту I батальона гарнизона «Москва», которой командовал бывший старший лейтенант РККА Н. П. Максютин. В качестве контрпропагандистской акции в районе действия особого отряда НКВД Озмителя с самолетов были разбросаны листовки, озаглавленные «Нашим лесным братья!», где содержался призыв прекратить вооруженное сопротивление и переходить на сторону РННА для совместной борьбы против большевизма[486].

Неудача не огорчила чекистов. Они стали искать новые способы, как разложить «народников». Во-первых, партизанские командиры подготовили ответную листовку (в ней, в частности, говорилось: *«Совершенно напрасно вы тратите бумагу, призывая нас сложить оружие и суля райское житье под игом иноземцев-захватчиков»*), которую тайком переправили в 3-ю роту I батальона. И, во-вторых, при помощи оперативно-чекистской группы НКВД по БССР к операции подключили двух женщин-агентов «Софью» и «Валю» (их настоящие имена и фамилии до сих пор неизвестны). Как следует из сообщений, агенты повели обработку Максютину, и особенно в этом преуспела «Валя», склонившая командира роты к переговорам с партизанами[487].

10 августа 1942 г. в деревне Марково (Руднянский район Смоленской области) неожиданно появились два военнослужащих РННА — офицер и солдат. Партизаны привели «народников» в штаб к Озмителю, где состоялся малоприятный разговор. После этого делегатов из 3-й роты I батальона отпустили обратно, снабдив их листовкой, где вновь предлагалось перейти к партизанам.

На следующий день, 11 августа, 3-я рота в полном составе покинула опорный пункт в деревне Новая Земля и якобы вышла в лес для организации засады. Погрузив на подводы 12 пулеметов, три миномета, боеприпасы, радиостанцию, продовольствие и другое имущество, подразделение выдвинулось в район населенного пункта Марково. Вечером того же дня перебежчики достигли деревни. Максютин, как вспоминает ветеран КГБ А. Казицкий, выстроил солдат, приложил руку к козырьку и отпартовал Озмителю:

«Товарищ командир! Солдаты и офицеры третьей роты первого батальона гарнизона „Москва“ из „Русской народной национальной армии“ прибыли в ваше распоряжение. Докладывает старший лейтенант Максютин Михаил Андреевич (так в тексте, правильно — Николай Петрович. — Примеч. авт.).

Федор Озмитель внимательно обошел строй. Затем, обращаясь к Максютину, жестко ответил:

— Вам я не товарищ. Вот скоро предстоят бои с карателями (имелась в виду операция „Захват“. — Прим. авт.). Сможете кровью искупить свою вину перед Родиной. Тогда не только товарищами, может, и друзьями станем (разумеется, ни о какой дружбе между офицером госбезопасности и бывшим коллаборационистом речи не могло быть. — Примеч. авт.). Это полностью относится и к солдатам, перешедшим с вами на сторону партизан. Что касается оружия, то оно останется при вас»[488].

В документах НКВД встречается информация о том, сколько военнослужащих перешло вместе с Максютиным. По одним данным, 80 человек, по другим — 90[489].

Агент «Валя» также установила контакт с лейтенантом РННА Семеновым, сообщившим ей, что среди «народников» есть еще желающие уйти к партизанам. По словам Семенова, к переходу были готовы около 500 человек. Чекисты дали офицеру задание: взорвать склад с боеприпасами, перебить руководство РННА и находившихся в штабе немцев, после чего собрать верных людей и выйти в лес. Но через несколько дней к «народным мстителям» пришел перебежчик, рассказавший, что немцы выявили в Осинторфе антифашистскую группу, расстреляли двух офицеров (капитана и старшего лейтенанта, фамилии остались неизвестны). Переход был сорван. Чекисты отмечали, что, возможно, лейтенант Семенов — провокатор и агент германских спецслужб, специально внедренный в антифашистскую группу[490].

Кроме подразделений Лебедея и Максютина, 6 августа на сторону партизан перешел взвод «народников», между 12 и 15 августа — разведывательная рота старшего лейтенанта А. Князева (о нем будет сказано ниже). Помимо этого, как пишет Кромиади, готовился переход и в гарнизоне Шклова, но он не состоялся[491].

Таким образом, в первой половине августа 1942 г., по оценкам специалистов, на сторону партизан перешло не менее 200 человек[492].

В записках бывшего секретаря подпольного райкома КП(б) Б Витебской области А. К. Стельмаха зафиксированы другие данные: *«Руководство партизанского соединения и райком партии решили организовать связь с командирами гарнизонов РННА с тем, чтобы привлечь их на свою сторону... В результате переговоров 10 августа снялись одновременно 5 гарнизонов РННА из деревень Новая Земля, Гичи, Рудня, Петрики и перешли на сторону партизан. Всего в наше соединение прибыло 236 солдат и офицеров из РННА и 78 полицейских. Они принесли с собой 5 минометов, 300 мин, 10 пулеметов, автоматы, винтовки, много боеприпасов»*[493].

К. Заслонов

На наш взгляд, к партизанам перешло более 200 «народников». Цифры, которые приводят в своей книге Жилинин, Позняков и Лузгин (свыше 600 солдат и офицеров РННА^[494]), далеки от реальности. Хотя процесс разложения принял немалые размеры, все-таки он не охватил всего соединения.

Переход к партизанам нескольких подразделений «Граукопф» явился одной из причин, почему представителей русской эмиграции отстранили от командования бригадой и выслали в Берлин. Конечно же, в воспоминаниях того же Кромиади эта тема нивелируется. Он, например, рассказывает об одном офицере из батальона «Волга», информировавшем немцев относительно морального состояния личного состава подразделения. Офицер дважды подавал донос, указывая на то, что майор Головинкин собирался вывести батальон к партизанам. По словам Кромиади, ему лично пришлось приехать в Шклов, арестовать доносчика, а затем, после того как осведомителя доставили в Осинторф, подвергнуть его гласному суду^[495].

В партизанских мемуарах фиксируется, что участвовавшие переходы солдат к партизанам всполошили командование РННА. В Центральный поселок Осинторфа прибыло подразделение СД. Начались аресты.

Местная комендатура провела перерегистрацию пропусков и удостоверений всех вольнонаемных служащих. Подразделения «Граукопф» проверили. Военнослужащих, заподозренных в связях с партизанами, изолировали и отправили в разные концлагеря (Калинин, в частности, утверждает, что одну из групп «народников» отвезли в Освенцим, что является вымыслом; сегодня хорошо известно, когда и сколько пленных красноармейцев оказалось в этом лагере).

СД напало на след осинторфских комсомольцев. Были арестованы 13 человек, в частности, Валентина Бугаева, Наталья Нольберт и руководитель подполья — Станислав Шмуглевский. Арестованных держали в особом бараке гарнизона «Москва», избивали, водили на очные ставки, но ничего не добились. После этого подпольщиков отправили в Оршанскую тюрьму СД[496].

Кроме того, немцы провели пропагандистскую акцию, заявив, что партизаны убивают перебежчиков из РННА. Если верить партизанским воспоминаниям, для того чтобы убедить личный состав соединения в истинности этих слов, сотрудники СД тайно вывели в лес возле деревни Заполье группу из 22 «народников» и там ее расстреляли. К груди жертв были прикреплены картонные таблички с надписью: «За измену Родине и службу в РННА». Затем немцы устроили похороны убитых солдат. Оставшиеся на свободе подпольщики ответили на провокацию серией листовок, расклеили в Осинторфе плакаты, разъясняли, кто совершил это преступление. Правда, эти действия не особо помогли, так как переходы на сторону партизан временно прекратились[497].

Тем не менее работа по разложению соединения «Граукопф» принесла советским патриотам свои плоды. В течение августа — сентября 1942 г. в бригаду Заслонова, а также в другие партизанские формирования перешли не менее 400 человек. Причем значительную роль в этом сыграла подпольная организация в Осинторфе. В мемуарах Шмуглевского приводятся данные: Василий Огурцов распропагандировал 32 человека, Евгения Нефедова — 62, Людмила Букатик — более 100, Иван Еременко — около 50, Мария Макаренко — 22, Михаил Прудников — 14, Валентина Бугаева — 26, Нина Шаланда — 42 человека[498].

После частичного разгрома подполья в Осинторфе пропагандистская обработка военнослужащих РННА пошла на спад. В гарнизонах были усилены меры безопасности, установлен жесткий контрразведывательный режим. Германские спецслужбы следили за тем, чтобы партизанская агентура не проникла в гарнизоны. Вместе с тем, насколько позволяют судить некоторые материалы, немецкая контрразведка проводила оперативную игру по выявлению ненадежных «народников» из числа офицеров и солдат.

К слову, до того, как в августе и сентябре 1942 г. произошли переходы к партизанам, в РННА действовало несколько антифашистских групп. Осинторфские подпольщики наладили прямые связи с майорами Широковым и Щербаковым, капитаном Лебедем, старшими лейтенантами Грозовым, Прокопьевым, Ивановым, Князевым, «политруками» Мухановым и Костиным, сержантами Викторовым и Поповым[499]. Подпольщики пытались распропагандировать и других офицеров, но не всегда успешно. И. М. Грачев вспоминает: *«Больше всего партизанам симпатизировала так называемая сельская интеллигенция. Они были „советскими патриотами“ и однозначно считали, что Сталин — меньшее из двух зол. Мне приходилось беседовать с подобными людьми. Одна моя знакомая девушка однажды спросила меня, хочу ли я поехать в Москву, или предоставить какую-либо информацию о немцах. Я решил, что это — провокация, но затем мне стало жаль эту девушку. Поэтому я просто сказал ей, чтобы она забыла об этом разговоре»*[500]. П. В. Каштанов свидетельствует: *«Партизаны постоянно пытались распропагандировать бойцов РННА, утверждая, что, если они перейдут на советскую сторону, они не будут подвергнуты никаким репрессиям. Мы, офицеры, не верили им, однако простые солдаты часто покупались на эту пропаганду»*[501].

У немцев были основания сомневаться в лояльности определенной части личного состава РННА, и это несмотря на то что к середине осени 1942 г. соединение в количественном отношении увеличилось вдвое, заслужило немало лестных слов со стороны командования охранными войсками группы армий «Центр» и стояло на пороге дальнейших преобразований. Но моральная нестабильность внутри бригады сохранялась, чем старались воспользоваться «народные мстители». Не случайно партизанская разведка из бригады Заслонова не теряла надежды вновь наладить контакты с «народниками», чтобы перетянуть их на советскую сторону.

Отметим, что 5 ноября 1942 г. Заслонов был назначен на должность командира штаба партизанских отрядов Оршанской зоны (южная и юго-восточная часть Витебской области). Его штаб располагался в деревне Куповать (Сенненский район), откуда осуществлялось боевое управление отрядами. Немцы через агентурную разведку установили, где находился штаб Заслонова, и поручили его ликвидацию подразделениям РННА[502].

Наряду с этим высказывается и другая версия: деревня Куповать вовсе не была штабом соединения «Дяди Кости». Получив категорический приказ из «Центра» выходить со своими отрядами за линию фронта, чтобы влиться в ряды Красной армии, Заслонов отправил партизанские подразделения на соединение с советскими войсками, а сам с небольшой группой остановился в деревне. Именно здесь — в 6–7 часов утра 14 ноября 1942 г. — должна была состояться встреча с батальоном РННА, подготовленным к переходу. Только после того, как коллаборационисты примкнули к «народным мстителям», Заслонов намеревался догнать двигавшиеся к линии фронта отряды[503].

К деревне Куповать, окруженной болотами, было два подхода: со стороны деревни Кузьмино — широкая дорога, и со стороны деревни Утриллово — узкая гать, проложенная по болоту. По этой гати и должна была подойти группа «народников». Заслонов отправил отряд Л. И. Селицкого (к тому времени — командир бригады «Дядя Костя») на Кузьмино, чтобы он держал дорогу и помог отвлечь внимание немцев от деревень Утриллово и Куповати. Взяв с собой несколько человек, в том числе начальника разведки Ивана Козловского и своего адъютанта Евгения Корженя, Заслонов пошел навстречу колонне РННА. Впереди всех шел И. Козловский, непосредственно отвечавший за подготовку перехода. Когда Козловский подошел ближе, из середины колонны выскочил офицер, который несколько раз в него выстрелил и начал отдавать приказы. Заслонов понял, что все сложилось не так, как планировалось, и приказал занять оборону[504].

Подробности этого боя стали известны позднее. О них рассказали бывшие солдаты РННА, перешедшие зимой 1943 г. к партизанам. В ночь с 13 на 14 ноября 1942 г. в часть, готовившуюся на рассвете уйти в лес, прибыло немецкое командование. Были арестованы и расстреляны офицеры и солдаты, склонявшие личный состав к переходу. Остальных в срочном порядке отвезли куда-то под Смоленск, а в лес направили другое подразделение «народников» и отряды вспомогательной полиции.

Деревню Куповать, где партизаны держали круговую оборону, военнослужащие РННА блокировали быстро. «Народных мстителей» обстреливали из артиллерийских орудий и минометов.

Заслонов пытался организовать оборону на южной окраине деревни, личным примером вдохновлял подчиненных и старался поддерживать порядок, но численный перевес был на стороне противника. К 13 часам бои достигли крайнего ожесточения. Заслонов во весь рост шел по деревне и кричал: «Огонь по изменникам Родины!». Во время перебежки, у одного из сараев его ранили в живот. Чувствуя, что ранение смертельное, он выстрелил из маузера себе в висок. Тело Заслонова спрятал партизан А. И. Агеев[505].

Участница тех событий, В. В. Доморацкая, вспоминала: *«Отошли в Адамовский лес. Потом разведка пошла опять в Куповать, подобрать, если можно, убитых. „Народники“ уже ушли оттуда. Они все хотели узнать, где Заслонов. Полагали, что убит, но не знали точно. А за голову Заслонова давали 50*

тысяч марок. Собрали жителей Куповати, но никто не сказал. Назавтра мы похоронили его и всех убитых...»[\[506\]](#)

Немецкая разведка узнала, что в бою за деревню Куповать удалось ликвидировать известного «бандита». Знали это и сами партизаны, поэтому долгие годы история с гибелью Заслонова была окружена таинственным молчанием и мифами.

Хотя германские спецслужбы делали все, чтобы препятствовать разложению РННА, партизаны продолжали проникать в батальоны. Как и раньше, разведывательные органы немцев пытались вытянуть партизанскую агентуру в Осинторф, перевербовать ее, а затем отправить с заданием в отряды «народных мстителей». Возможно, именно этими соображениями были продиктованы действия И. М. Грачева (на тот момент — командир учебного батальона), который в своем опросе показал: *«В ноябре 1942 г. моя часть столкнулась с партизанами. Мы взяли в плен пять девушек, специально обученных диверсионному делу... Немцы могли бы запросто повесить их. Когда я остался с пленными один на один, я сжег их бумаги. Я мог бы сдать их в ГФП (Тайную полевую полицию), но пожалел их. Я дал указание своим подчиненным присматривать за ними, чтобы они не удрали в лес. В конце концов четыре девушки были отправлены на работу в Германию, а пятую, по фамилии Любченко (как удалось выяснить, речь идет об Антонине Любченко — инструкторе минно-подрывного дела из бригады „Дядя Костя“. — Примеч. авт.), я взял машинисткой в свой штаб. Я доверял ей. Пока она работала на нас, ей удалось вновь установить контакт с партизанами, а также завербовать одного командира роты, командира артиллерийской батареи (скорее всего, это был командир артиллерийского дивизиона РННА, старший лейтенант Бобылев. — Примеч. авт.) и нескольких людей из штаба. Однажды ночью они оставили свои подразделения и перешли к партизанам»*[\[507\]](#).

Анализ документов и материалов позволил авторам установить, когда произошел очередной переход «народников». Случилось это 23 февраля 1943 г. В воспоминаниях Кромиади этот эпизод почему-то относится к декабрю 1942 г. Причем автор прямо пишет, что именно уход подразделений РННА в лес был главной причиной, почему отстранили от командования Баерского и Жиленкова: *«В эту ночь 300 человек солдат под командой своих офицеров, в полном вооружении, прихватив еще запасные пулеметы и минометы, покинули свою часть и ушли в лес. И ушли прекрасные офицеры, которые до того не раз показывали свою стойкость и преданность идее освободительной борьбы. После этого полковника Боярского отстранили от командования РННА. С ним вместе отстранили и генерала Жиленкова. Командование принял бывший начальник штаба, майор Риль. Риль остался преданным традициям РННА, за то его не только отрешили от командования, но и арестовали, и понадобилось много просьб и ходатайств, чтобы его освободили»*[\[508\]](#).

По нашему мнению, Баерского и Жиленкова сняли по другим причинам, а переход произошел двумя месяцами позднее, когда РННА формально командовал Риль. Именно за то, что к партизанам ушло несколько сот человек, его сняли с должности и отправили в концлагерь.

После уничтожения Заслонова и ареста активных членов осинторфского подполья работа по разложению ослабла. В батальонах РННА в декабре 1942 г. — в январе 1943 г. появилась определенная стабильность.

Переходы к партизанам в 1943 г.

В январе 1943 г. основные силы «народников» перевели в Березино. Сделано это было и для того, чтобы подполье не разлагало военнослужащих, и для того, чтобы использовать личный состав в антипартизанских операциях, проводившихся в то время охранными войсками в районе Березино — Червень. В самом Осинторфе, по словам И. М. Грачева, оставались учебный и штабной батальоны, несколько мелких подразделений. По партизанским воспоминаниям, в январе — феврале 1943 г. в поселке также дислоцировался артиллерийский дивизион РННА под командованием старшего лейтенанта Бобылева[\[509\]](#).

В начале 1943 г. осинторфское подполье активизировало свою деятельность, так как его вновь возглавил Шмуглевский, с которого сняли подозрения и выпустили на свободу. Вместе с тем связи с партизанами не было. После выхода соединения Заслонова в советский тыл контакты с «народными мстителями» прервались.

Положение изменилось в феврале 1943 г. По заданию Белорусского штаба партизанского движения под Осинторф прибыла 5-я (с марта 1943 г. — 16-я) Смоленская бригада (1-й, 2-й, 3-й и 4-й партизанские отряды) под командованием И. Р. Шлапакова (комиссар — Д. Т. Гольнев). Бригада, расположившись в Щербинском лесу, сразу установила связь с комсомольцами из Осинторфа.

8 февраля 1943 г. состоялась встреча Шмуглевского с комбригом Шлапаковым в деревне Замоськи. Беседа продолжалась весь вечер и всю ночь. Шлапаков дал Шмуглевскому ценные советы. Во-первых, как усилить конспирацию и, во-вторых, как определить новые явки и установить сигналы. Перед комсомольско-молодежным подпольем была поставлена задача, как можно быстрее проводить в лес всех солдат и офицеров подразделений РННА, готовых начать борьбу с оккупантами[\[510\]](#).

Подпольщики приступили к выполнению задания. Скоро они наладили контакты с офицерами Бобылевым, Тужилкиным и Казанцевым. Планировалось вывести в партизанскую зону около 600 человек. Шлапаков и его штаб разработали операцию: личный состав гарнизона «Урал» разгромит штаб в Осинторфе, захватит документы, оружие и уйдет в лес. Но немецкая контрразведка, получив сведения об очередной попытке разложить «народников», предприняла меры: в течение суток прошли аресты среди офицерского состава РННА. В результате Шлапакову пришлось отказаться от первоначального плана[\[511\]](#).

Партизанская засада

Командование 5-й Смоленской бригады передало Бобылеву приказ провести операцию самостоятельно в ночь с 22 на 23 февраля 1943 г. Подпольщики сообщили маршрут следования от Осинторфа к месту встречи и запасной пароль на случай чрезвычайных обстоятельств.

Командиры артдивизиона, поставившие в караул надежных солдат, сняли замки с орудий и заминировали склады с оружием и боеприпасами, предварительно погрузив на сани четыре станковых пулемета, несколько минометов, винтовки и ящики с патронами. Ночью подразделение покинуло казармы. Тем не менее отсутствие артдивизиона было обнаружено, о чем комендант гарнизона «Урал»

П. Тетерин доложил начальнику штаба РННА. В Осинторфе объявили тревогу. В поселке началась стрельба. Офицеры побежали к складу боеприпасов, и, как только открыли его двери, прогремел мощный взрыв, повлекший за собой многочисленные жертвы[512].

Тем временем артдивизион Бобылева, преодолев значительную часть пути, неожиданно наткнулся на части войск СС, изменил маршрут и разделился на три группы. Одна из них вступила в бой с немцами, а затем долго уходила от преследования и только после многих дней блужданий по лесам присоединилась к партизанам 1-го Смоленского полка И. Ф. Садчикова (комиссар — А. Ф. Юрьев). Вторая группа вышла в Сенненский район и влилась затем в партизанскую бригаду «Алексея» (командир — А. Ф. Данукалов). Основная часть артдивизиона во главе с Бобылевым и Казанцевым благополучно прибыла в Щербинский лес, где их ждали партизаны 5-й Смоленской бригады[513].

Сколько «народников» перешло на советскую сторону? Считается, что 23 февраля в партизанские отряды влилось 115 человек, 45 из них — в бригаду Шлапакова[514]. Еще 90 военнослужащих пришло в соединение Садчикова[515]. Таким образом, из Осинторфа бежали 135 солдат и офицеров.

В партизанских документах и мемуарах тем не менее встречаются факты, что, помимо бригады Шлапакова, к разложению РННА в феврале 1943 г. имел отношение отдельный партизанский полк «Тринадцать» (командир — С. В. Гришин). Разведка полка, действуя через учительницу Оршанского района Веру Обухович, установила контакт с антифашистской группой внутри РННА, в которую входили майор Руденко, старший лейтенант Александр Сахаров, лейтенант Виктор Коротков, военнослужащие Александр Зайцев и Николай Ренгач. Подчиненные Гришина, связавшись с антифашистами, поставили перед ними условие — разгромить гарнизон в Осинторфе, после чего «народников» примут в состав части. В ночь на 23 февраля группа Короткова — Сахарова, по воспоминаниям партизана-«гришинца» В. Л. Тамаркина, *«уничтожает предателей Родины и оккупантов, взрывает армейские ружейно-артиллерийские мастерские, склады ГСМ, вооружения и боеприпасов, от чего в радиусе десяти километров в деревнях повывлетали стекла из окон. В полном боевом снаряжении сто сорок семь человек во главе с Коротковым и Сахаровым влились в полк Гришина»*[516].

В отчете комиссара партизанского соединения «Тринадцать» отмечалось: *«... из „Осинторфа“ (Витебская область) 23 февраля 1943 г. перешли к нам в полк 143 человека»*[517].

Следовательно, гарнизон «Урал», кроме бойцов артдивизиона, покинули военнослужащие из других подразделений. В результате в конце февраля 1943 г. к партизанам присоединились 278 «народников». Эта цифра почти совпадает с данными, приведенными в книге Кромиади (300 человек[518]).

Утром 23 февраля в Осинторф прибыло немецкое командование в сопровождении нескольких десятков автоматчиков. Личный состав РННА, по словам очевидцев, построили, из каждой роты вывели по 10 человек и расстреляли. В гарнизонах провели облавы и арестовали 50 вольнонаемных служащих, оказавшихся ночью на территории военных городков. Среди них были и подпольщики Шмуглевского (в частности, Людмила Букатик, дежурившая на телефонной станции штаба)[519].

Командование РННА взяли под стражу. Всех офицеров допрашивали сотрудники немецких спецслужб. Грачев вспоминал: *«Вскоре прибыли немцы, чтобы провести служебное расследование... Немцы в течение недели вели допросы. Вызвали и меня. Я уже было решил, что меня повесят. Меня допрашивали сотрудники СД, ГФП и армейские разведчики. Они пытались обвинить меня в предательстве: „Мы знаем, что это вы подстроили все это“. В итоге они пришли к выводу, что просчеты были неумышленны»*[520].

Для поддержания порядка и безопасности в Осинторф срочно перебросили подразделения войск СС. Была проведена «фильтрация»: одну часть «народников» отправили в Березино, другую переодели в

немецкую форму и вывезли в неизвестном направлении. Затем был отдан приказ о полной эвакуации гарнизонов из Осинторфа и переводе их в Березино[521].

Узнав об эвакуации оставшихся подразделений РННА, Шлапаков дал Шмуглевскому задание: направить в Березино своих людей, создать там подпольную ячейку и продолжать работу по переводу в партизаны тех «народников», которые стремятся искупить вину перед Родиной. С этой целью к новому месту дислокации РННА послали Евгению Нефедову и группу партизан из 2-го отряда во главе с А. М. Куличковым[522].

Проникнув в Березино, осинторфские подпольщики вновь установили контакты с «народниками»-антифашистами и подготовили операцию. В марте 1943 г., накануне одной из антипартизанских акций, около 200 военнослужащих, захватив с собой большое количество боеприпасов и вооружения, броневик и несколько автомашин, покинули Березино и вышли в партизанскую зону[523].

Дальнейшее руководство подпольщиками в Березино было поручено Вере Кунцевич и Сергею Дюбайло. Группа продолжала распространять листовки, совершала диверсии, организовывала перевод в партизаны солдат 637-го восточного батальона особого назначения. Но после совершения одной из диверсий Кунцевич, Дюбайло, а также их товарищей схватили германские спецслужбы и в последующем казнили[524].

Однако разложение подразделений РННА продолжалось и дальше. К примеру, в разведывательной сводке № 51/98 ЦШПД от 4 октября 1943 г. сообщалось: *«21 сентября в районе Березино перешла на сторону партизан 5-я рота 700-го полка изменников в количестве 93 человек с полным вооружением»*[525].

Каштанов в своем опросе также показал, что *«взвод РННА, дислоцировавшийся под Минском, почти в полном составе перешел к партизанам, после того как узнал, что вскоре это подразделение должны перебросить во Францию»*[526]. Так как батальоны 700-го полкового штаба отправили на Запад в ноябре 1943 г., то переход взвода «народников», скорее всего, состоялся в октябре.

Таким образом, с июля 1942 г. до ноября 1943 г. к «народным мстителям» перешли более 1000 солдат и офицеров РННА. Говоря о причинах, толкавших бывших красноармейцев к возвращению на советскую сторону, уместно привести точку зрения Каштанова, сделавшего на этот счет вполне объективные выводы: *«Многие части РННА перешли на сторону партизан. Причинами к этому были советские провокации и линия поведения немцев. Кроме того, после Сталинграда, когда немцы стали отступать, люди, которые до этого были лояльны, также стали переходить к партизанам»*[527].

Тем не менее, несмотря на многочисленные факты бегства, полностью разложить РННА партизанам не удалось. Батальоны 700-го полкового штаба были переброшены во Францию, о чем мы расскажем в следующей главе.

Итак, можно сказать, что название «Русская народная национальная армия» сохраняло свой содержательный компонент и отчасти пропагандистское значение лишь до тех пор, пока «народники» находились на Восточном фронте. Только после того, как добровольцев перевели на Запад, окончательно исчезла и РННА.

Глава шестая. Дальнейшие судьбы военнослужащих РННА

Пути перебежчиков

В большинстве случаев дальнейшие судьбы тех военнослужащих РННА, которые перешли к партизанам, сложились трагично. П. В. Каштанов полагает, что «спасение» перебежчиков *«было временным, потому что большевики, разумеется, позднее свели с ними счеты»*[\[528\]](#).

Однако далеко не всегда партизаны уничтожали бывших коллаборационистов. Многие из них получили возможность «искупить вину перед советской Родиной» своей кровью и участвовали в боях с противником. Исходя из сложившейся практики, их посылали на самые опасные участки, где уцелеть было практически невозможно.

Так, бывший командир 3-й роты I батальона РННА Н. П. Максютин 28 декабря 1943 г. был убит во время отражения антипартизанской экспедиции на территории Минской области[\[529\]](#).

Точно так же завершилась жизнь бывшего лейтенанта РННА И. М. Крымцова. Попав в начале войны в окружение под Борисовым, он был схвачен и отправлен в один из пересыльных лагерей. В лагере он дал согласие вступить в ряды «народников». В Осинторфе Крымцов примкнул к одной из антифашистских групп. Когда представился случай, он перебежал к партизанам и привел в бригаду «Чекист» (командир — Г. А. Кирпич) одиннадцать человек. Через некоторое время Крымцова назначили командиром роты, а затем — командиром 10-го партизанского отряда. В конце 1943 г. он был убит в бою против частей СС и полиции[\[530\]](#).

До сих пор неясно, что случилось с бывшим лейтенантом РННА Виктором Коротковым. По некоторым данным, он работал в советской внешней разведке, вернулся в Советский Союз незадолго до войны. С началом военных действий Коротков ушел добровольцем на фронт, был контужен и оказался в Смоленском лагере для военнопленных. Он пытался бежать, но был выдан и переведен в Оршанский лагерь, где майор А. М. Бочаров предложил ему вступить в РННА. Коротков согласился и вскоре попал в Осинторф. Здесь он стал искать связь с партизанами, вышел на отдельный полк «Тринадцать», на сторону которого и перешел 23 февраля 1943 г. Командование партизанской части планировало назначить Короткова на должность начальника штаба полка. Но бывшим коллаборационистом заинтересовались в НКВД. В итоге Короткова под охраной отправили на самолете в Москву, после чего его следы потерялись[\[531\]](#).

Однако наибольший интерес в контексте рассматриваемой проблемы представляет личность Героя Советского Союза старшего лейтенанта А. Князева. Некоторые специалисты даже высказывают мнение, что, возможно, такого офицера и вовсе не существовало. Тем не менее, разбираясь с этим вопросом, авторы пришли к противоположному выводу.

О существовании Князева свидетельствуют разные источники, как партизанские, так и коллаборационистские. Например, об этом офицере упоминают в своих мемуарах Я. А. Жилинин, И. Б. Позняков, В. И. Лузгин, П. З. Калинин и С. П. Шмуглевский[\[532\]](#). Наряду с этим о Герое Советского Союза, ставшем коллаборационистом, пишут К. Г. Кромияди и П. В. Каштанов (последний отмечает: *«Из армии Белова... в РННА оказался один Герой Советского Союза. Однако он впоследствии вернулся к партизанам»*)[\[533\]](#). Таким образом, об одном и том же человеке говорят не зависимые друг от друга

источники.

По воспоминаниям Кромиади, Князев перешел вместе со своей разведывательной ротой на сторону РННА во время операции «Ганновер». Очень быстро советский офицер завоевал доверие и симпатии руководства «Граукопф». Но через какое-то время у Князева проявилось разочарование. Он стал сомневаться в том, что выбор, сделанный им в пользу коллаборационистов, правильный. Разговор, произошедший между ним и Кромиади, окончательно выявил намерения бывшего Героя Советского Союза перейти на сторону партизан, что и произошло спустя две — три недели. Правда, остается непонятно, почему Кромиади, видя готовность Князева уйти к «народным мстителям», не предпринял никаких мер[534].

На наш взгляд, Князева не арестовали только потому, что Кромиади, возможно, хотел выявить всех, кто собирался перейти к партизанам. Этим, видимо, объясняется то, почему комендант центрального штаба поддерживал с Князевым дружеские отношения. Не исключено и то, что руководитель РННА — через задушевные беседы — пытался подготовить Князева, как агента германских спецслужб, для засылки к «народным мстителям», а побег в лес давал возможность для внедрения в ряды «бандитов».

Князев перешел на советскую сторону между 12 и 15 августа 1942 г., в тот момент, когда несколько подразделений «народников» уже примкнули к партизанам. Все перебежчики, в основном, уходили в соединение Заслонова, с которым поддерживали связь подпольщики Шмуглевского, поэтому, вероятно, в бригаду «Дяди Кости» пришла и группа Князева.

О дальнейшей судьбе Князева ничего неизвестно. Его фамилии нет в списке партизанских командиров и военачальников, чьи отряды действовали на оккупированной территории Витебской области[535]. Нет его фамилии и в списке советских военнослужащих, лишенных звания Героя Советского Союза.

Можно выдвинуть следующую версию. Князев, как человек, дискредитировавший фактом своей коллаборации высшую советскую награду, был, вероятно, арестован чекистами, лишен всех званий и расстрелян. Даже если допустить, что ему удалось каким-то фантастическим образом избежать смертной казни, он в любом случае понес крайне суровое наказание.

«Гвардейская бригада РОА»

Большинство бывших руководителей РННА в 1943 г. оказались связаны с новым проектом немецкой разведки (правда, на этот раз не армейской, а эсэсовской) — с попыткой формирования так называемой Гвардейской бригады РОА. Это соединение предполагалось задействовать в диверсионно-разведывательной работе, в том числе в тылу Красной армии.

Как уже говорилось, в августе 1942 г. большинство эмигрантов, в том числе и участники осинторфского эксперимента, согласно директиве ОКВ № 46 *«Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке»*, были отозваны с Восточного фронта.

Как правило, эмигранты продолжали коллаборировать с немцами. Граф С. С. фон дер Пален, к примеру, вернулся в Париж, где поступил на службу в пронацистское Управление делами русских эмигрантов во Франции^[536]. До этого он со своим другом Г. П. Ламсдорфом некоторое время работал в Берлине переводчиком в каком-то учреждении, очевидно, связанном с разведкой^[537]. Ламсдорф вспоминал: *«Нас с Паленом вернули в Берлин. Мы там переводили какие-то бумаги, бежали по инстанциям и высматривали, кого бы обработать, чтобы вернуться в Россию»*^[538].

Парад гвардейского батальона РОА в Пскове. Со знаменем — Г. Ламсдорф

Действительно, возможность возвращения на Родину через какое-то время появилась. К. Г. Кромиади пишет: «Весной 1943 г. совершенно неожиданно возникла возможность формирования частей Русской освободительной армии во фронтовой полосе. Штаб службы безопасности СД вдруг вызвал С. Иванова... и предложил ему собрать всю осинторфскую группу и поехать на фронт принять русскую Бригаду полковника Гиля (он же — Родионов) ... Предложение показалось нам странным: этого же самого Иванова и всех членов его группы год тому назад не только с треском выпроводили из Осинторфа, но и категорически запретили показываться впредь в оккупированной зоне. Однако разрешение этого вопроса СД взяло на себя»[\[539\]](#).

Здесь следует отметить, что ведомство Гиммлера к указанному моменту все активнее расширяло свои властные полномочия, успешно подавляя своих конкурентов. Это относится и к опеке над коллаборационистами. В конечном итоге все иностранные добровольцы оказались в ведении СС.

Итак, в конце апреля 1943 г. руководители реферата «Цепеллин» VI управления РСХА поручили группе своих «проверенных» русских коллег принять командование бригадой, формально провозгласив последнюю частью «Русской освободительной армии» (в реальности тогда не существовавшей). Будущее формирование предлагалось развернуть на основе Первой русской национальной бригады СС «Дружина» В. В. Гиль-Родионова, поведение которого уже давно вызывало у кураторов из СД большие вопросы.

Вальтер Шелленберг в своих мемуарах отмечает, что он *«неоднократно просил Гиммлера отстранить Родионова от ведения борьбы с партизанами»*. Шеф эсэсовской разведки начал сомневаться в лояльности командира «Дружины» после нескольких личных бесед с Родионовым: *«У меня начало складываться впечатление, что если первоначально он и был противником сталинской системы, то теперь его позиция претерпела изменения»*^[540].

Бывший подчиненный Гиля, А. Л. Самутин, вспоминал: *«Гилю было наплевать на все. Он завел себе молодую „бабу“ и все больше и больше пил. Вокруг него создавался все более и теснее узкий круг прихлебателей и собутыльников. Я не был вхож в этот круг, но Точилов какое-то время принадлежал к нему и приносил мне все более и более пугавшие меня рассказы о полной безыдейности, царящей в этом кругу, о бесперспективности всего дела, о воцарившемся настроении, которое точнее всего описывается, как „пир во время чумы“»*^[541]. То же самое отмечает и А. Доллерт (Штеенберг): *«Поведение лиц, окружавших Гиля, однако, оставляло желать лучшего. Они проводили время за выпивкой, картами — появились и женщины. Гиль все меньше заботился о своих обязанностях командира. Недовольство им у офицеров части все увеличивалось»*^[542].

29 апреля 1943 г. начальник главной команды «Цепелин „Россия — Центр“» и куратор «Дружины», штурмбаннфюрер СС Ганс Шиндовски^[543] передал вышестоящему начальству в Берлин рапорт постоянного представителя СС при «Дружине», оберштурмбаннфюрера Аппеля: *«Положение в „Дружине“ требует вмешательства со стороны высших инстанций... „Дружина“ развилась в таком направлении, которое свойственно русским при их мании к величию. В то же время замечено возрастающее недовольство, направленное против Германии... Активисты „Дружины“ находятся под влиянием праздношатающихся по лагерю русских, они ведут свободную жизнь бандитов, пьют и едят вдоволь и совсем не думают о предстоящей деятельности „Дружины“. Такое положение создает опасность для политики империи»*^[544].

По словам Кромиади, не все коллеги Иванова по РННА сразу приняли предложение СД, *«помня еще обиду от осинторфской расправы»*. Тогда к делу подключили Г. Н. Жиленкова (к тому моменту он уже работал в окружении генерала А. А. Власова): именно он предложил эсэсовским разведчикам, исходя из пропагандистских соображений, причислить будущее соединение к «Русской освободительной армии»^[545], назвав его «Гвардейской бригадой РОА». Лишь после этого группа была сформирована. Здесь добавим, что Жиленков к весне 1943 г. уже прошел все необходимые проверки по линии СД, участвовал в разработке ряда операций «Цепелина» и играл в окружении Власова роль агента эсэсовской разведки^[546].

В группу, отправляющуюся на Восток, вошли бывшие «осинторфовцы»: Жиленков, братья Ивановы, Кромиади, Сахаров, Ламсдорф, Ресслер и о. Гермоген (Кивачук). Возглавил группу штурмбаннфюрер Шиндовски^[547].

Надо сказать, что некоторые исследователи и публицисты предпочитают умалчивать о какой-либо связи «бригады РОА» с «Цепелином»^[548]. Между тем для непосредственных участников проекта это никакой тайны не составляло. Так, Самутин в своих воспоминаниях отмечает, что *«эта „Гвардейская бригада РОА“, так же как и бригада Гиля, является детищем и иждивенцем таинственного „Цепелина“»*, и что *«никакого действительного формирования бригады из имеющегося в наличии*

батальона — не произойдет»[\[549\]](#).

Еще в Берлине Иванов и Жиленков предоставили эсэсовским разведчикам новое штатное расписание соединения. Предусматривалось формирование двух полков — особого назначения и стрелкового (на должности командиров полков планировалось назначить бывших офицеров РННА, А. М. Бочарова и И. М. Грачева). Бригаду предполагалось использовать для диверсионной деятельности в тылу Красной армии и для ведения фронтовой разведки.

Кромиади пишет, что «группа выехала из Берлина за три недели до Пасхи и прибыла в Варшаву, откуда ее направили в Глубокое (Белоруссия), где находилась Бригада. Однако она стояла в Лужках, в двадцати километрах от Глубокого, но и в Лужках мы застали только хозяйственную часть бригады и чинов СД, находившихся при Гиле, а строевые части ушли на операцию. Каково же было наше удивление, когда офицеры СД при Гиле выступили против распоряжения своего берлинского начальства. Они и мысли не допускали, чтобы отнять бригаду у „Володи“, как они называли Гиля, и передать ее нам. К нам они отнеслись холодно, чтобы не сказать больше»[\[550\]](#).

В итоге благодаря поддержке и ходатайству местных органов СД перед вышестоящим командованием в Берлине Гилю удалось (хотя, очевидно, не без труда) остаться на прежней должности. При этом эсэсовцы обязали его выделить из состава вверенного ему полка несколько подразделений для передачи под командование прибывшим из Берлина коллаборационистам. Речь шла об Особом русском отряде СС из Бреслау, учебном батальоне и пропагандистском отделе (всего — от 300 до 500 человек)[\[551\]](#).

Г. Ламсдорф во время парада в Пскове

В середине мая сформированный на основе этих подразделений батальон перебросили в деревню Крыжево, а затем — в поселок Стремутка (15 км от Пскова), где с конца 1941 г. располагался разведывательно-диверсионный пункт «Цеппелина». Часть, куда влились еще несколько пополнений добровольцев, подчинили местным органам СД. Сводная рота батальона участвовала в параде псковского гарнизона вермахта 22 июня 1943 г. Подразделение маршировало со знаками и эмблемами РОА. Из-за этого бывших бойцов «Дружины» почему-то часто относят к формированиям генерала Власова, хотя шевроны, кокарды, петлицы и погоны РОА к тому моменту носили многие восточные части, не имеющие

никакого отношения к несуществующей на тот момент власовской армии[552].

Член НТС Р. В. Полчанинов, который в тот момент находился в Пскове, в своих мемуарах пишет, что после парада 22 июня «советские агенты во главе с одним из автоматчиков, который на параде был ассистентом у знаменосца, устроили бунт... Были убитые с обеих сторон, но восстание не удалось, так как большинство власовцев оказалось идейными врагами большевизма»[553].

Следует добавить, что в мае 1943 г. главная команда «Цеппелина» «Россия — Центр» переехала из Глубокого под Псков — в уже упомянутые поселок Стремутка и в деревню Крыжево. В августе 1943 г. команду переименовали в главную команду СС «Россия — Север» (SS-Hauptkommando Russland — Nord Unternehmen Zeppelin), во главе нее был поставлен новый начальник — штурмбанфюрер СС Отто Краус[554].

Самутин пишет: «Я стал замечать, что все большую и большую роль в делах бригады начинают играть немцы, говорящие по-русски, из немецкой шпионской школы, размещавшейся в барачном городке на южной окраине Пскова на берегу р. Великой. Вскоре... один из этих немцев утонул в Великой, катаясь пьяным на лодке. Оставшиеся двое, майор Краус и капитан Хорват, с удвоенной энергией начали вмешиваться во внутреннюю жизнь бригады, чуть ли не ежедневно приезжая в часть. Они в придирчивом тоне вели разговоры с Ламсдорфом, презрительно третировали нас, бывших советских офицеров...»[555]

Шеврон Ламсдорфа. Снимок предоставлен М. Ю. Блиновым

Дальнейшая судьба так называемого 1-го Гвардейского батальона (бригады) РОА (по немецким документам, 1-я ударная бригада — 1. Sturmbrigade) показательна. Его личный состав использовался в

составе особых команд СД по борьбе с партизанами (например, в 113-й охотничьей команде — Jagdkommando 113), забрасывались в тыл Красной армии. Когда «Дружина» перешла на сторону советских партизан, СД сочло нецелесообразным создание диверсионной бригады. В августе 1943 г. весь старший командный состав батальона из числа бывших «осинторфовцев» был отозван в Берлин (в России временно остался только Г. П. Ламсдорф)[\[556\]](#).

Командир Первой русской национальной бригады СС «Дружина» В. Гиль-Родионов. Довоенный снимок

В ноябре 1943 г. 150 человек перебежали на сторону ленинградских партизан. В итоге батальон (в тот момент им командовал еще один бывший «осинторфовец» — майор Р. Ф. Риль) разоружили и расформировали. Остатки части передали в состав русской авиационной группы в Восточной Пруссии, потом они влились в ряды Военно-воздушных сил КОНР[\[557\]](#).

Бывшие военнослужащие РННА во Франции

Как уже отмечалось, часть личного состава РННА была переброшена во Францию. Здесь подразделения 700-го полкового штаба несли службу на побережье Атлантики. В частности, 633-й, 634-й и 636-й батальоны выполняли охранные функции на Бретонском полуострове (в районе городов Брест и Лориан), 635-й — в Нижней Нормандии (между городами Шербур и Сен-Ло)[\[558\]](#). В феврале 1944 г. германское командование преобразовало 700-й полковой штаб в штаб 752-го восточного полка. Некоторые подразделения, входившие в состав части Коретти, в апреле 1944 г. получили новые номера и были закреплены за немецкими соединениями. Например, 633-й батальон, поначалу перенумерованный в IV-й, стал 852-м батальоном 343-й пехотной дивизии, а 634-й, ранее получивший номер III, в последующем поступил в оперативное подчинение 265-й пехотной дивизии в качестве 895-го батальона[\[559\]](#).

Русские охранные подразделения были вооружены не самым лучшим образом, поэтому, когда 6 июня 1944 г. началась стратегическая операция союзников «Оверлорд» (Overlord), в рядах добровольцев, вступивших в боевые действия, отмечались большие потери. Вместе с тем, немецкое командование не преминуло отметить доблесть и выдержку подчиненных Коретти, которые дрались с упорством обреченных. Так, в сводке ОКВ за этот период сообщалось, что 439-й, 441-й, 635-й и 642-й батальоны, находившиеся в регионе Нижняя Нормандия, *«сражались с необыкновенной храбростью, несмотря на свое плохое снаряжение»*[\[560\]](#).

Особенно следует сказать об ожесточенном сопротивлении личного состава 634-го (895-го) и 636-го батальонов, участвовавших в обороне крепости-гавани Лориан. Как известно, здесь собрались остатки добровольческих подразделений, потерявших в боях с союзниками весьма значительное количество солдат и офицеров. Действиями русских военнослужащих руководил подполковник А. М. Бочаров, проявивший в ходе осады незаурядные командирские качества, хладнокровие и смелость. Интересно, что 14 ноября 1944 г. на первом заседании Комитета освобождения народов России (проходило в Праге) в торжественной обстановке была зачитана радиogramма с поздравлениями от одного из русских батальонов, блокированных американскими войсками в Лориане[\[561\]](#).

Однако, несмотря на сопротивление, подразделения добровольцев в основном были разгромлены. К примеру, 633-й батальон, окруженный вместе с немецкими частями в Бресте, капитулировал в августе 1944 г. 635-й батальон, воевавший в Нормандии, был фактически уничтожен и в октябре того же года расформирован[\[562\]](#).

В мемуарах К. Г. Кромиади (который и в ходе войны, и уже в послевоенные годы отслеживал судьбу бывших солдат РННА) встречается утверждение, что в 1945 г., во время стихийного отступления вермахта, полковник Юлиус Коретти якобы бросил свой полк на произвол судьбы, в результате чего командование русскими батальонами принял подполковник А. М. Бочаров, который и довел остатки личного состава до Лориана[\[563\]](#). Но, во-первых, отступление немецких войск из Франции происходило в 1944 г. и, во-вторых, факт бегства Коретти ни в каких других источниках не зафиксирован.

Генерал А. Власов беседует с военнослужащими своего штаба. Слева — К. Кромиади

Мы полагаем, что вопрос, касающийся поведения полковника Коретти, требует дальнейшего изучения и обсуждения, поскольку в ходе боев вполне могло случиться, что между полковым штабом и подразделениями могла быть утеряна связь. И наконец, исходя из немецких данных, полковник Коретти формально оставался командующим русскими батальонами до 20 октября 1944 г., после чего он был переведен в резерв ОКХ, произведен в звание генерал-майора, которое, на наш взгляд, было бы проблематично получить, если бы открылись факты его трусости.

Говоря о судьбах тех бывших бойцов РННА, которые оказались на Западном фронте, нельзя не процитировать показательный документ, а именно письмо от жен военнослужащих восточных батальонов (бывших солдат и офицеров РННА), направленное на имя Г. Н. Жиленкова:

«Дрезден, 6.5.44.

Господин генерал-лейтенант!

Мы — жены, обращаемся лично к Вам с большой просьбой и описываем Вам нашу настоящую жизнь.

Господин генерал-лейтенант, уже шесть месяцев работаем мы на бумажной фабрике и вынуждены были сильно голодать, и продолжаем голодать. Было, правда, небольшое исключение, когда мы 14 дней получали в небольших количествах продукты. Теперь же мы получаем только 200 г хлеба, 50 г маргарина и

1 раз в день 1 литр супа из брюквы. При этом питании мы работаем 11–12 часов ежедневно и многие из нас заболели, в том числе дети. Заводское руководство нашей фабрики относится к нам очень плохо. Если наши женщины теряют сознание от голода и падают, их избивают, вместо направления к врачу.

Это крайне удручает нас. Почему мы и наши мужья обмануты военным руководством, т. е. нашим полковником Коретти? Когда нас брали с собой вместе с нашими мужчинами, руководство обещало, что мы получим те же самые права, как и родственники немецких солдат, и продовольственные карточки, которые причитаются всем. Однако здесь мы видели ежедневно только 200 г хлеба и 1 литр жалкого супа из воды, несмотря на то, что мы работаем по 11–12 часов. Некоторые из нас имеют по двое грудных детей, но также должны работать на фабрике. Дети остаются одни в лагере без присмотра и без еды. Наш полковник Коретти не чувствует наш голод, и не отвечает на наши письма, наши мужья также не получают никакого разъяснения. Наши мужья посещали нас, и могли убедиться также в нашей жизни, но они не могут помогать нам, так как руководство ничего не предпринимает для этого. Хотя, — мы подчеркиваем это еще раз — ранее нам было обещано, что мы будем жить хорошо.

Господин генерал-лейтенант, мы женщины, умоляем Вас, помогите нам, несчастным, хоть как-нибудь. Мы готовы работать день и ночь, только чтобы не умирать от голода. Русская женщина не боится никаких трудностей.

Господин генерал-лейтенант, многие из нас помогали нашим мужьям, а также всей немецкой армии, которая стала нам родной. Вместе с нашими мужьями шли мы ночами против бандитов и принимали участие в искоренении банд. Однако сейчас никто нам не помогает, ни мужья, ни немецкое руководство. По этой причине умоляем Вас о помощи, чтобы мы не голодали. Переведите нас куда-нибудь, где мы могли бы хотя бы что-то купить за наши деньги.

С большой просьбой и надеждой жены солдат Русской освободительной армии»[\[564\]](#).

Неизвестно, помог ли Жиленков решить вопрос с питанием для жен русских добровольцев, но определенно это письмо не осталось незамеченным и могло использоваться в качестве аргумента при переговорах с немцами, при обсуждении проблемы, связанной с остарбайтерами и привлечении их в состав РОА.

Что касается собственно военнотружущих батальонов, сражавшихся во Франции, то их дальнейшая судьба сложилась незавидно: большинство из них попали в плен к союзникам и были выданы советскому командованию[\[565\]](#). Разумеется, и тут были исключения: те, кто представлял интерес для разведывательных служб, получили возможность остаться на Западе. В их числе был, например, П. В. Каштанов, впоследствии эмигрировавший в США и натурализовавшийся под псевдонимом «Михаил Васильевич Шатов». Правда, Каштанов попал в плен не во Франции, а в Германии, поскольку еще в сентябре 1944 г. он прибыл в Берлин и был назначен начальником личной охраны генерала Власова[\[566\]](#).

Вместе с Власовым

Многие участники «осинторфского» эксперимента и проекта СД по формированию 1-й Гвардейской бригады РОА оказались в ближайшем окружении генерал-лейтенанта А. А. Власова либо заняли командные и штабные должности в подчиненных ему структурах. Путь в РОА у каждого был свой, однако в значительной мере он определялся сотрудничеством с разведывательными структурами Рейха, и в первую очередь — с эсэсовской разведкой.

Для некоторых знакомство с будущим Главнокомандующим ВС КОНР произошло еще до командировки в Осинторф. К примеру, бывший полковник РККА В. Г. Баерский, содержащийся в особом лагере под Винницей, 3 августа 1942 г. подал вместе с Власовым докладную записку германскому командованию о необходимости политической борьбы с советской властью и формировании крупных частей из пленных красноармейцев. Документ сводился к трем основным предложениям:

«— создать центр формирования русской армии и приступить к ее созданию;

— независимо от своих военных качеств, эта русская армия придаст оппозиционному движению характер законности и одним ударом устраним ряд сомнений и колебаний, существующих в оккупированных и неоккупированных областях и тормозящих дело нового порядка;

— это мероприятие легализует выступление против России и устраним мысль о предательстве, тяготящую всех военнопленных, а также людей, находящихся в неоккупированных областях»[\[567\]](#).

Генерал А. Власов во время посещения Дабендорфа. Слева — К. Кромиади. Лето 1944 г.

Формально возглавив РННА, Баерский пытался реализовать эти идеи на практике, в чем ему отчасти сопутствовал успех (с сентября до ноября 1942 г. численность соединения «Граукопф» увеличилась в два раза), но добиться существенного прорыва, равно как и создать относительно самостоятельное ядро русских антисоветских сил, так и не удалось^[568].

После того как Баерский был снят с должности, его контакты с Власовым не прекратились. С бывшим советским военачальником он встречался, когда Власов посещал тыловой район группы армий «Север» и восточные батальоны 16-й полевой армии (май 1943 г.). В 1943–1944 гг. Баерский являлся ответственным редактором «Офицерского бюллетеня» РОА, а осенью 1944 г. рассматривался в качестве кандидата на должность командира 1-й (по немецкой номенклатуре — 600-й) дивизии войск КОНР. Однако обстоятельства сложились иначе: 28 февраля 1945 г. Баерского (получившего днем ранее звание генерал-майора) назначили заместителем начальника штаба ВС КОНР^[569].

Степень доверия Власова к Баерскому была, безусловно, значительной. В качестве подтверждения этому следует сказать о том, что Баерского планировали поставить на должность командующего Русским корпусом вместо генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона, которого хотели назначить инспектором по семейным проблемам солдат. Но это назначение не состоялось. ОКХ поначалу отказалось вывести русское объединение, состоявшее из «испытанных на фронте полков», из Югославии, а затем, в апреле 1945 г.,

после переговоров в германском Генштабе, корпус формально переподчинили генерал-майору вермахта Б. А. Смысловскому (в 1945 г. взял псевдоним — Артур Хольмстон)[570].

В конце войны Баерский находился в составе Южной группы войск КОНР. По приказу генерал-майора Ф. И. Трухина он выехал в район Праги для установления связи с Северной группой генерал-майора С. К. Буняченко[571].

Еще более значимое место во власовском проекте занимал Г. Н. Жиленков. Тесно связанный с эсэсовской разведкой, он принял активнейшее участие в «материализации» КОНР. После отъезда из деревни Стремутки, где дислоцировался «1-й Гвардейский батальон РОА», Жиленков консультировался в Берлине с представителями СД, которым изложил свои взгляды на использование русского диверсионного соединения. В июле — августе 1943 г. он подготовил меморандум о подчинении всех восточных формирований генералу А. А. Власову[572].

В феврале 1944 г. Жиленков выезжал на территорию оккупированной Франции, выступал с пропагандистскими речами перед личным составом восточных батальонов вермахта, выполнявших охранные функции. В апреле того же года, по указанию Власова, он встретился с главным редактором газеты «Черный корпус» (Das Schwarze Korps) штандартенфюрером СС Гюнтером д'Алькеном, предложившим нескольким власовским офицерам присоединиться к пропагандистской акции СС (кодовое название «Скорпион» — Skorpion) на Восточном фронте. Жиленков, а также его единомышленники (капитан Э.К. фон Деллингсгаузен, майор РОА М. А. Зыков), принимавшие участие в разговоре, выдвинули условие, чтобы операция была представлена именно как акция «Русского освободительного движения», а не войск СС. Д'Алькен согласился с этим условием, но общее руководство операцией все равно осталось в его руках (кроме того, незадолго до операции гестапо арестовало М. А. Зыкова)[573].

Генералы А. Власов, Г. Жиленков и Э. Крюгер (справа налево) беседуют с министром пропаганды Й. Геббельсом

В июне 1944 г. Жиленкова назначили ответственным за акцию «Скорпион» с русской стороны. Он выехал в составе специальной группы (полковник И. К. Сахаров, капитаны Г. П. Ламздорф и М. М. Самыгин и др.) в район Львова (станция Зимние воды), где осуществлял информационно-психологическую обработку красноармейцев. Для этого ему выделили два поезда-типографии, несколько самолетов для сбрасывания листовок. Пропагандистский материал распространялся в полосе войск 1-го Украинского фронта, хотя, скорее всего, операция имела более широкий охват, так как Жиленков подготовил и озвучил «Открытое письмо генералу Рокоссовскому», который, как известно, командовал в то время 1-м Белорусским фронтом^[574].

Акция «Скорпион» оказалась результативной, количество перебежчиков из рядов Красной армии возросло, о чем поставили в известность рейхсфюрера СС. Д'Алькен, по сообщению Штрик-Штрикфельда, предложил Жиленкову возглавить РОА, но генерал-лейтенант это предложение отклонил^[575].

20 сентября 1944 г. Жиленков вместе с генерал-майорами Д. Е. Закутным, В. Ф. Малышкиным и Ф. И. Трухиным был приглашен в Далем, где обсуждались результаты судьбоносной для «Русского освободительного движения» встречи Власова с рейхсфюрером СС Г. Гиммлером. Учитывая значение этой встречи, Жиленков принял участие в разработке структуры Комитета освобождения народов России, а также редактировал Пражский манифест — главный политический документ власовской акции. 14 ноября

1944 г. он подписал манифест и был избран членом Президиума КОНР, возглавил Главное управление пропаганды КОНР[576].

В декабре 1944 г. Жиленков по поручению Власова вел переговоры со Степаном Бандерой об объединении ОУН-УПА с РОА, но в виду антирусской позиции лидера украинских националистов соглашений по принципиальным вопросам не достиг[577].

Жиленков продолжал поддерживать связь с разведкой СС. Одним из таких каналов, по мнению историка С. Чуева, была спецгруппа «Комет», состоявшая из русских следователей и дознавателей СД во главе с В. Майковским[578].

В начале 1945 г. Жиленков получил от Власова задание выяснить в Югославии местонахождение сербских коллаборационистских сил генерала Милана Недича. Кроме этого, 8–10 января он совершил поездку в Братиславу, где был принят президентом Словакии Йозефом Тисо и выступил с докладом в немецко-словацком обществе. В результате визита 27 января 1945 г. в Братиславе было открыто представительство КОНР в Словакии. Одновременно с этим Жиленков, будучи противником службы белогвардейцев в рядах РОА, как утверждает исследователь К. Александров, сорвал переговоры между Власовым и начальником ОРВС генерал-майором А.А. фон Лампе (декабрь 1944 г. — январь 1945 г.), *«не допустив подписания Власовым и публикации в „Воле народа“ соответствующего обращения к офицерам и солдатам бывших Белых армий»*[579].

Высказывается точка зрения, что отношения между Власовым и Жиленковым были далеко не самые лучшие. Главнокомандующий ВС КОНР неоднократно публично и резко критиковал Жиленкова за его антисемитские заявления в печати, противоречившие идейным принципам РОА. В кругу высшего командного состава РОА поднимался вопрос о снятии Жиленкова с должности начальника Главного управления пропаганды, но Власов так и не решился это сделать[580].

На последнем заседании Президиума КОНР Жиленков предлагал эвакуироваться в Испанию, пользуясь симпатиями, проявленными к деятельности Власова генералом Ф. Франко, но большинство членов Президиума отвергло предложение, отказавшись бросать на произвол судьбы солдат и командиров[581].

23 апреля 1945 г. Жиленков получил от Власова последнее задание: установить связь с казачьим станом генерал-майора Т. И. Доманова, а затем по возможности вступить в переговоры с англо-американским командованием, для чего главному пропагандисту КОНР предоставлялись особые полномочия. Но, как показали дальнейшие события, диалог с представителями американской армии оказался безрезультатным, несмотря на попытки Жиленкова «объективно» рассказать о власовском движении[582].

Заметной фигурой в РОА был И. К. Сахаров. Он неоднократно выступал с докладами в пропагандистской школе в Дабендорфе. Летом 1944 г. его назначили на должность оперативного адъютанта Власова. 14 ноября 1944 г. Сахаров находился в Праге, в том же месяце получил звание полковника войск КОНР.

В январе 1945 г. для проверки боеспособности русских частей немецкое командование приняло решение о боевом использовании власовцев против Красной армии. Инициатором акции выступил рейхсфюрер СС. Именно он решил испытать добровольцев, а заодно посмотреть, не перебегут ли они на сторону противника[583].

По приказу Власова и генерал-майора Трухина в кратчайшие сроки (фактически за сутки) был сформирован отряд истребителей танков. Командование подразделением было доверено Сахарову, он же занимался и отбором добровольцев (в чем ему помогал капитан граф Г. Ламздорф, его заместитель). В

«сахаровскую группу», как ее иногда называют, вошли добровольцы из батальона охраны штаба ВС КОНР, курсанты школы в Дабендорфе и солдаты юнкерской роты (три взвода во главе с поручиками П. С. Анихимовским, А. Высоцким и Малым — всего от 50 до 55 человек). Власов выступил перед личным составом отряда с напутственной речью, подчеркнув в ней, что от действий военнослужащих зависит судьба всех русских частей[584].

Подразделение Сахарова прошло трехдневный курс обучения, было хорошо экипировано, вооружено штурмовыми винтовками, автоматами и фаустпатронами. 6 февраля 1945 г. русский отряд прибыл в район, где держала оборону дивизия «Деберитц». Группа Сахарова должна была под покровом ночи подобраться к подготовленному советской 230-й стрелковой дивизией к обороне району вокруг населенных пунктов Ной-Левин, Карлсбизе, Керстенбрух, ведя огонь из автоматов и фаустпатронов, ворваться в населенные пункты и призвать советских солдат прекратить сопротивление[585].

9 февраля 1945 г. подразделение Сахарова приступило к выполнению боевой задачи. В ходе ночной атаки и 12-часового боя власовцам удалось овладеть несколькими населенными пунктами и взять в плен несколько десятков красноармейцев. В последующие две недели личный состав отряда предпринял две разведки боем в районе Шведта и участвовал в отражении танковой атаки около города Старгард. В ходе этих боев подчиненные Сахарова уничтожили 12 танков и захватили в плен трех штабных советских офицеров[586].

Об успешных действиях отряда (особенно в боях за Гюстебизе) было немедленно доложено Гиммлеру. 9 февраля 1945 г. он направил сообщение своему представителю в ставке Гитлера группенфюреру СС Г. Фегеляйну:

«Ознакомьте Вождя вкратце с первым включением в бои власовской части: штабной отряд Власова, 50 человек, под командой русского полковника Сахарова, принял участие в атаке на предмостное укрепление Гюстебизе. Русские наступали с решимостью. Участвовали, прежде всего, в очистке селения Карлсбизе и Ной-Левин (Зитцинг на Одере), увлекли за собой вперед атакующие немецкие группы, а перекликаясь ночью на русском языке, вызвали у большевиков значительную панику... Я намерен последовательно вводить в действие больше таких русских частей»[587].

О действиях отряда Сахарова упомянул в своем дневнике министр народного просвещения и пропаганды рейха Й. Геббельс, отметивший высокий боевой дух русских добровольцев по сравнению с уставшими и измотанными в боях немецкими солдатами, которых, согласно отчетам штаба ВС КОНР, больше всего интересовало обращение красноармейцев с пленными[588].

Потери отряда Сахарова были минимальными, в частности, в боях за населенный пункт Ной-Левин погибло два человека, трое было ранено. Многих бойцов подразделения наградили Железными крестами I и II классов (всего — 36 штук), медалями для восточных народов. Причем за бои в районе предмостного укрепления Шведт награды добровольцам вручил легендарный диверсант, штурмбанфюрер СС Отто Скорцени[589]. Полковник Сахаров за образцовое руководство противотанковой группой, получил Железный крест II класса, помимо этого, рейхсфюрер СС прислал ему в подарок золотые часы[590].

Торжественное собрание в Доме Европы. Берлин. 18 ноября 1944 г. Выступает Г. Жиленков. За ним стоит И. Сахаров

К концу февраля 1945 г. группа Сахарова возвратилась в Берлин и была расформирована. Сахарову, как отличившемуся в боях на Одерском фронте, доверили командование двумя батальонами 714-го восточного пехотного полка, входившего в состав 599-й русской добровольческой бригады в Дании. К концу первой декады марта 1945 г. Сахаров на базе двух батальонов сформировал 1604-й русский пехотный полк. Часть передали в оперативное подчинение боевой группе «Клоссек», созданной в 3-й танковой армии вермахта. Полк находился во втором эшелоне немецкой обороны в районе Гарца. Сахаров настаивал на ведении маневренной обороны, и подразделения его полка старались четко выполнять требования своего командира. Надо сказать, что подчиненные Сахарова 5 апреля захватили в плен несколько красноармейцев, добившись, как отмечает историк К. М. Александров, «редкого в те дни результата». 9 апреля 1945 г. в часть пришел приказ командования группы армий «Висла» о передаче полка в состав 1-й пехотной дивизии войск КОНР генерал-майора С. К. Буняченко[\[591\]](#).

В самом конце войны полк Сахарова (получивший, согласно штатному расписанию дивизии, № 4) принимал участие в Пражском восстании. В дальнейшем часть отступила из Праги на Пльзень, и 11 мая 1945 г. сдала оружие представителям 3-й армии США[\[592\]](#).

В ближайшее окружение Власова также входил К. Г. Кромиади. Возвратившись в Берлин с территории оккупированной Ленинградской области, 2 сентября 1943 г. он был зачислен в штат офицеров штаба бывшего советского генерала. В дальнейшем Кромиади получил должность коменданта штаба, хотя официально числился переводчиком в отделе восточной пропаганды. Разработал систему личной охраны генерала Власова.

Во время посещения Парижа, осенью 1943 г., Кромиади познакомился с полковником С. Н. Красновым и договорился с ним о том, что он поспособствует установлению контактов между Власовым и генералом от кавалерии П. Н. Красновым, возглавлявшим Главное управление казачьих войск. Однако старый генерал от сотрудничества отказался[593].

16 сентября 1944 г., после встречи Власова с Гиммлером, Кромиади назначили начальником личной канцелярии лидера Русского освободительного движения. Константин Григорьевич принимал непосредственное участие в формировании списка кандидатур в члены КОНР, а 14 ноября 1944 г. присутствовал на учредительном заседании комитета в Праге[594].

Обладая прекрасными организаторскими способностями, Кромиади руководил текущими делами председателя Президиума КОНР. В частности, он организовал регистрацию писем, обращений и заявлений, поступавших от восточных рабочих и военнопленных, желавших поступить на службу в РОА, трудоустраивал и переводил русских служащих из ведомственных учреждений рейха в органы КОНР[595].

В декабре 1944 г. Кромиади в качестве личного представителя Власова участвовал в русских общественных собраниях в Силезии, во время которых пропагандировал идеи РОА, выступал с речами, разъясняющими цели и задачи Комитета освобождения народов России.

В феврале 1945 г., когда состоялась эвакуация сотрудников КОНР из столицы Рейха, Кромиади продолжал оставаться в Берлине. Им было организовано оформление документов, предоставлявших право покинуть город всем желающим соотечественникам. В том же месяце он выехал в Карлсбад (Карловы Вары)[596].

9 апреля 1945 г. Власов назначил Кромиади начальником эшелона гражданских служащих КОНР. С этим эшелоном он выехал из Карлсбада в Ванген, однако из-за налета американской авиации вынужден был остановиться в Мариендабе (Марианские Лазни). 16 апреля, находясь с эшелоном на железнодорожной станции Пльзень, Кромиади попал под удар американской бомбардировочной авиации, получил тяжелое ранение и ожоги. С помощью военнослужащих КОНР ему удалось добраться до баварского города Фюссена, где он был срочно госпитализирован[597].

24 апреля 1945 г. Кромиади в последний раз видел Власова. Главнокомандующий ВС КОНР наделил Кромиади особыми полномочиями: он должен был встретиться с представителями союзного командования, донести до них содержание Пражского манифеста и политические цели комитета, и добиться гарантий предоставления политического убежища для всех служащих КОНР, включая солдат и офицеров. Кромиади предлагал Власову переждать некоторое время, чтобы не попасть в руки Красной армии, но Власов не посчитал нужным принять этот совет. Он продолжал верить, что Великобритания и США не выдадут его Советскому Союзу, и надеялся, что РОА будет спасена и станет единственной реальной силой, когда произойдет неизбежное столкновение между Западом и Востоком. Однако Власов глубоко заблуждался, а Кромиади убедился в нежелании американцев обсуждать какие-либо политические вопросы, касающиеся судьбы военнослужащих ВС КОНР, что явилось недобрым предзнаменованием, указывавшим на скорую трагедию РОА[598].

Торжественное собрание в Доме Европы. Берлин. 18 ноября 1944 г. Выступает А. Власов. За ним стоит И. Сахаров

Помимо Баерского, Жиленкова, Сахарова и Кромиади, во власовском проекте приняли участие и многие другие «осинторфовцы». Так, Сергей Никитич Иванов, первый руководитель РНА, ставший сотрудником СД и штурмбанфюрером СС (принят в РОА в чине майора), в феврале 1945 г. возглавил в районе Братиславы разведывательную школу войск КОНР (которая лично подчинялась генерал-майору Ф. И. Трухину). Школа готовила разведчиков и диверсантов для совершения терактов над высшим командным составом Красной армии. В апреле 1945 г. школа переехала в окрестности г. Моннзее в 30 км от Зальцбурга. После капитуляции Германии личный состав школы перешел в американскую оккупационную зону[\[599\]](#).

Советский публицист Г. Анзимилов в характерной для него площадно-хамской манере так пишет об инициаторе проекта «Граукопф»: «Сергей Иванов еще в конце 1942 г. был отозван в Берлин за растрату казенных денег. Этот человек подвизался впоследствии на должности начальника одной из разведшкол. В 1945 г. он с радостью сдался американским войскам. Собака нашла себе нового хозяина»[\[600\]](#).

Рудольф Риль (Кабанов), также одно время возглавлявший РНА, окончил школу пропагандистов в Дабендорфе и дослужился в РОА до звания полковника. В декабре 1944 г. его назначили заместителем начальника оперативного отдела штаба ВС КОНР, а в начале января 1945 г. — исполнявшим обязанности старшего офицера связи между генералом Власовым и штабом войск КОНР. В феврале 1945 г. Риль по совместительству занимал должность начальника 1-го отделения оперативного отдела штаба войск КОНР[\[601\]](#).

Иван Матвеевич Грачев, командовавший в РННА II батальоном, перейдя в РОА, стал начальником разведывательного отдела штаба ВС КОНР и в феврале 1945 г. получил звание подполковника. Грачев организовал успешную заброску в тактический тыл советских войск нескольких разведывательных групп. Войну он закончил в районе Крумлау (Чешский Крумлов), сдавшись вместе с сотрудниками штаба представителям 3-й армии США[602].

Николай Иванович Коровин, который командовал 633-м батальоном в составе 700-го полкового штаба, в декабре 1944 г. был переведен в офицерский резерв при штабе ВС КОНР. В дальнейшем Коровина назначили на должности заместителя начальника оперативного отдела штаба ВС КОНР. Весной 1945 г. он получил звание подполковника РОА. 9 мая 1945 г. Коровин сдался вместе со штабом в плен представителям 3-й армии США[603].

Николай Петрович Николаев, бывший командир 635-го батальона, входившего в состав 700-го полкового штаба восточных войск особого назначения, активно участвовал в формировании 1-й пехотной дивизии РОА. Николаев уделял большое внимание подготовке офицеров штабного звена, занимался боевой выучкой личного состава и созданием дивизионного штаба (включая органы разведки и контрразведки). В феврале 1945 г., занимая должность начальника штаба дивизии, Николаев получил звание подполковника ВС КОНР, участвовал в разработке и осуществлении боевых операций соединения, в том числе Пражской, когда бойцы РОА пришли на помощь восставшим. 12 мая 1945 г., после вынужденного роспуска дивизии, он оставался вместе с Власовым и Буняченко в американском плену, до выдачи советской стороне[604].

Арсений Петрович Демский, одно время командовавший в РННА II батальоном, также в конце войны оказался в РОА. В апреле 1945 г. ему присвоили звание подполковника и назначили на должность заместителя начальника командного отдела штаба ВС КОНР. В конце войны он сдался вместе со штабом в плен представителям 3-й армии США[605].

Во власовском эксперименте приняли участие и такие «осинторфовцы», как М. И. Головинкин (в ВС КОНР — подполковник), И. Г. Юнг (майор ВС КОНР), П. В. Каштанов (капитан ВС КОНР), граф Г. П. Ламсдорф (капитан ВС КОНР), В. А. Ресслер (сотрудник СД с апреля 1942 г., с ноября 1944 г. — личный переводчик генерала Власова, по-видимому, в качестве прикрытия носил звание обер-лейтенанта вермахта)[606].

Таким образом, «осинторфская группа» офицеров, тесно связанная с германскими спецслужбами (вначале с абвером, затем — с СД), оказала серьезное влияние на появление и становление РОА. Занимая в Комитете освобождения народов России и в его Вооруженных силах разные должности, имея доступ к ближайшему окружению генерала А. А. Власова, бывшие руководители РННА сыграли заметную роль во власовском проекте. Их знания и опыт, полученные на оккупированной территории Советского Союза, а также связи, приобретенные в процессе взаимодействия с военной разведкой и «Черным орденом», использовались главным командованием ВС КОНР.

Разумеется, в рамках своей деятельности, направленной на создание «Русской освободительной армии», представители «осинторфской группы» действовали, исходя из своего положения. Многие из них, как было показано выше, обладали прекрасными организаторскими способностями, охотно шли на сотрудничество с различными немецкими органами (по большей части с разведкой и пропагандистскими структурами), заинтересованными в контактах с русскими коллаборационистами. Итак, бывшие «осинторфовцы» оказались важным элементом власовского проекта, хотя в некоторых случаях их деятельность вызывала критику со стороны руководителей ВС КОНР.

Заключение

Проект по созданию Русской национальной народной армии окончился крахом задолго до того, как отгремели залпы Второй мировой войны. В силу различных обстоятельств, командиры и рядовые бойцы РННА оказались разбросаны по всей Европе: офицеры-эмигранты поступили в распоряжение эсэсовской разведки, а в конце войны оказались во власовском движении, часть личного состава несла службу в восточных батальонах во Франции, кто-то перебежал к партизанам...

Дальнейшие, послевоенные судьбы «осинторфовцев», в общем-то, схожи с судьбами других русских коллаборационистов.

Г. Н. Жиленков оказался на одной скамье подсудимых с генерал-лейтенантом А. А. Власовым. 1 августа 1946 г. решением Военной коллегии Верховного суда СССР он был лишен советского воинского звания и приговорен к смертной казни через повешение с конфискацией имущества.

Р. Ф. Риль в конце войны оказался в американском плену, но в апреле 1946 г. был насильственно репатриирован в советскую зону оккупации, а затем вывезен в СССР. 31 декабря 1946 г. Военным трибуналом Московского военного округа он был лишен советского воинского звания и осужден к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 3 марта 1947 г.[\[607\]](#)

Еще один бывший командир РННА, В. Г. Баерский, еще в мае 1945 г. был повешен партизанами советско-чешского отряда «Смерть фашизму» капитана Е. А. Олесинского[\[608\]](#).

Большинство офицеров-эмигрантов, прибывших на Восточный фронт в марте 1942 г., а также незначительное число бывших командиров РННА из числа советских военнопленных, сумели остаться на Западе. Некоторые из них продолжили борьбу с советской системой: С. Н. Иванов и И. М. Грачев поступили на службу в американскую разведку, К. Г. Кромиади работал на радиостанции «Свобода»[\[609\]](#), активными членами различных эмигрантских организаций стали П. В. Каштанов и И. К. Сахаров[\[610\]](#).

Священник Гермоген Кивачук с 1945 г. служил в лагерях для перемещенных лиц в Германии, натурализовался в ФРГ, был возведен в сан архимандрита. В 1960-е гг. он служил в Лондоне, а последние свои годы провел в Риме[\[611\]](#).

Некоторые «осинторфовцы», такие, как В. С. Соболевский и С. С. фон дер Пален отошли от политической деятельности. А. А. Воронцов-Дашков вступил во Французский иностранный легион, где дослужился до командира взвода. Сражаясь в Индокитае, он попал в плен и в сентябре 1952 г. умер в ханойском госпитале[\[612\]](#). Г. П. Ламсдорф эмигрировал во франкистскую Испанию, за которую сражался в 1936–1939 гг. Судя по всему, он пережил всех своих бывших соратников: он ушел из жизни 18 марта 2004 г. в Барселоне...

Бывший пункт постоянной дислокации соединения «Граукопф», Осинторф, и поныне продолжает оставаться типичным белорусским поселком городского типа, правда торфоразработки здесь давным-давно не ведутся. Еще во время войны поселок почти полностью сгорел, было уничтожено и все оборудование предприятия[\[613\]](#). Кроме нескольких двухэтажных строений в центральном поселке Осинторфа, сегодня мало что напоминает о рассказанных в этой книге драматических событиях...

Приложения

Приложение 1

Спецсообщение руководителя оперативно-чекистской группы НКВД по БССР в НКВД СССР о добровольном переходе в партизанскую бригаду К. С. Заслонова 80 человек из так называемой Русской национальной народной армии. Сентябрь 1942 г.

Действующая на территории Витебской области оперативная группа (начальник группы Новиков [в сноске — Новиков К. И. — начальник оперативной группы НКВД по БССР, действовавшей в годы Великой Отечественной войны на территории Витебской области]) сообщает, что 18 августа с.г. из Осинторфа [в сноске — Осинторф расположен в 35 км северо-восточнее г. Орша] добровольно перешли в партизанскую бригаду Заслонова из созданной немецким командованием «Национальной добровольческой армии» («Москва») 80 человек.

В группу входят бывшие красноармейцы, возглавляемые ст. лейтенантом РККА Максютиным.

При переходе в партизанскую бригаду группа захватила с собой 3 миномета, 25 пулеметов, 5 автоматов, 50 винтовок и радиостанцию с немецким кодом.

От участников группы получены разведывательные данные о работе гестапо по переброске десантных групп в наш тыл, а также данные о формировании немецким командованием «национальной армии».

Руководитель оперативно-чекистской

Группы НКВД по БССР

Комиссар государственной безопасности 3 ранга

Цанав

Источник: Органы государственной безопасности СССР... Т. 3. Кн. 2. М., 2003. С. 317–318.

Приложение 2

Из директивы НКВД СССР № 558 о порядке предоставления материалов и информации о деятельности созданных немцами «национальных формирований» от 11 декабря 1942 г.

Всем начальникам особых отделов фронтов и армий

Из имеющихся в НКВД СССР агентурно-следственных и других материалов видно, что органы германской разведки с первых же месяцев войны пытаются создать разного рода антисоветские формирования на временно оккупированной немцами советской территории. Особое внимание ими уделяется созданию войсковых формирований из числа военнопленных и предательских элементов русской, украинской, грузинской, армянской азербайджанской и татарской национальности.

В целях противодействия мероприятиям в этой области и правильного осуществления контрмероприятий с нашей стороны необходимо иметь максимально подробную информацию о всех так называемых «национальных формированиях», создаваемых немцами, действующих или дислоцирующихся против участка вашего фронта.

Предлагаю:

1. Не позднее 10 января 1943 г. все имеющиеся материалы о деятельности так называемой «Русской национальной армии», «украинских батальонов», казачьих частей, легионов и отрядов, составленных из закавказских, северо-кавказских, татарской и других национальностей, направить в Управление особых отделов...

Источник: Органы государственной безопасности СССР... Т. 3. Кн. 2. М., 2003. С. 525.

Приложение 3

Из спецсообщения руководителя оперативно-чекистской группы НКВД по БССР № 07 в НКВД СССР о немецком военном формировании «Русская национальная народная армия» и мероприятиях по ее разложению от 2 января 1943 г.

Доношу разведывательные данные о формировании немецким военным командованием на временно оккупированной ими территории Белоруссии «Русской национальной народной армии».

По сообщению нашей разведывательной агентуры, действующей в тылу противника по заданию оперативно-чекистской группы НКВД по БССР, немецкое командование в целях усиления борьбы с партизанским движением и укрепления полицейского режима в городах и селах Белоруссии в начале 1942 г. создало новый карательный орган, назвав его «Русская национальная народная армия» (РННА).

Комплектование РННА немецкое командование производит в основном из числа военнопленных и дезертиров РККА.

Во главе РННА немцами поставлен совет из 5 человек, в который вошли прибывшие в Белоруссию белогвардейцы-эмигранты — бывший полковник Санин, Белов, Иванов Иван Игнатьевич (начальник штаба).

РННА разбита на 3 батальона, которым в целях конспирации даны условные названия: 1-му батальону, размещенному в 7-м п. Осинторф (Витебская область) [в сноске — поселок городского типа Осинторф образован в 1938 году. Административно-территориально входил в Дубровенский район Витебской области], присвоено название «Волга»; 2-му батальону, размещенному в г. Шклов [в сноске — город Шклов, районный центр Могилевской области Белорусской ССР], присвоено название «Москва» и 3-му батальону, размещенному в центральном п. Осинторф, присвоено название «Урал».

В состав 3-го батальона входят 7, 8 и 9-я стрелковые роты, минометный взвод, взвод связи и разведывательный взвод.

Численность батальонов «Волга» и «Урал» составляет 850 человек. Солдаты РННА обмундированы в красноармейскую форму: брюки летние и диагоналевые, кители, пилотки. Командный состав носит погоны, на них знаки различия Красной армии, то есть квадраты, прямоугольники. Кокарды из формы бывшей царской армии, центр кокарды эллипсообразный, красного цвета.

В РННА установлен следующий режим и распорядок дня: подъем в 6 часов утра, физзарядка, завтрак, занятия по строевой и специальной подготовке, обед, мертвый час, затем личное время, ужин и отбой. Все занятия проводятся бывшими командирами Красной армии по принципу устава РККА.

Солдатам РННА выплачивается по 300 рублей в месяц — три раза в месяц по 100 рублей... Продуктовых и промтоварных магазинов на территории РННА нет. Иногда солдатам отпускаются за деньги со складов табак и сигареты. Массово-политическая работа среди солдат не проводится. Хождение за пределы лагеря запрещается. За проступки солдат подвергают избиению розгами перед строем.

Получив сведения о том, что среди солдат РННА стало усиливаться недовольство своим командованием, участились разговоры среди отдельных солдат, что они воевать с партизанами не будут и не хотят быть карателями, оперативно-чекистская группа НКВД по Витебской области через своих агентов «Софью» и «Валю» провела агентурную обработку командира роты РННА, бывшего старшего лейтенанта РККА, Максютин на предмет выхода его в советский тыл.

Максютин дал согласие и после проверки настроения своей роты вывел ее в полном составе с

оружием в распоряжение партизанской бригады Бойко — Бати [в сноске — Бойко Василий Устинович («Батя») (1892 —?) — командир Богушевской партизанской бригады, действовавшей в 1942 г. на временно оккупированной противником территории Витебской области. В начале ноября 1942 г. выбыл в советский тыл. Награжден орденом Красной Звезды].

Кроме роты Максютин на сторону партизан перешли подразделения разведроты и целый ряд других групп. Немецкое командование в связи с переходом части подразделений РННА на сторону партизан остальных разоружило, а часть репрессировало и заключило в лагерь.

Кроме того, через агента Валю проводилась подготовка перехода на нашу сторону другой большой группы солдат РННА.

С этой целью Валя через местного жителя, который занимался самогонварением, в связи с чем к нему собирался командный состав РННА, познакомилась с лейтенантом РННА Семеновым, которому на одной из встреч заявила, что она партизанка, и предложила ему от имени партизан переходить к ним. Семенов дал согласие, сообщил, что у них в РННА есть много людей, которые готовы бороться с немцами и перейти на сторону партизан, что таких лиц якобы наберется до 500 человек.

Семенову было дано задание: взорвать склад с боеприпасами, перебить руководство РННА и находящихся там немцев, после чего перейти на сторону партизан. Через несколько дней после дачи Семенову этого задания к партизанам прибежал один солдат из РННА, который рассказал, что у них подготавливался взрыв склада и побег 500 солдат и что этим делом якобы руководил капитан (фамилия солдату неизвестна), но немцы каким-то образом раскрыли это дело, капитана и старшего лейтенанта (фамилия также ему неизвестна) расстреляли. Не исключена возможность, что Семенов оказался предателем.

Агентурная работа по разложению солдат РННА и обработка их для перехода на нашу сторону продолжается. Агент «Валя» из разговора с командирами РННА во время их попойки... установила, что в Осинторфе создана школа гестапо, которая готовит разведчиков для засылки в тыл СССР. В школу набирают местных жителей, а также солдат РННА...

Эти сведения перепроверены через агента «Софью» и перешедшего к партизанам солдата РННА Корнева.

Руководитель оперативно-чекистской группы НКВД по БССР

комиссар государственной безопасности 3-го ранга

Цанав

Источник: Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1..М... 2008. С. 19–21.

Приложение 4

Из докладной записки особого отдела НКВД Северо-Западного фронта № 0343/КРО в НКВД СССР о формировании немцами воинских частей из советских военнопленных от 6 января 1943 г.

...В г. Орше Смоленской области расположен немецкий штаб, который занимается формированием так называемой Русской армии из советских военнопленных, содержащихся в Смоленском, Витебском и Оршанском лагерях. Сформированные подразделения изучают материальную часть всех видов русского и немецкого вооружения. В течение двух месяцев штаб укомплектовал и обучил воинские подразделения пленных в количестве 600 человек.

Из показаний арестованных агентов немецкой разведки видно, что подготовленные национальные воинские части из советских пленных использовались немецким командованием в боевых операциях на фронтах....

...В конце мая сего года отряд русских военнопленных в количестве 208 человек, прошедших курсы боевой подготовки, был отправлен из г. Орши на участок фронта в районе г. Вязьмы для ликвидации действующих отрядов Белова [в сноске — вероятно, речь идет о Белове Павле Алексеевиче (1897–1962) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). В Красной армии — с 1918 г. В ходе войны на Юго-Западном, Брянском, Центральном, 2-м Белорусском, 3-м и 1-м Прибалтийских и 1-м Белорусском фронтах; командующий 2-го (позже 1-го гвардейского) кавалерийского корпуса (июнь 1941 г. — июль 1942 г.), действовавшего в районе г. Вязьмы. С июня 1942 г. до конца войны — командующий 61-й армией.]. С операции вернулось только 80 человек, остальные убиты или перешли на сторону Красной армии.

Работой по организации воинских частей из русских военнопленных в районах Смоленщины [в сноске — в 4 км от г. Смоленска, в помещении бывшей МТС, располагалась Смоленская диверсионная школа] занимается русский белоэмигрант Обухов Сергей Иванович. Штаб так называемой Русской армии, которым руководит Обухов, до половины 1942 г. находился в г. Орша.

Организаторы и руководители таких формирований ведут усиленную работу по воспитанию личного состава частей в антисоветском духе. Фашистская пропаганда провокационными методами пытается разжечь националистические чувства...

Источник: Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 51–52.

Приложение 5

Из докладной записки НКГБ БССР в НКГБ СССР о работе в тылу противника оперативно-чекистской группы НКВД по Белоруссии с 5 января 1942 г. по май 1943 г. от 17 мая 1943 г.

...Часть агентуры, завербованной из числа рабочих железнодорожного транспорта противника, принимала активное участие в подготовке и совершении крупных диверсий на железнодорожных путях противника. С помощью агентуры, насажденной в созданных немецким командованием различных воинских формированиях, успешно проводятся намеченные мероприятия по их разложению. Так, например, в результате проведенной агентурной комбинации по «Русской национальной народной армии» (РННА) на нашу сторону перешла рота солдат РННА в составе 90 человек в полном боевом вооружении — 23 пулемета, 3 миномета, 90 винтовок, 4 автомата, радиостанция и боеприпасы. Аналогичная работа была проведена и в ряде полицейских отрядов...

Источник: Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 480.

Приложение 6

Приказ полковника Коретти о проведении операции «Березино — Могилев»

700-й полковой штаб

восточных войск особого назначения

(Место дислокации указано неразборчиво)

20.12.42

Приказ об операции «Березино — Могилев»

1) Во время операции 22.12. было установлено, что в нашем тылу действуют сильные банды Баранова, который собирает свои разрозненные части в лесном лагере южнее Шабовки.

Необходимо окружить базы противника в районе Колбча, Голинка и Шабовка.

Также нужно иметь в виду охранение и разведку противника, которые предположительно действуют в направлении Каменный — Борок, а также в районе Дулебо — Забродье.

2) В операции «Березино — Могилев» принимают участие:

Батальон СС «Дирлевангер» в составе 1-й немецкой и 2 русских рот, 1 мотоциклетного взвода, 2-х разведывательных бронетранспортеров, а также I моторизованный батальон СС.

Подполковник Коровин с 633-м батальоном в составе штабной и 2 охранных рот, 2 разведывательных бронетранспортеров. 634-й батальон в составе штабной и 2 охранных рот на санях.

Командир службы порядка Шевчук с 50 полицейскими, подчиненными I батальону (633-му).

12-я моторизованная рота Восточных войск — резерв, остается в моем распоряжении.

3) 28.12 до 15.00 необходимо достичь исходного района, а именно:

Боевая группа 634 (II батальон) на санях — Руденка;

Боевая группа I батальона, усиленная за счет службы порядка, — Курганье;

Боевая группа «Дирлевангер» — Березино;

12 рота — резервная, в Березино.

4) 29.12 все силы выступают из исходного района в 6.15:

а) Боевая группа «Дирлевангер». Маршрут: Руденка — Каменный — Борок — Дубровка — Матевичи — Колбча — мельница, где находится передовой пункт связи, западнее 1,5 км перекрестка дорог. Отметка 171, 2 (4 км к юго-востоку от Голинки);

б) Боевая группа II батальона (634)

Каменный — Борок — Дубровка — Матевичи — Голика, в 3 км от перекрестка дорог восточнее Голинки. Боевое охранение выставляется в Голинке и Шабовке.

с) Боевая группа I батальона (633)

Забродье — Дулебы — Толстица, отметка 172, 7, выставляется боевое охранение в Дашнице, Дулебы и Толстице.

5) Задача:

Боевые группы должны подавить сопротивление противника с помощью фронтального огня тяжелого вооружения, а также сопротивление очагов противника на флангах и с тыла. Боевые группы осуществляют тесное взаимодействие, предусматривая действия против более сильных подразделений противника.

Цель наступления 29.12 для всех боевых групп — лесные лагеря противника, отметка 165,6, где боевые группы встречаются, устраиваются на ночлег, после которого уничтожают лагеря противника.

30.12. после уничтожения противника. Выйти из лагеря противника под усиленным охранением и тем же самым маршрутом возвратиться обратно.

Боевая группа I батальона возвращается со своими подразделениями к своему месту дислокации через Погост.

6) 12-я рота остается в Березино, готовой к выходу, направляется отчет в русский полк.

7) Опознавательные знаки.

а) все участники операции (а также гражданские водители саней) носят на левом плече белую повязку.

б) опознавательный сигнал: выстрел сигнальным патроном означает вопрос («Где ты?»), а также ответ («Я со своими войсками»).

с) Пароль: Березино. Отзыв: Могилев.

8) Связь

Боевая группа «Дирлевангер» с немецкой радиостанцией (100 Ватт) посылает сообщения на передовой пункт связи в район мельницы (2 км к западу от Голинки), откуда поддерживается радиосвязь с Березино.

Боевые группы I и II батальонов с русской аппаратурой поддерживают контакт через звездную систему связи о выдвижении в Березино.

I батальон, после достижения Дулебы, устанавливает связь с разведывательными бронетранспортерами через передовой пункт связи в районе мельницы (Голинка).

Также отправляет сообщения и II батальон.

9) Необходимо взять питание для войск на марше на 3 дня.

10) Раненых эвакуировать в Березино.

Подпись: Коретти,

полковник и командующий Восточными войсками

Рассылка приказа: 1 штурмбанфюреру Дирлевангеру

1 командиру русского полка

1 сообщение офицеру 633-го батальона

1 сообщение офицеру 634-го батальона

1 проект приказа

Источник: Befehl für das Unternehmen Beresino — Mogilew, 26.12.42, Washington, D.C.: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650.

Приложение 7

Приказ полковника Коретти о проведении операции «Франц»

Командный пункт. Старые Речки, 11.1.43

12.00

Банды противника на лесной территории вокруг Гродзянки и Маковье уничтожены либо рассеяны.

Потери противника на настоящее время составляют около 1000 убитых бандитов и 400 подозреваемых в связях с бандами. Были захвачены: 3 орудия, большое количество оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, около 100 лошадей с седлами и 80 саней.

Боевая группа «Север» удерживает район, который граничит:

на востоке — с рекой Березиной,

на севере — с шоссе Березино — Червень,

на западе — с рекой Свислочью,

на юге — с прежней разграничительной линией боевой группы «Готтберг» или с рекой Свислочью.

Зачистка этой области начнется 12.1. в 3 часа дня по частям — с юга на север.

Найденные группой бандитские лагеря уничтожить и доложить. Сельскохозяйственную продукцию нужно зарегистрировать, и провести необходимую агитацию среди рабочей силы, захваченной для Рейха. Учетом рабочих рук занимается команда наблюдателей.

Всех заподозренных в связях с бандами людей отвозить в дулаг или шталаг.

Прочесывание:

634-й восточный батальон. Полоса наступления: справа — река Березина, слева — Старые Речки — Малиновка — Головные Ляды — Богушевичи — Новинки — Старая Марьяновка; все населенные пункты включительно.

633-й восточный батальон. Полоса наступления: слева — Колейна — Тадуличи — Старые Дороги — Задобричи — Новый Будков — Матусова Голова — Большая и Малая Ганута — Барановка — Луница — перекресток шоссе юго-восточнее Смолярная; все населенные пункты включительно.

57-й батальон вспомогательной полиции (фронтовой). Полоса наступления: слева — Ясвенки — Новые Ляды — Грабок — Климов Лог — Велесичи — смолокурня, отметка 178,4 (все населенные пункты включительно).

Особый батальон СС «Дирлевангер». Полоса наступления: слева — Осдришичи — Кобзевичи — Горская Слобода — Красный Восход — Золочища — Новинки — Дерти Первые — Федоровск (все населенные пункты включительно).

I батальон 24-го полицейского полка. Полоса наступления: Старая Дубрава — Онуфриево — Хорошие Репишичи — Ясная Поляна — Хорошие Усочи — Празнишичи — Тучное — Абринец — Хвойники (все населенные пункты включительно).

Задача дня:

12.1. Городищи (рядом с Березиной) — Осмолровка — Устье — Дубовый Лог — Новый Будков — Красная Слобода — Парижская Коммуна — Великополье — Новоселье...

13.1 ...(по команде, Березина) — ...Борки — Богушевичи — Мостки — Большая Ганута — Велесичи — Кульбаки — Заболотье — Красный Пальчик.

14.1. шоссе Березино — Червень.

Особый батальон СС «Дирлевангер» должен, прежде всего, установить, где в лесу юго-восточнее Новоселья находится бандитский лагерь, и уничтожить его полностью.

57-й батальон вспомогательной полиции (фронтвой) проверяет 12.1 до 10.00 подступы к разрушенному мосту севернее Петровки, включая пути подхода и отхода мостостроительных войск.

Запланированные сообщения из батальонов подать 11.1. к 17.00.

Оперативные сводки подавать ежедневно до 19.00. О специальных мероприятиях сообщать от случая к случаю. Приказ о выводе или переброске подразделений будет подготовлен заранее.

III батальон 2-го полицейского полка с 12.1. выведен из боевой группы «Север» и действует самостоятельно в районе Гродзянка. Из III-го батальона 2-го полицейского полка выделены команды для других подразделений, которые до 18.00 11.1 оставляют Старые Ляды.

Батальоны, отдельные роты и артиллерийские батареи докладывают о завершении мероприятий 16.1 в боевую группу «Север».

Командный пункт боевой группы «Север».

12.1 с 14.00 — в Петровке (8 км южнее населенного пункта Хутор).

Пароль:

11.1.43 — «Цезарь» 15.1.43 — «Крит»

12.1.43 — «Нерон» 15.1.43 — «Бухарест»

13.1.43 — «Александр» 17.1.43 — «Корсика»

14.1.43 — «Наполеон» 18.1.43 — «Америка»

Подпись: Коретти,

полковник

Рассылка документа:

I батальон 24-го полицейского полка

Особый батальон СС «Дирлевангер»

III батальон 2-го полицейского полка

57-й батальон вспомогательной полиции (фронтвой)

Командующий Восточными войсками

Источник: Die Feindbanden im Waldgelände... Gef.St. Alt-Retschki, 11.1.43, Washington, D.C: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650.

Список источников и литературы

Архивные материалы

— Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 69 — Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования ((ЦШПД), 1942–1944 гг.). Опись 1. Дела: 739, 818, 853.

— Bundesarchiv. R 55 [Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda] / 21347. S. 1–2.

— Harvard Project on the Soviet Social System (HPSSS). Schedule B, Vol. 10, Case 219 (interviewer A.D.). Widener Library, Harvard University, Cambridge, MA. 13 p.

— HPSSS. Schedule B, Vol. 2 [Miscellaneous topics], Case 220 (interviewer H.D.). Widener Library, Harvard University, Cambridge, MA.

— National Archives of the United States, Washington D. C. Microfilm Publication T-354, Records of the Waffen-SS. Reels 649, 650.

Мемуары и дневники

- Акушевич Е. Г.* Огни в родных лесах. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: «Беларусь», 1987. 206 с.
- Амиров Г. С.* Непокоренная земля. Алма-Ата: «Казахстан», 1975. 160 с.
- Белов П. А.* За нами Москва. М.: «Воениздат», 1963. 336 с.
- Гейбельс Й.* Дневники 1945 года: Последние записи. Смоленск: «Русич», 1993. 416 с.
- Гелен Р.* Служба / Пер. с нем. — М.: «Терра», 1997. — 284 с.
- Гроссман Х.* Ржевский кошмар глазами немцев. М.: «Яуза-пресс», 2010. 256 с.
- Жулянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И.* Без линии фронта. 2-е изд., испр. и доп. Минск: «Беларусь», 1979. 382 с.
- Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С.* Ненависть, спрессованная в тол. М.: «Мысль», 1991. 331 с.
- Казанцев А. С.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. 1941–1945. 4-е изд., испр. М.: «Посев», 2011. 336 с.
- Казицкий А.* Коварство «Седой головы» / Динамовцы в боях за Родину. Кн. 3. М.: Центральный совет ВФСО «Динамо»; Изд-во «Физкультура и спорт», 1985. С. 131–137.
- Казицкий А.* Солдаты Дзержинского / Чекисты рассказывают. Кн. 4. / Сост. И. И. Шмелев. М.: «Советская Россия», 1979. С. 247–260.
- Калинин П. З.* Партизанская республика. М.: «Воениздат», 1964. 336 с.
- Китаев М.* Русское Освободительное Движение / Материалы к истории освободительного движения народов России (1941–1945). Вып. I. Лондон (Онтарио), 1970. 79 с.
- Котов Л. В.* На земле смоленской / Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Сборник статей. М.: «Госполитиздат», 1963. С. 123–174.
- Кромиади К. Г.* «За землю, за волю!». Воспоминания соратника генерала Власова. М.: «Вече», 2011. 336 с.
- Кромиади К. Г.* Русская Национальная Народная Армия / «Новый журнал» (Нью-Йорк), 1975. Кн. 120. С. 195–212.
- Крушинский А.* Взрывы над Днепром. М.: «Госполитиздат», 1963. 136 с.
- Ливенцев В. И.* Партизанский край. Минск: «Беларусь», 1969. 400 с.
- Лобанок В. Е.* Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Выпуск первый. Третье, исправленное и дополненное издание. М.: «Политиздат», 1970. С. 72–121.
- Лобанок В. Е.* Неугасимое пламя народной войны / Непокоренная Белоруссия. Воспоминания и статьи о всенародном партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: «Воениздат», 1963. С. 56–96.
- Мачульский Р. Н.* Вечный огонь. Партизанские записи / Лит. обраб. А. Колосова. 3-е изд, доп. и перераб. Минск: «Беларусь», 1978. 446 с.
- Первая партизанская: 1-я Смоленская партизанская дивизия / Сост. Н. Ф. Юдин; Лит. запись Я. Д. Файншмидта; Предисл. С. С. Бельченко. М.: «Московский рабочий», 1983. 352 с.

- Полчанинов Р. В.* Молодежь русского зарубежья. Воспоминания 1941–1951. М.: «Посев», 2009. 416 с.
- Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив» (Москва). 2005. № 5 (65). С. 56–77; № 7 (67). С. 5–20; № 8 (68). С. 3–22; № 9 (69). С. 27–43.
- Райле О.* Секретные операции Абвера. Тайная война немецкой разведки на Востоке и Западе. 1921–1945. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2010. 510 с.
- Сабуров А. Н.* За линией фронта (Партизанские записи). Книга первая: Партизанский край. М.: «Воениздат», 1953. 320 с.
- Сабуров А. Н.* Силы неисчислимы. М.: «Воениздат», 1967. 288 с.
- Сабуров А. Н.* У друзей одни дороги. М.: «Воениздат», 1963. 270 с.
- Сабуров А. Н.* У друзей одни дороги. М.: «Воениздат», 1975. 252 с.
- Самутин Л. А.* Я был власовцем... СПб.: Изд-во «Белое и черное», 2002. 320 с.
- Севостьянов Г. Н., Жуковская В. И.* За линией фронта. Минск: «Беларусь», 1981. 238 с.
- Смысловский Б. А.* Первая русская национальная армия против СССР. Война и политика. М. «Вече», 2011. 400 с.
- Стеенберг С.* Власов. Мельбурн: «Русский дом», 1974. 256 с.
- Тамаркин В. Л.* Это было не во сне Воспоминания. М.; Иерусалим: Журналистское издательское агентство «ЖАГ-ВМ», 2002. 368 с.
- Терентьев А. В.* В прифронтовой полосе. Минск: «Беларусь», 1990. 271 с.
- Фрелих С.* Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным / Предисл. А. Хилльгрубера. Köln: Markus Verlag, 1990. — 400 с.
- Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика / Пер. с англ. — М.: СП «Дом Бируни», 1991. 400 с.
- Шмуглевский С. П.* Рядовые подполья. Минск: «Беларусь», 1971. 144 с.
- Шмуглевский С. П.* Юность, обожженная войной: из истории Осинторфского антифашистского подполья и блокадных боев Ушачско-Лепельской партизанской зоны (1941–1944). Молодечно: Типография «Победа», 2005. 344 с.
- Штеенберг С.* Генерал Власов. М: Изд-во «Эксмо», 2005. 320 с.
- Штрик-Штрикфельд В. К.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. 3-е изд. М: «Посев», 1993. 440 с.

Сборники документов и опубликованные источники

Белик И. К., Шумилова Е. В. О борьбе советских органов госбезопасности с немецкими спецслужбами. Докладная записка начальника УНКГБ СССР по Ленинградской области П. Н. Кубаткина. 1943 г. / «Исторический архив» (Москва), 2003. № 1. С. 48–72.

Великая Отечественная война: день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 2. Срыв плана «молниеносной войны». 1 октября — 31 декабря 1941 г. М.: «Воениздат», 2008. 472 с.

Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Документальная экспозиция / Под ред. Р. Рюрупа. Берлин: «Аргон», 1994. 288 с.

Война 1941–1945. Факты и документы / Под ред. Е. Н. Кулькова, М. Ю. Мягова, О. А. Ржешевского. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 479 с.

Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Документы и материалы в трех томах. Т. 1: Зарождение и развитие партизанского движения в первый период войны (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.). Минск: «Беларусь», 1967. 744 с.

Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Документы и материалы в трех томах. Т. 2. Кн. 1: Развитие всенародного партизанского движения во второй период войны (ноябрь 1942 г. — декабрь 1943 г.). Минск: «Беларусь», 1973. 680 с.

Все судьбы в единую слиты... По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / Авторы-составители: Н. Г. Емельянов, А. М. Дедков, О. В. Виноградова, Г. В. Гаврилова, В. А. Кононов. Смоленск: «Маджента», 2003. 152 с.

Допрос генерал-лейтенанта Лукина Михаила Федоровича командующего 19-й армией / «Военно-исторический архив». 2002. № 6 (30). С. 146–153.

Из плана мероприятий Главного управления имперской безопасности Германии (РСХА) по созданию специального разведывательно-диверсионного органа под условным наименованием «Унтернемен Цеппелин-21» для политического разложения населения тыловых районов Советского Союза / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. IV. М. «Кучково поле», 2008. С. 327–356.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 1. Накануне (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М.: АО «Книга и бизнес», 1995. 452 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М.: Изд-во «Русь», 2000. Т. 2. Кн. 1. 718 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. Начало (1 сентября — 31 декабря 1941 года). — М.: Изд-во «Русь», 2000. 700 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Оборона к наступлению. 1 июля — 31 декабря 1942 года. М.: Изд-во «Русь», 2003. Т. 3. Кн. 2. 702 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». 1 января — 30 июня 1943 года. М.: Изд-во «Русь», 2008. 796 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Великий перелом. 1 июля — 31 декабря 1943 года. М.: Изд-во «Русь», 2008. Т. 4. Кн. 2. 810 с.

Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943.

Документы и материалы. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1962. 520 с.

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 1999. 776 с.

Полицейский отчет 1948 года («Русская колония в Париже»). Публикация Гудзевич Д., Макаренкова Е., Гудзевич И. / Диаспора: новые материалы. Т.8. СПб. — Париж: «Athenaeum» — «Феникс», 2007. С.341–658.

Преступления немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии, 1941–1944 Документы и материалы. Минск: «Беларусь», 1965. 464 с.

Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. — М.: «ТЕРРА», 1999. — Т. 20 (9). 672 с.

«Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы / Сост. В. И. Дашичев. М.: Изд-во «Наука», 1967. 752 с.

Трагедия белорусских деревень, 1941–1944: Документы и материалы / Сост. Н. В. Кириллова, В. Д. Селеменев и др.; Редкол. В. И. Адамушко и др. М.: Фонд «Историческая память», 2011. 536 с.

Энциклопедические и справочные издания

Александров Е. А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь / Под ред. *К.М. Александрова, А. В. Терещука*. Хэмдем (Коннектикут, США); Сан-Франциско (США); Санкт-Петербург (Россия), 2005. 599 с.

Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945. СПб.: Изд-во «Блиц», 2009. 1117 с.

Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941–1944: справочник / Под общ. Ред. Э. Г. Иоффе. Минск: «Беларусь», 2009. 271 с.

Грезин И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995. 469 с.

Дегтярев К., Колпакиди А. Смерш. М.: «Яуза», «Эксмо», 2009. 736 с.

Дэвис Б. Ли. Армия Германии. Униформа и знаки различия 1933–1945 гг. — М.: Изд-во «Эксмо», 2003. 256 с.

Залесский К. Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование. М.: «Эксмо»; «Яуза», 2005. 656 с.

Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии 1941–1944 / Редколл . *В. Е. Лобанок* (отв. ред.). Минск: «Беларусь», 1984. 271 с.

Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник / Библиотека-фонд «Русское зарубежье». М.: «Русский путь»; Париж: «YMCA-PRESS», 2010. 576 с.

Окороков А. В. Знаки русской эмиграции. Б./м. Изд-во Collector's Book, 2005. 176 с.

Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / Сост. *А. Л. Манаенков, Е. П. Горелюк, А. Ф. Маркова* и др. Минск: «Беларусь», 1983. 765 с.

Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. В 3 т. / под общей редакцией *Мнухина Л., Авриль М., Лосской В.* Том 1: А-К. М.: «Наука», Дом-музей Марины Цветаевой. 2008. 796 с.

Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. В 3 т. / под общей редакцией *Мнухина Л., Авриль М., Лосской В.* Том 2: Л-Р. М.: «Наука», Дом-музей Марины Цветаевой. 2010. 685 с.

Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. В 3 т. / под общей редакцией *Мнухина Л., Авриль М., Лосской В.* Том 3: С-Я. Дополнения. М.: «Наука», Дом-музей Марины Цветаевой. 2010. 757 с.

Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны / Серия «Рассекреченная память». Симферополь, 2011. 656 с.

Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. *И. А. Альтман*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН): Научно-просветительский центр «Холокост», 2009. 1143 с.

Отечественные монографии и статьи

- Александров К. М.* Армия генерала Власова 1944–1945. М.: Изд-во «Яуза», Изд-во «Эксмо», 2006. 576 с.
- Александров К. М.* Мифы о генерале Власове. М.: «Посев», 2010. 256 с.
- Александров К. М.* Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб.: «Ювента», 2003. 352 с.
- Александров К. М.* Русские солдаты вермахта. Герои или предатели: Сборник статей и материалов. М.: Изд-во «Яуза», Изд-во «Эксмо», 2005. 752 с.
- Алексеев Н. С.* Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. М.: «Юридическая литература», 1986. 400 с.
- Альтман И. А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2002. 544 с.
- Анзимиров Г.* Конец «Седой головы» / «Смена» (Москва), 1960. № 19 (октябрь). С. 14–15; № 20 (октябрь). С. 17–19.
- Аникеев Л.* Тайна фашистских концлагерей. М.: «Воениздат», 2005. 352 с.
- Антропов О. К.* Третий путь для России. Пореволюционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930-х гг. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2011. 652 с.
- Барков Л.* В дебрях абвера. Таллин: Изд-во «Ээсти раамат», 1971. — 128 с.
- Война народная: Очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины. 1941–1943 гг. / *А. Ф. Юденков, Т. К. Дандыкин, М. М. Загоруйко* и др. Смоленск: «Московский рабочий». Смоленское отделение, 1985. — 238 с.
- Вронская Д.* Похождения графа Ламсдорфа / «Совершенно секретно» (Москва). 2002. № 12. С. 14–17.
- Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: 3-х т. Т. 1. / Гл. редкол.: *А. Т. Кузьмин* и др. Минск: «Беларусь», 1983. 591 с.
- Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3-х т. Т. 2. / Гл. редкол.: *А. Т. Кузьмин* и др. Минск: «Беларусь», 1984. 551 с.
- Герасимова С. А.* Ржев 42. Позиционная бойня. М.: «Яуза», «Эксмо», 2007. 320 с.
- Грибков И. В., Жуков Д. А., Ковтун И. И.* Особый штаб «Россия». М.: «Вече», 2011. 464 с.
- Дробязко С. И.* Вторая мировая война 1939–1945: Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 46 с.
- Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К.* Иностранные формирования Третьего рейха. М.: «АСТ», «Астрель», 2009. 845 с.
- Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М.: Изд-во «Эксмо», 2004. 608 с.
- Дробязко С. И.* Эпопея генерала Смысловского / Материалы по истории Русского освободительного движения: Сборник статей, документов и воспоминаний / Под общ. ред. *А. В. Огорокова*. М.: «Архив РОА», 1999. — Вып. 4. С. 116–143.

Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М.: Московский государственный университет сервиса, 2000. 294 с.

Жуков Д. А., Ковтун И. И. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М.: «Вече», 2009. 304 с.

Жуков Д. А., Ковтун И. И. 1-я русская бригада СС «Дружина». М.: «Вече», 2010. 368 с.

Жуков Д. А., Ковтун И. И. Русская полиция. М.: «Вече», 2010. 304 с.

Жуков Д. А., Ковтун И. И. Русские эсэсовцы. — М.: «Вече», 2010. — 464 с.

Жуков Д. А. Русский националист, германский шпион, советский провокатор... Владимир Гиль и Первая русская национальная бригада СС / «Эхо войны» (Москва). 2008. № 2. С. 3–7.

Залесский К. РСХА. М.: «Яуза»; «Эксмо», 2004. 384 с.

Захаров В. В., Колунтаев С. А. Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е — 1945 гг.) / Материалы по истории Русского освободительного движения. Сборник статей, документов и материалов / Под общ. ред. А. В. Огорокова. М.: «Архив РОА», 1998. Вып. 2. С. 28–135.

Каравашкин В. В. Кто предавал Россию. М.: АСТ: Олимп, 2008. 136 с.

Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр»: Всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР 1941–1943 гг. М.: «Мысль», 1980. 318 с.

Князьков А. С., Чернов Ю. И. В период коренного перелома / Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский; М.: «Кучково поле», 2001. С. 162–233.

Ковалев Б. Н. Деятельность немецких разведывательных, контрразведывательных и пропагандистских служб на Северо-Западе России / Контрразведка: вчера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. Великий Новгород: Управление ФСБ РФ по Новгородской области, 2000. С. 58–75.

Кожин С. В. Как погиб Константин Заслонов / «Военно-исторический архив» (Москва), 2002. № 12 (36). С. 41–46.

Коняев Н. Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды. М.: «Вече», 2001. 480 с.

Логунова Т. А. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июль 1941–1943 гг. М.: Изд-во МГУ, 1973. 344 с.

Макаров В., Тюрин А. СМЕРШ. Гвардия Сталина. М.: «Эксмо», «Яуза», 2009. 288 с.

Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война / Ред. колл. С. В. Карпенко, С. И. Дробязко, Е. Н. Евсеева, С. С. Ипполитов, Л. А. Можяева. М.: РГУ, 2004. 346 с.

Михеенков С. Е. Армия, которую предали. Трагедия 33-й армии генерала М. Г. Ефремова. 1941–1942. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2009. 351 с.

Мосягин М. Н. Рейд группы войск П. А. Белова в 1942 году / «Военно-исторический архив» (Москва), 2007. № 4 (88). С. 26–43.

Мосягин М. Н. Рейд группы войск П. А. Белова в 1942 году / «Военно-исторический архив» (Москва), 2007. № 6 (90). С. 55–68.

Назаров М. В. Миссия русской эмиграции / изд. 2-е, испр. М.: «Родник», 1994. 416 с.

Назаров М. В. Накануне 41-го: надежды и иллюзии... / «Родина» (Москва), 1993. № 7. С. 71–75.

Наумов С. В. «Мы оказались связаны с белой Испанией кровью» / «Донские казаки в борьбе с большевиками» (Подольск). 2011. № 6. С. 75–92.

Обозный К. П. История Псковской Православной Миссии 1941–1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья; Общество любителей церковной истории, 2008. 607 с.

Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй Мировой войны. М.: Военный университет МО РФ, 2000. 184 с.

Окороков А. В. Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М.: «Русский путь», 2007. 288 с.

Окороков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М.: «РУСАКИ», 2001. 594 с.

Онегина С. В. Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи / «Вопросы истории» (Москва). 1997. № 6. С. 150–160.

Орлов Ю. Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. — М.: Изд-во МГУ, 1985. 176 с.

Пережогин В. А. Солдаты партизанского фронта. М.: Институт российской истории РАН, 2001. 282 с.

Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труды, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 896 с.

Попов А. Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 384 с.

Решетников Л. «А Родина милей...». Белая эмиграция и Великая Отечественная война / «Родина» (Москва), 2010. № 5 (май). С. 63–65.

Седунов А. В. Правоохранительные органы на Северо-западе России в 1941 году / Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов научно-практической конференции / Сост.: И. М. Шаманов, Б. В. Зыкин, А. В. Седунов; под ред. В. П. Сальникова, С. Е. Матвеева. Псков: издательство информационного Агентства «Псков-Инфопресс», 2005. С. 54–70.

Семенова А.В. Истребление фашистскими захватчиками населения Белоруссии под предлогом борьбы с партизанами / Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.). М.: Изд-во политической литературы, 1965. С. 379–386.

Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. 863 с.

Соколов Б. В. Георгий Жуков. М.: Изд-во АСТ, 2003. 592 с.

Соцков Л. Ф. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и абвера: Из секретных досье разведки. М.: «Рипол классик», 2003. 336 с.

Цурганов Ю. С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: «Intrada», 2001. 288 с.

Чистяков К. А. Российская политическая эмиграция в Берлине во второй половине 1930-х годов / Русский Берлин 1920–1945. М.: «Русский путь», 2006. С. 406–422.

Чугунов А. И. Борьба на границе, 1917–1928: (Из истории пограничных войск СССР). М.: «Мысль», 1980. 183 с.

Чуев С. Г. Власовцы — пасынки Третьего рейха. М.: «Яуза», «Эксмо», 2006. 608 с.

Чуев С. Г. Проклятые солдаты. М.: Изд-во «Эксмо», Изд-во «Яуза», 2004. 576 с.

Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего рейха. Книга I. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. 383 с.

Ю. С., А. Ш. Когда государственная измена — патриотизм. К 60-летию заговора против Гитлера / «Посев» (Москва), 2004. № 8 (1523). С. 15–21.

Монографии и статьи зарубежных исследователей

Агеева Е. С. Геноцид с первых дней / Выстояли и победили: свидетельствуют архивы. Витебск: Учреждение «Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела»; Витебское отделение Археологической комиссии Комитета по архивам и делопроизводству при Совете министров Республики Беларусь; Витебский областной совет общественного объединения «Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры», 2005. С. 15–18.

Ауски С. Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско: «Глобус», 1982. 402 с.

Бешанов В. В. Год 1942 — «учебный». Минск: «Харвест», 2003. 624 с.

Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1944–1945. М.: АСТ: Астрель, 2005. 539 с.

Гофман И. Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы. М.: АСТ: Астрель, 2006. 359 с.

Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж: «YMCA-PRESS», 1994. 434 с.

Зегер А. «Гестапо-Мюллер». Карьера кабинетного преступника. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997. 384 с.

Иоффе Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945. Минск: «Харвест», 2007. 384 с.

Козак К. И. Германские оккупационные органы управления: военные формирования, структура, задачи / Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память. В 2 кн. Кн. 1. / Нац. Акад. Наук Беларуси Ин-т истории; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. Минск.: Беларус. Навука, 2010. С. 59–103.

Коханко В. П. Оршанщина в первые мирные дни / Выстояли и победили: свидетельствуют архивы. Витебск, 2005. С. 32–36.

Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. 320 с.

Литвин А. М. К вопросу о казачьих формированиях вермахта на Беларуси / Война. Народ. Победа: материалы международной научной конференции. Москва, 15–16 марта 2005 года. М.: «Наука», 2008. С. 294–306.

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии в Белоруссии / Война 1941–1945 годов: современные подходы. Россия в XX веке / Институт российской истории. М.: «Наука», 2005. С. 351–365.

Литвин А. М. Нацистская политика геноцида на территории Белоруссии (июнь 1941 — июль 1944 гг.): общие черты и особенности практического осуществления / Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 года) / Фонд «Историческая память». М., 2010. С. 67–86.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М.: «Воениздат», 1974. 388 с.

Надтачаев В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... Минск: «Кавалер», 2008. 416 с.

Редактор газеты «За Родину» о редакторе «Нового слова» / «Наша страна» (Буэнос-Айрос). 2011. 19 ноября, № 2928. С. 3.

Розенблат Е. С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле / Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память. В 2 кн. Кн. 1. / Нац. Акад. наук Беларуси Ин-т истории; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. Минск.: Беларус. Навука, 2010. С. 205–253.

Селеменев В. Трагедия советских военнопленных в годы Второй мировой войны глазами немецких военнопленных / *Карнер С., Селеменев В.* Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси 1945–1950 гг. Грац-Минск: Общество по исследованию конфликтов и войн, 2007. С. 601–665.

Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М.: «Слово», 1992. 441 с.

Торвальд Ю. Очерки к истории Освободительного Движения Народов России. London-Ontario: Издание Союза Борьбы за Освобождение Народов России (СБОНР), 1965. 133 с.

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области / *Армстронг Д.* Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 9–82.

Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М.: «Яуза», «Эксмо», 2006. 352 с.

Шиманский М. Иван Шлапаков — личный враг Гитлера / «Республіка» (Минск), 2010. № 22 (4934). С. 3.

Шмеман А. прот. Дневники: 1973–1983. М.: «Русский путь», 2005. 720 с.

Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М.: АНО «Русское историческое общество» — НП ИД «Русская панорама», 2009. 480 с.

Штрайт К. Советские военнопленные — массовые депортации — принудительные рабочие / Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем. М.: «Весь мир», 1997. С. 587–612.

Литература на немецком языке

Arnold K. J. Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegführung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa». In: Zeitgeschichtliche Forschungen 23. Berlin: Duncker & Humblot GmbH, 2005. 579 s.

Dodenhoeft B. Vasilij von Biskupskij — Eine Emigrantenkarriere in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg. Berlin, 1995. 246 s.

Förster J. Die Sicherung des «Lebensraumes» / Der Angriff auf die Sowjetunion / *H. Boog, J. Förster, J. Hoffmann, E. Klink, R.-D. Müller, G. R. Ueberschär* Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1991. S. 1227–1287.

Gerlach Chr. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wehrmacht — und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Edition, 1999. 1231 s.

Heer H. Killing Fields. Die Wehrmacht und der Holocaust / Mittelweg 36. Zeitschrift des Hamburger Instituts für Sozialforschung, 1994. 3. Jg. Juni/Juli. S. 7–31.

Hesse E. Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfenweisungen und Befehle. Göttingen: Musterschmidt-Verlag, 1969. 292 s.

Kosak K. I. Franzosen in den Verbänden der Wehrmacht, in: Tater im Vernichtungskrieg. Der Überfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden. Berlin-München: Propylaen Verlag, 2002. S. 160–165.

Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab). Bd. II.: 1. Januar 1942–31. Dezember 1942 / Zusammenge stellt und erläutern von A. Hillgruber. Frankfurt-am-Main: Bernard & Graefe Verlag für Wehrwesen, 1963. 1464 s.

Kühnrich H. Der Partisanen Krieg in Europa 1939–1945. Berlin: Dietz Verlag, 1965. 604 s.

Lieb P. Die Judenmorde der 707. Infanteriedivision 1941–1942 / Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. München: Oldenburg Wissenschaftsverlag GmbH, 2002. Heft 4. S. 523–558.

Michaelis R. Der Weg zur 36. Waffen-Grenadier-Division der SS. — Rodgau: Verlag für Militärische Zeitgeschichte Andreas Liebich, 2004. 104 s.

Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion. Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2011. 400 s.

Streit Chr. Die Behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen und völkerrechtliche Probleme des Krieges gegen die Sowjetunion / Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. «Unternehmen Barbarossa» 1941. Herausgegeben von G. R. Ueberschär und W. Wette. Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2011. S. 159–184.

Tieke W. Das Ende zwischen Oder und Elbe. Der Kampf um Berlin 1945. Stuttgart: Motorbuch-Verlag, 1981. 515 s.

Wildt M. Generation des Unbedingen. Das Führungskorps des Reichssicherheitshauptamtes. Hamburg: Hamburger Edition HIS Verlages. mbH, 2003. 966 s.

На английском языке

Biddiscombe P. Unternehmen Zeppelin: The Deployment of SS Saboteurs and Spies in the Soviet Union, 1941–1945 / *Europe-Asia Studies*, 2000. Vol. 52. № 6. P. 1115–1142.

Campbell St. Police Battalions of the Third Reich. Atglen, PA. Schiffler Military History, 2007. 156 p.

Jurado C. C. Against Stalin and Stalinism, Count Grigori von Lamsdorf / «Axis Europa» (New York). 1998. № 14. P. 8–12; № 15. P. 15–18.

Kellog M. The Russian Roots of Nazism. White Emigres and the Making of National Socialism, 1917–1945. New York: «Cambrige University Press», 2005. 330 p.

Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich. Vol. 4. San Jose: R. James Benoer Publishing, 1994. 382 p.

Maclean L. F. The cruel hunters. SS-Sonderkommando Dirlwanger. Hitler's most notorious anti-partisan unit. Altgen, PA. Schiffler Military History, 2009. 304 p.

Munoz A. J. The Druzhina SS Brigade: A History, 1941–1943. New York: Axis Europa Books, 2000. 98 p.

Pontolillo J. Murderous Elite: The Waffen-SS and it's complete record of war crimes. Stockholm: Leandoer and Ekholm Publishing, 2009. 480 p.

Seaton A. The Russo-German War 1941–1945. New York: Praeger Publishers, 1971. 628 p.

Карта поселка Осинторф

Памятник подпольщикам и партизанам в Осинторфе

Примечания

1

Наиболее заметной работой об РННА является статья белорусского исследователя А. М. Литвина «К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии в Белоруссии» (в сборнике «Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы». М., 2005. С. 351–365). Следует отметить также некоторые общие исследования, рассматривающие в том числе и вопросы истории РННА: *Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К.* Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2009. 845 с.; *Захаров В. В., Колунтаев С.А.* Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930–1945 гг.) / Материалы по истории Русского освободительного движения: Сборник статей и воспоминаний. Вып. 2. М., 1998. С. 28–135; *Чуев С. Г.* Проклятые солдаты. М., 2004. 576 с.

2

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!». Воспоминания соратника генерала Власова. М., 2011. 336 с.

3

См. в том числе: *Jurado C. C. Against Stalin and Stalinism*, Count Grigori von Lamsdorf / «Axis Europa» (New York). 1998. № 14. Р. 8–12; № 15. Р. 15–18. *Вронская Д.* Похождения графа Ламсдорфа / «Совершенно секретно» (Москва). 2002. № 12. С. 14–17.

4

Самутин Л. А. Я был власовцем... СПб., 2002. 320 с.

5

Harvard Project of the Soviet Social System (HPSSS). Schedule B, Vol. 10 [Wartime occupation schedule], Case 219 (interviewer A.D.). Widener Library, Harvard University, Cambridge, MA, USA. 13 р. Опрос И. М. Грачева (он же Тарасов, он же Владимир Тарасенко, он же Владимир Матвеевич Копылов). Даты опросов: 7 и 20 января 1951 г. Опросы провел А. Даллин; HPSSS. Schedule B, Vol. 2 [Miscellaneous topics], Case 220 (interviewer H.D.). Widener Library, Harvard University, Cambridge, MA, USA. 16 р. Опрос П. В. Каштанова (он же Михаил Васильевич Шатов, он же Владимир Рындин).

6

В том числе: *Белов П. А.* За нами Москва. М., 1963. 336 с.; *Шмуглевский С. П.* Юность, обожженная войной: из истории Осинторфского антифашистского подполья и блокадных боев Ушачско-Лепельской партизанской зоны (1941–1944). Молодечно, 2005. 344 с.

7

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. М., 1999. С. 3.

8

Историк Михаил Назаров полагает, что правых в эмиграции было не менее 80 %. См.: *Назаров М.* Накануне 41-го: надежды и иллюзии / «Родина» (Москва). 1993. № 7. С. 71.

9

Решетников Л. «А Родина милей...» Белая эмиграция и Великая Отечественная война / «Родина». 2010. № 5. С. 64.

10

При этом Келлог делает следующую поправку: «Использование слова „русский“ по отношению к тем беженцам из рухнувшей Российской империи, которые оказали влияние на генезис национал-социализма, представляет собой известную проблему, учитывая крайнюю пестроту этнического состава России. Многие из этих эмигрантов с Востока... были балтийскими немцами или украинцами».

Kellogg M. The Russian Roots of Nazism. White Emigres and the Making of National Socialism, 1917–1945. New York, 2005. P. 1, 3, 9.

11

Ibid. P. 254–255, 261. Подробнее о ранних связях русских эмигрантов с нацистами см. также нашу работу: Жуков Д. А., Ковтун И. И. Русские эсэсовцы. М., 2010. С. 19–47. О В. Бискупском: Dodenhoeft B. Vasilij von Biskupskij — Eine Emigrantenkarriere in Deutschland 1918 bis 1941 / Leben im europäischen Bürgerkrieg. Berlin, 1995. S. 219–228.

12

Чистяков К. К. Российская политическая эмиграция в Берлине во Второй половине 1930-х гг. / Русский Берлин. 1920–1945. М., 2006. С. 406. Названные лица, в свою очередь, неоднократно высказывались в поддержку нацизма. К примеру, Солоневич писал, что «гитлеровский режим... необходимо признать режимом, целиком и полностью отвечающим интересам немецкого народа». Генерал Туркул заявлял: «Наш идеал — фашистская монархия». См.: Политическая история русской эмиграции... С. 339, 429.

13

Соцков Л. Ф. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 74.

14

Райле О. Секретные операции абвера. Тайная война немецкой разведки на Востоке и Западе. 1921–1945. М., 2010. С. 106.

15

Цит. по: Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. Ростов н/Д, 1999. С. 121.

16

О деятельности Б. А. Смысловского подробнее см.: Смысловский Б. А. Первая русская национальная армия против СССР. Война и политика. М., 2011. 400 с.; Грибков И. В., Жуков Д. А., Ковтун И. И. Особый штаб «Россия». М., 2011. 464 с.

17

В Сувалках активно работали и сотрудники эсэсовской разведки, также пытавшиеся склонить советских военнопленных к коллаборационизму. Здесь был создан Боевой союз русских националистов, из вооруженных формирований которого впоследствии была образована русская бригада СС «Дружина». Подробнее см.: Жуков Д. А., Ковтун И. И. 1-я Русская национальная бригада СС «Дружина». М., 2010. 368 с.

18

Барков Л. В дебрях абвера. Таллин, 1971. С. 65; *Седунов А. В.* Правоохранительные органы на северо-западе России в 1941 году / Правоохранительная деятельность в Псковской области: история и современность. Сборник научных статей и материалов научно-практической конференции. Псков, 2005. С. 55–56.

19

Иоффе Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. Минск, 2007. С. 89; *Макаров В., Тюрин А.* Смерш. Гвардия Сталина. М., 2009. С. 66–67; *Чуев С. Г.* Спецслужбы Третьего рейха. СПб., 2003. Кн. 1. С. 53–58.

20

Белик И. К., Шумилова Е. В. О борьбе советских органов госбезопасности с немецкими спецслужбами. Докладная записка начальника УНКГБ СССР по Ленинградской области П. Н. Кубаткина. 1943 г. / «Исторический архив» (Москва). 2003. № 1. С. 50, 68; *Жуков Д. А., Ковтун И. И.* Русская полиция. М., 2010. С. 25–27.

21

Чуев С. Г. Проклятые солдаты. М., 2004. С. 20.

22

Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991. С. 189.

23

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993. С. 125–126. К. фон Штауффенберг в указанное время был офицером организационного отдела Генерального штаба. 20 июля 1944 г. совершил неудачное покушение на Гитлера в ставке «Вольфшанце». Казнен. Сам Штауффенберг полагал: «Чтобы избежать катастрофы, мы должны поднять русский народ, честно помогать ему в его освобождении, дать ему русских вождей, которым он доверяет, и забыть о завоевании и колонизации». Цит. по: *Томашевский М.* Предисловие / *Торвальд Ю.* Очерки к истории Освободительного движения народов России. London — Ontario, 1965. С. 1.

24

Biddiscombe P. Unternehmen Zeppelin: The Deployment of SS Saboteurs and Spies in the Soviet Union, 1942–1945 / *Europe-Asia Studies*. Vol. 51, № 6, 2000. P. 1115.

25

См.: Из плана мероприятий Главного управления имперской безопасности Германии (РСХА) по созданию специального разведывательно-диверсионного органа под условным наименованием «Унтернемен Цеппелин-21» для политического разложения населения тыловых районов Советского Союза / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. IV. М., 2008. С. 327–356.

26

См.: Из плана мероприятий Главного управления имперской безопасности Германии (РСХА) по созданию специального разведывательно-диверсионного органа под условным наименованием «Унтернемен Цеппелин-21» для политического разложения населения тыловых районов Советского Союза / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. IV. М., 2008. С. 327–356.

27

Wildt M. Generation des Unbedingen. Das Fuhrungskorps des Reichssicherheitshauptamtes. Hamburg, 2003. S. 672.

28

С июля 1942 года начальником реферата стал штандартенфюрер СС Рудольф Обсгер-Редер, а в марте 1943 года его сменил штандартенфюрер СС Вальтер Куррек. Что касается Хайнца Грейфе, то до своей смерти в автокатастрофе (25 января 1944 года) он занимал должность начальника школы руководящего состава полиции безопасности в Берлине.

29

Так, 30 июня 1941 г. состоялось совещание представителей министерства иностранных дел, отдела Верховного командования вермахта по зарубежным проблемам, Главного управления войск СС и Управления внешнеполитических связей НСДАП. Относительно рассмотрения заявлений иностранных добровольцев, желающих воевать против Советского Союза, участниками совещания было принято решение не принимать заявлений от чехов и русских. См.: *Der Angriff auf die Sowjetunion*. Frankfurt/Main, 1991. S. 1083.

30

Органы государственной безопасности СССР... Т. 1. М., 1995. С. 322.

31

Дробязко С. И. Эпопея генерала Смысловского / Материалы по истории Русского освободительного движения: Сб. статей, документов и воспоминаний. М., 1999. Вып. 4. С. 119; *Цурганов Ю. С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 101.

32

Seaton A. The Russo-German War 1941–1945. New York, 1971. P. 223.

33

Макаров В., Тюрин А. Указ. соч. С. 58–59.

34

О деятельности этой организации см.: Полицейский отчет 1948 года («Русская колония в Париже»). Публикация *Гудзевича Д., Макаренковой Е., Гудзевич И.* / Диаспора: новые материалы. Т. 8. СПб. — Париж, 2007. С. 406, 462–463.

35

Первая партия эмигрантов состояла из 200 человек. См. *Захаров В. В., Колунтаев С. А.* Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930–1945 гг.) / Материалы по истории Русского освободительного движения: Сборник статей и воспоминаний. Вып. 2. М., 1998. С. 66.

36

Dodenhoeft B. Op. cit. S. 228.

37

Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004. С. 99; *Окороков А. В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 59.

38

Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования... С. 39.

39

Чуев С. Г. Власовцы — пасынки Третьего рейха. М., 2006. С. 140.

40

Штрайт К. Советские военнопленные — массовые депортации — принудительные рабочие / Вторая мировая война. Дискуссии, основные тенденции, результаты исследований. М., 1997. С. 589. По подсчетам историка, из-за бесчеловечного обращения и неудовлетворительных условий размещения всего погибли 3,3 млн советских пленников (57 %).

41

Гелен Р. Служба. М., 1997. С. 81–82.

42

Штрайт К. Указ. соч. С. 589.

43

Дугас И. А., Черон Ф. Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. Париж, 1994. С. 290.

44

Подчиненный Рейнеке отдел военнопленных возглавляли: полковник Брейер (1939–1941), генерал-лейтенант Ганс фон Гревениц (1942–1944), генерал-майор Адольф Вестхофф (1944), обергруппенфюрер СС Готтлоб Бергер (1944–1945).

45

Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 149–150.

46

Цит. по: *Гофман И.* Сталинская война на уничтожение: планирование, осуществление, документы. М., 2006. С. 111.

47

Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 74.

48

Штрайт К. Указ. соч. С. 590.

49

Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2004. С. 360–362.

50

Цит. по: *Соколов Б. В.* Георгий Жуков. Триумфы и падения. М., 2003. С. 578.

51

Цит. по: *Шнеер А.* Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М.; Иерусалим, 2005. С. 110.

52

Штрайт К. Указ. соч. С. 592–593.

53

Цит. по: *Дугас И. А., Черон Ф. Я.* Указ. соч. С. 146–147.

54

Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1944–1945. М., 2005. С. 26.

55

Дугас И. А., Черон Ф. Я. Указ. соч. С. 110–111.

56

См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 618–624.

57

См.: *Зегер А.* «Гестапо-Мюллер». Карьера кабинетного преступника. Р-н-Д, М., 1997. С. 246; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. М., 2000. С. 511–512.

58

Орлов Ю. Я. Крах немецко-фашистской пропаганды в период войны против СССР. М., 1985. С. 94.

59

Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2009. С. 149–150.

60

Родился в 1893 г. на Кавказе. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1920 г. эмигрировал в Грецию. См.: *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова 1944–1945.

61

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 33. Кромиади пишет, что в комиссию он попал с подачи редактора берлинской нацистской эмигрантской газеты «Новое слово», В. М. Деспотули, который позвонил ему в последних числах августа 1941 г. О Деспотули см., например: *Полян П. М.* Указ. соч. С. 300–301; Полицейский отчет 1948 года... С. 588–589.

62

Редактор газеты «За Родину» о редакторе «Нового слова» / «Наша страна» (Буэнос-Айрес). 2011, 19 ноября, № 2928. С. 3.

63

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 34. В конце декабря 1941 г., по словам Кромиади, их комиссию неожиданно расформировали, и он вернулся в Берлин. См.: там же. С. 57.

64

Иванов родился в 1900 г. в Санкт-Петербурге, в годы Гражданской войны дослужился до звания хорунжего в армии генерал-майора С. Н. Булак-Булаховича. В Германию он эмигрировал вместе со своим младшим братом, Николаем. См., в частности: *Александров К. М.* Восточные войска вермахта и Вооруженные силы Комитета освобождения народов России: К истории разведывательных и контрразведывательных служб / Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. СПб., 2003. С. 140; *Самутин Л. А.* Указ. соч. С. 121. Сообщение Самутина о том, что С. Н. Иванов «*был ближайшим соратником белогвардейского генерала Миллера... в годы Гражданской войны*», очевидно, не соответствует действительности. Об Н. Н. Иванове Самутин пишет, что тот «*тоже был царским офицером, эмигрировал в Германию, там натурализовался... занимался журналистикой, сотрудничал в изданиях, отличавшихся наибольшими степенями антисоветизма*» (с. 122).

65

30 августа 1946 г. Родзаевский был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. См.: *Онегина С. В.* Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи / «Вопросы истории» (Москва). 1997. № 6. С. 151, 153, 159.

66

Антропов О. К. Третий путь для России. Пореволюционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930-х гг. Астрахань, 2011. С. 535.

67

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. М., 1995. С. 38–39.

68

Окороков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М., 2002. С. 166. Со ссылкой на: Якуш И.И. Внешнее распространение ВФП в 1936 г. / «Наш путь» (Харбин). 1936. № 5.

69

Цит. по: Чистяков К. А. Указ. соч. С. 409.

70

Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992. С. 194–222. Весьма курьезную оценку деятельность группы Вонсяцкого получила в американском пропагандистском памфлете М. Сайерса и А. Е. Кана «Тайная война против Америки» (1942), переизданном в Москве в 1947 г. В главе «Миллионер-диверсант» поместье Вонсяцкого в Томпсоне именуется «центром международных интриг и местом встреч матерых шпионов, диверсантов и убийц» (с. 81).

71

Гротт М. Наши лозунги и наши мысли / «Фашист». 1937. № 32. С. 15.

72

В вермахте зондерфюреры часто назначались, к примеру, на должности переводчиков. Кроме того, этот чин мог обозначать должность офицера для особых поручений или же исполняющего должность, соответствующую более высокому рангу. Дэвис Б. Л. Армия Германии. Униформа и знаки различия 1933–1945 гг. М., 2003. С. 250.

73

Анзимиров Г. Конец «Седой головы» / «Смена» (Москва). 1960, № 19. С. 14.

74

Штеенберг С. Генерал Власов (перевод с англ. А. Колина). М., 2005. С. 78–79. Ср. с переводом И. Сабуровой: «Канарис увидел в создании такой части возможность иметь резерв, который мог успешно сражаться с партизанами». См. Штеенберг С. Власов. Мельбурн, 1974. С. 66.

75

Самутин Л. А. Указ. соч. С. 120–121. В данном случае Самутин ссылается на информацию, полученную в ходе его бесед со священником о. Гермогеном (Кивачуком).

76

Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993. С. 97–98.

77

Гелен Р. Указ. соч. С. 82.

78

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 69. До войны Геттинг-Зеебург был начальником 2-го отдела абверштелле «Кёнигсберг».

79

Немецкий историк Э. Хессе пишет: «При поддержке абвера группа армий „Центр“ в первые месяцы войны сформировала бригаду „Граукопф“, которая получила свое название по имени ее первого командира, сына русского генерала Белой армии, Сахарова».

Hesse E. Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfweisungen und Befehle. Göttingen, 1969. S. 121. Историк путает С. Н. Иванова с И. К. Сахаровым.

80

Залесский К. РСХА. М., 2004. С. 256; *Иоффе Э. Г.* Указ. соч. С. 125.

81

До начала 1942 г. — абверкоманда 2В (полевая почта 19926G). Геттинг-Зеебург руководил командой до июля 1942 г., после чего его сменил подполковник Вильгельм Хотцель. См.: Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. Симферополь, 2011. С. 154. Все судьбы в единую слиты. По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков. Смоленск, 2003. С. 77.

82

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 64.

83

И. К. Сахаров родился в 1912 г. в Саратове. В 1923 г. вместе с матерью, братом и сестрой выехал из СССР в Германию, в Берлин, где и получил образование. См.: *Александров К. М.* Офицерский корпус... С. 738.

84

Сабуров А. Н. У друзей одни дороги. М., 1975. С. 70. Из воспоминаний Сабурова следует, что Сахаров в указанный период (конец 1941 г. — начало 1942 г.) находился на Брянщине, в Севске. Не исключено, что

Сабуров ошибается или по каким-то причинам намеренно вводит читателей в заблуждение.

85

Сабуров А. Н. Силы неисчислимы. М., 1967. С. 57.

86

Анзимиров Г. Указ. соч. С. 14.

87

Kellogg M. Op. cit. P. 249.

88

Генерал Сахаров возглавлял военный отдел политической школы РОНД. Ibid. P. 246, 250.

89

См.: *Окороков А. В.* Фашизм и русская эмиграция... С. 97, 165.

90

Наумов С. В. «Мы оказались связаны с белой Испанией кровью» / «Донские казаки в борьбе с большевиками» (Подольск). 2011, № 6. С. 75, 89.

91

Самутин Л. А. Указ. соч. С. 122–123.

92

Первые попытки НТСНП наладить контакты с германским Генеральным штабом относятся к весне 1938 г., когда в Берлин для консультаций прибыл секретарь Исполнительного бюро Союза М. А. Георгиевский. Подробнее о связях НТС и германской разведкой см.: *Грибков И. В., Жуков Д. А., Ковтун И. И.* Особый штаб «Россия»... С. 78–104.

93

Окороков А. В. Знаки русской эмиграции (1920–1990). Б/м, 2005. С. 49.

94

Ресслер родился в 1906 г. в Феодосии. Юнг родился в 1914 г. в Ташкенте. См.: *Александров К. М.* Офицерский корпус... С. 148, 919.

95

Обозный К. П. История Псковской православной миссии. 1941–1944 гг. М., 2008. С. 366–367.

96

Самутин Л. А. Указ. соч. С. 119–120. Гермоген (Кивачук) до Второй мировой войны был священником Польской православной церкви, после завоевания Польши германской армией переехал в Рейх и в 1940 г. был принят в клир РПЦЗ. Служил помощником настоятеля Воскресенского кафедрального собора в Берлине, одновременно — секретарь архиепископа (с 1942 г. — митрополита) Серафима. См.: Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М. — Париж, 2007. С. 151.

97

Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. В трех томах. Том второй / под общей редакцией Мнухина Л., Авриль М., Лосской В. М., 2010. С. 23.

98

Jurado C. C. Against Stalin and Stalinism, Count Grigori von Lamsdorf / «Axis Europa» (New York). 1998. № 14. P. 10.

99

Этот миф приводится, в частности, в указанной выше биографической справке о Ламсдорфе в трехтомнике «Российское зарубежье во Франции».

100

Грезин И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Париж, 1995. С. 286; Российское зарубежье во Франции... Том второй... С. 389.

101

Российское зарубежье во Франции... Том третий. М., 2008. С. 150, 314.

102

Так, Каравашкин перманентно ошибается в датах, именах и фактах: он именует С. С. Палена — Паниным, А. А. Воронцова-Дашкова путает с его отцом — флигель-адъютантом А. И. Воронцовым-Дашковым (который умер в 1938 г. и никак не мог служить в РННА), присваивает Кромиади инициалы «И.К.» и т. д. См.: Каравашкин В. В. Кто предавал Россию. М., 2008. С. 424.

103

Вронская Д. Похождения графа Ламсдорфа / «Совершенно секретно» (Москва). 2002. № 12. С. 15.

104

Интервью Г. П. Ламсдорфа на «Радио Свобода» (эфир 8 января 2004 г., ведущий — М. Соколов).

105

В абвергруппе-203 служил с января по март 1943 г. (параллельно — с мая по сентябрь 1942 г. работал в Смоленской школе диверсантов), после чего стал начальником группы 1 G абверкоманды-106. Структура и деятельность органов германской разведки... С. 155. Советский публицист А. Казицкий пишет: «„Зондерфербанд Граукопф“ — „Особая часть Седая голова“... находилась... в ведении Гелена (возглавил отдел „Иностранные армии Востока“ в апреле 1942 г. — *Примеч. авт.*) и его ближайшего помощника Эриха (Так в тексте. — *Примеч. авт.*) Наука, а на фронте подчинялась начальнику разведывательно-диверсионной абверкоманды-2Б подполковнику Геттинг-Зеебургу». См.: Казицкий А. Солдаты Дзержинского / Чекисты рассказывают. Книга 4-я. М., 1979. С. 254.

106

Кромиади К. Г. За землю, за волю... С. 69.

107

Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004. С. 223–224; Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего рейха. Кн. I. СПб., 2003. С. 120–121; Окорочков А. В. Антисоветские воинские формирования... С. 77; Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 354.

108

Информация любезно предоставлена жителем Осинторфа (поселок № 2) Владимиром Матвеевичем Вакуновым. См. также: Захаров В. В., Колунтаев С. А. Указ. соч. С. 66; Окорочков А. В. Антисоветские воинские формирования... С. 77.

109

Шмуглевский С. П. Юность, обожженная войной. Из истории Осинторфского антифашистского подполья и блокадных боев Ушачско-Лепельской партизанской зоны (1941–1944). Молодечно, 2005. С. 10, 14; Лобанок В. Е. До последней капли крови / Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 1970. С. 115

110

Шмуглевский С. П. Юность, обожженная войной... С. 14.

111

Одной из первых акций осинторфского подполья стала попытка уничтожения местных коллаборационистов. 29 августа С. Шмуглевский, П. Климович и М. Теленченко, вооружившись ручным пулеметом, открыли огонь по бургомистру и его помощникам. Однако убить удалось только писаря Пикаря. Скварчевский был ранен, а бургомистр отделался испугом. См.: *Лобанок В.Е. До последней капли крови... С. 116.*

112

Шмуглевский С. П. Юность, обожженная войной... С. 34.

113

Информация любезно предоставлена жителем Осинторфа В. М. Вакуновым.

114

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья. Минск, 1971. С. 56–57.

115

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 69–70.

116

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 69–70.

117

Streit Chr. Die Behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen und völkerrechtliche Probleme des Krieges gegen die Sowjetunion / Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. «Unternehmen Barbarossa» 1941. Frankfurt-am-Main, 2011. S. 160.

118

Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. С. 139–140.

119

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 51.

120

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 81–82.

121

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 57.

122

HPSSS. Case 219... Р. 1.

123

Агеева Е. С. Геноцид с первых дней / Выстояли и победили: свидетельствуют архивы. Витебск, 2005. С. 17.

124

Справка о массовом истреблении немецко-фашистскими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной армии, а также гражданского населения в Смоленском концлагере № 126 / Все судьбы в единую слиты... С. 104; *Иоффе Э. Г.* Указ. соч. С. 114.

125

Gerlach Chr. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wehrmachts und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. Hamburg, 1999. S. 793, 795, 804, 806, 810, 822, 853, 856; *Arnold K. J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegführung und Radikalisierung im «Unternehmen Barbarossa» / Zeitgeschichtliche Forschungen 23. Berlin, 2005. S. 397, 400, 403–405.

126

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 71–72.

127

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»...

128

HPSSS. Case 220... Р. 11.

129

См. интервью Г. П. Ламсдорфа на «Радио Свобода» (8.01.2004).

130

Жилянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин. Без линии фронта. Минск, 1979. С. 316.

131

Калинин П. З. Партизанская республика. М., 1964. С. 178–179.

132

Жилянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И. Указ. соч. С. 316; *Калинин П. З.* Указ. соч. С. 179.

133

Калинин П. З. Указ. соч. С. 179.

134

Чуев С. Г. Проклятые солдаты. М., 2004. С. 55.

135

Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования... С. 41.

136

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 72.

137

Самутин Л. А. Указ. соч. С. 74.

138

Цит. по: Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944). Документы и материалы в 3 тт. Т. 1. Минск, 1967. С. 218.

139

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 73; *Кожин С. В.* Как погиб Константин Заслонов / «Военно-исторический архив» (Москва), 2002. № 12 (36). С. 43.

140

HPSSS... Case 219... P. 4.

141

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 73.

142

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 70.

143

HPSSS... Case 219... P. 1.

144

Холокост на территории СССР... С. 145.

145

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 400.

146

HPSSS... Case 219... P. 4.

147

Баерский родился в 1901 г. См.: *Александров К. М.* Офицерский корпус... С. 169–172; *Казанцев А. С.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. 1941–1945. М., 2011. С. 120.

148

HPSSS... Case 219... P. 3–4.

149

Грачев родился в 1912 г. в Оренбургской губернии. С 1929 г. — кадровый военнослужащий РККА. Перед войной окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. На момент пленения служил в разведотделе штаба Ленинградского фронта. После войны жил в ФРГ, возглавлял службу безопасности НТС, сотрудничал с американской разведкой, преподавал в разведшколах. В 1966 г. вышел из НТС. В 1967 г. погиб в автокатастрофе. Там же. С. 359–361.

150

Бочаров родился в 1907 г. Работал инженером. Командир запаса. После начала войны был призван в армию в звании военинженера III ранга. В РККА дослужился до командира 462-го отдельного саперного

батальона 160-й дивизии 33-й армии. После войны эмигрировал в Аргентину. Умер в 1988 г. См.: *Александров К. М. Офицерский корпус...* С. 211–212.

151

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 703–704.

152

Цит. по: *Александров К. М. Офицерский корпус...* С. 354.

153

Головинкин родился в 1908 г. В 1930 г. был призван в РККА. Стал кадровым военным. После войны жил в Мюнхене, затем эмигрировал в Аргентину. Умер после 1958 г. Среди военнослужащих РННА, в последующем занявших заметные должности в ВС КОНР, можно также назвать бывшего капитана РККА Н. П. Николаева. В 1942 г. он несколько месяцев командовал III батальоном соединения «Граукопф» (позже — «Центр»), а в 1943 г. — 635-м батальоном 700-го штаба. В конце войны он стал подполковником, начальником штаба 1-й пехотной дивизии ВС КОНР. Осенью 1942 г. начальником штаба РННА служил будущий подполковник ВС КОНР Н. И. Коровин (бывший майор РККА). В декабре 1942 г., после создания 700-го полкового штаба, он командовал 633-м батальоном, неоднократно участвовал в антипартизанских операциях. См.: там же. С. 351–353, 515, 657–658; *Befehl für das Unternehmen Beresino — Mogilew*. 20.12.42. Washington, D.C: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 649.

154

Каштанов родился в 1917 г. После войны жил в Германии, с 1952 г. — в США. Умер в 1980 г. См.: HPSSS... Case 220... Р. 1, 7; *Александров К. М. Офицерский корпус...* С. 476–477; *Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»...* С. 55, 71.

155

Жилянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И. Указ. соч. С. 316.

156

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 58.

157

Пережогин В. А. Солдаты партизанского фронта. М., 2001. С. 29.

158

HPSSS... Case 219... Р. 1.

159

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 73.

160

Торвальд Ю. Указ. соч. С. 10.

161

Он был назначен начальником 1-го (разведывательного) отдела Бюро Целлариуса («Кригсорганизацион Финляндия»). См.: Структура и деятельность органов германской разведки... С. 49, 154.

162

Торвальд пишет: «Они были боевыми товарищами, пережив все бои прошлого года сначала под командованием фельдмаршала фон Бока, а теперь — фон Клюге». Там же. С. 11.

163

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 93–94.

Ср. с описанием этой истории у А. Доллерта (Штеенберга): «Несдержанный и раздражительный Велер, скверный характер которого не являлся ни для кого секретом, обвинил Геттинг-Зеебурга во лжи на том основании, что тот будто бы предоставил в распоряжение РННА больше оружия, чем необходимо. Геттинг-Зеебург потребовал разбирательства. В Берлине, однако, опасались разрастания трений и попросту перевели его в другое место». См.: Штеенберг С. Указ. соч. С. 83.

164

См. нашу работу: Жуков Д. А., Ковтун И. И. 1-я Русская национальная бригада СС «Дружина»... С. 57–64.

165

Шелленберг В. Указ. соч. С. 65.

166

Подробнее см.: Жуков Д. А., Ковтун И. И. Русские эсэсовцы... С. 213–220.

167

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 355, 358.

168

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 75–76.

169

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 19; Органы государственной безопасности СССР... Т. 3. Кн. 2. С. 317; *Казицкий А.* Солдаты Дзержинского... С. 255.

170

Дробязко С. И. Под знаменами врага... С. 535–536; *Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К.* Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2009. С. 483.

171

Калинин П. З. Указ. соч. С. 191; *Шмуглевский С. П.* Рядовые подполья... С. 58.

172

HPSSS... Case 219... P. 2.

173

Дробязко С. И. Вторая мировая война 1939–1945: Русская освободительная армия. М., 2000. С. 24.

174

Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования... С. 140.

175

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 356.

176

Подробнее о полке «Центр» см.: *Окороков А. В.* Антисоветские воинские формирования. С. 139; *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. С. 532–533; *Мачульский Р. Н.* Вечный огонь. Минск, 1978. С. 120.

177

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 374–375.

178

Munoz A.J. The Druzhina SS Brigade: A History, 1941–1943. New York, 2000. P. 28; *Захаров В. В., Колунтаев С.А.* Указ. соч. С. 73.

179

Штеенберг С. Указ. соч. С. 82; *Александров К. М.* Офицерский корпус... С. 352, 374.

180

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 95.

181

Вронская Д. Похождения графа Ламсдорфа... С. 15.

182

Интервью Ламсдорфа на «Радио Свобода» (8.01.2004).

183

Интервью Ламсдорфа на «Радио Свобода» (8.01.2004).

184

Вронская Д. Похождения графа Ламсдорфа... С. 15.

185

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 365.

186

Hesse E. Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfweisungen und Befehle. Göttingen, 1969. S. 174.

187

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 356.

188

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 357.

189

Там же. Между прочим, Шенкендорф сам был инициатором того, чтобы рассредоточить охранные части на подразделения. В приказе № 52 от 14 сентября 1941 г. он указывал: «*Для более успешной борьбы с партизанами... части дивизий охраны тыла распределить вплоть до взводов, и занять по возможности большее число населенных пунктов*». РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 132.

190

Дробязко С. И. Вторая мировая война... С. 25.

191

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 357–358.

192

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии. С. 361.

193

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 358.

194

Справка № 4 о дислокации изменнических формирований (РОА), установленных разведкой партизан с 1.1. по 1.10.1943 года / *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 845.

195

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 362.

196

Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования... С. 79; *Дробязко С. И.* Под знаменами врага... С. 134–135; *Александров К. М.* Офицерский корпус... С. 179.

197

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 73.

198

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 739. Л. 17.

199

Жилянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И. Указ. соч. С. 317.

200

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 70.

201

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 19–20.

202

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 75; *Цурганов Ю. С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 106.

203

HPSSS... Case 219... Р. 2. Там же — ремарка проводившего опрос А. Даллина о том, что версия Б. Николаевского о «солдатских бунтах» по поводу нежелания носить немецкую форму «выглядит явным преувеличением».

204

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа в Смоленской области / *Армстронг Дж.* Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943. М., 2007. С. 66.

205

Чугунов А. И. Борьба на границе, 1917–1928: (Из истории пограничных войск СССР). М., 1980. С. 102, 106.

206

Kampfgruppe Kutschera, Ia, Einsatzbefehl, 4.1.43, Washington, D.C: National Arhives Microfilm Publication T354, Roll 650.

207

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 69; *Захаров В. В., Колунтаев С. А.* Указ. соч. С. 66; *Окороков А. В.* Антисоветские воинские формирования... С. 78.

208

Калинин П. З. Указ. соч. С.178.

209

Анзимиров Г. Указ. соч. С. 14.

210

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне... Т. 4. Кн. 1. С. 51.

211

Дробязко С. И. Вторая мировая война... С. 24; Захаров В. В., Колунтаев С. А. Указ. соч. С. 69.

212

Штеенберг С. Указ. соч. С. 80.

213

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 19.

214

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 356.

215

См., например: *Александров К. М. Офицерский корпус... С. 524.*

216

Жилянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И. Указ. соч. С. 317.

217

Дробязко С. И. Вторая мировая война... С. 24; Захаров В. В., Колунтаев С. А. Указ. соч. С. 71;
Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования... С. 79.

218

Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования... С. 79.

219

Дробязко С. И. Под знаменами врага... С. 429.

220

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 99; *Фрелих С.* Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. Köln, 1990. С. 57; *Захаров В. В., Колунтаев С. А.* Указ. соч. С. 72; *Полян П. М.* Указ. соч. С. 105; *Окороков А. В.* Антисоветские воинские формирования... С. 79; *Дробязко С. И.* Под знаменами врага... С. 135; *Александров К. М.* Офицерский корпус... С. 178; *Littlejohn D.* Foreign Legions of the Trird Reich. Vol. 4. San Jose, 1994. P. 313; *Штеенберг С.* Указ. соч. С. 80.

221

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 20.

222

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 74.

223

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казницкий А. С. Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991. С. 221.

224

Калинин П. З. Указ. соч. С. 178.

225

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 704.

226

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 20.

227

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 74.

228

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 74.

229

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 75.

230

Цит. по: *Калинин П. З.* Указ. соч. С. 179.

231

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 401.

232

Штеенберг С. Указ. соч. С. 80, 84.

233

Окороков А. В. Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 74.

234

Информация любезно предоставлена историком И. В. Грибковым.

235

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 211–212.

236

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 20.

237

Калинин П. З. Указ. соч. С. 179.

238

Калинин П. З. Указ. соч. С. 179.

239

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 70, 73, 80.

240

Калинин П. З. Указ. соч. С. 179.

241

HPSSS... Case 220... P. 11.

242

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 20.

243

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 20.

244

Калинин П. З. Указ. соч. С. 179.

245

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 76.

246

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 58.

247

Приказ генерала охранных войск и командующего тылом группы армий «Центр» Шенкендорфа о карательных мерах, применяемых при проведении антипартизанских операций от 3 августа 1942 г. / Трагедия белорусских деревень, 1941–1944: Документы и материалы. М., 2011. С. 49.

248

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 84.

249

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 86.

250

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 85.

251

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 88.

252

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 80.

253

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 80; *Александров К. М.* Офицерский корпус... С. 409.

254

Александров Е. А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь. Хэмден; Сан-Франциско; СПб, 2006. С. 107; *Шмеман А.*, прот. Дневники: 1973–1983. М., 2005. С. 662–717.

255

HPSSS... Case 219... P. 1.

256

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 89.

257

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 64–65.

258

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 76.

259

Допрос генерал-лейтенанта Лукина Михаила Федоровича, командующего 19-й армией (В последнее время командующий участка 32-й, 20-й, 24-й и 19-й армий) / «Военно-исторический архив» (Москва). 2002. № 6 (30). С. 148.

260

Александров К. М. Мифы о генерале Власове. М., 2010. С. 130–131.

261

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 738.

262

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 76; *Кожин С. В.* Указ. соч. С. 43.

263

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 76.

264

Казицкий А. Коварство «Седой головы» / Динамовцы в боях за Родину. Кн. 3. М., 1985. С. 132;
Кромиади К. Г. Указ. соч. С. 92.

265

Цит. по: *Литвин А. М.* К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 355.

266

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 94; *Штеенберг С.* Указ. соч. С. 81.

267

См.: *Сабуров А. Н.* За линией фронта. (Партизанские записи). Книга первая. Партизанский край. М., 1953. С. 246–250.

268

Сабуров А. Н. У друзей одни дороги. М., 1963. С. 75.

269

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 525. См. также: *Литвин А. М.* К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 356.

270

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 95.

271

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 95.

272

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 358.

273

Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования... С. 39.

274

Российское зарубежье во Франции... Том второй... С. 389.

275

Штрик-Штрикфельд В. К. Указ. соч. С. 141.

276

Война Германии против Советского Союза 1941–1945. Берлин, 1994. С. 193. 21 июля 1944 г. генерал-майор Х. фон Тресков после неудачного покушения на Гитлера покончил жизнь самоубийством под Белостоком. См.: *Залесский К.* Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование. М., 2005. С. 412.

277

Цит. по: *Förster J.* Die Sicherung des «Lebensraumes» / Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt-am-Main, 1991. S. 1264.

278

Ю.С., А.Ш. Когда государственная измена — патриотизм. К 60-летию заговора против Гитлера / «Посев» (Москва), 2004. № 8 (1523). С. 20.

279

См.: *Штрик-Штрикфельд В. К.* Указ. соч. С. 141.

280

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 355–356.

281

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 356.

282

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 96; *Штеенберг С.* Указ. соч. С. 84–85.

283

См.: *Кромиади К. Г.* «За землю, за волю!»... С. 98.

284

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 97–98.

285

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 172, 401.

286

Штеенберг С. Указ. соч. С. 85.

287

Штеенберг С. Указ. соч. С. 85.

288

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 358.

289

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 362.

290

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 358, 359, 360.

291

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 359.

292

Казанцев А. С. Указ. соч. С. 120.

293

Грачев вспоминал: «...Баерский собрал нас и сообщил, что немцы собираются послать нас сражаться на фронт. Баерский и Жиленков настаивали, однако, что прежде всего необходимо довести

численность русских войск до 50 тысяч человек. Надо думать, что они использовали этот аргумент для того, чтобы усилить русские формирования, или, по крайней мере, выиграть время для этого, в то время как личный состав будет проходить обучение».

HPSSS... Case 219... P. 1–2.

294

Цит. по: *Литвин А. М.* К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 362.

295

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 362–363; *Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. Т. 2.* Минск, 1984. С. 286; *Нацистская политика геноцида и «выжженной земли»...* С. 250.

296

Литвин А. М. Указ. соч. С. 363.

297

Штрик-Штрикфельд В. К. Указ. соч. С. 142.

298

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 112.

299

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 704.

300

Arnold K. J. Op. cit. S. 182; *Хаупт В.* Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М., 2006. С. 339–340; *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941–1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С. 107.

301

Козак К. И. Германские оккупационные органы управления: военные формирования, структура, задачи / Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память. В 2 кн. Кн. 1. Минск, 2010. С. 60.

302

Всенародная борьба в Белоруссии... Т. I. С. 151; Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941–1944). Минск, 1984. С. 234, 241.

303

Органы государственной безопасности СССР... Т. 2. Кн. 1. С. 193.

304

Литвин А. Нацистская политика геноцида на территории Белоруссии (июнь 1941 — июль 1944): общие черты и особенности практического осуществления / Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 г.). М., 2010. С. 80.

305

Arnold K. J. Op. cit. S. 433.

306

Arnold K. J. Op. cit. S. 431.

307

К началу января 1942 г. численность различных полицейских частей, обеспечивавших вооруженную опору оккупационного режима, составляла 60 420 человек. См.: *Förster J.* Die Sicherung des «Lebensraumes» / Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt-am-Main, 1991. S. 1257.

308

Великая Отечественная война: день за днем. По материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 2. Срыв плана «молниеносной войны». 1 октября — 31 декабря 1941 г. М., 2008. С. 415, 420, 429.

309

Запрос генерала Шенкендорфа о выделении сил для борьбы против партизан от 16 апреля 1942 г. / «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 398.

310

Там же. С. 398–399. См. также: *Heer H.* Killing Fields. Die Wehrmacht und der Holocaust / Mittelweg 36. Zeitschrift des Hamburger Instituts für Sozialforschung, 1994. 3. Jg. Juni/Juli. S. 27; *Campbell St.* Police Battalions of the Third Reich. Atglen, 2007. P. 130; *Lieb P.* Die Judenmorde der 707. Infanteriedivision 1941–1942 / Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. München, 2002. Heft 4. S. 551.

311

Война народная: Очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины. 1941–1943 гг. Смоленск, 1985. С. 116; *Мосягин М. Н.* Рейд группы войск П. А. Белова в 1942 году / «Военно-исторический архив». 2007. № 4 (88). С. 26.

312

Михеенков С. Е. Армия, которую предали. Трагедия 33-й армии генерала М. Г. Ефремова. 1941–1942. М., 2009. С. 209–210.

313

Герасимова С. А. Ржев 42. Позиционная бойня. М., 2007. С. 42–43. Из воспоминаний генерал-полковника КГБ С. С. Бельченко известно, что вопрос о прикрытии корпуса Белова с воздуха находился на контроле Г. К. Жукова, который приказал разобраться в причинах, почему кавалерийские соединения не получают полноценной поддержки со стороны авиации. Бельченко вспоминал: *«Учитывая, что корпус все время в маневре и удалялся все глубже в тыл врага, расстояние от аэродрома и обратно увеличивалось. Поэтому летчики, опасаясь нехватки горючего на обратный путь, сокращали время накрытие конницы, возвращаясь на аэродром значительно быстрее. В результате до вылета следующей смены истребителей был значительный перерыв, его использовали немцы и до появления наших истребителей бомбили корпус, особенно лошадей»*. См.: *Попов А. Ю.* 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. С. 144.

314

Бешанов В. В. Год 1942 — «учебный». Минск, 2004. С. 50.

315

Мосягин М. Н. Рейд группы войск П. А. Белова... С. 38.

316

Мосягин М. Н. Рейд группы войск П. А. Белова... С. 38.

317

Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр»: Всенародная борьба на оккупированной территории западных областей РСФСР 1941–1943 гг. М., 1980. С. 270;

Котов Л. В. На земле смоленской / Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Сборник статей. М., 1963. С. 150.

318

319

Создано в феврале 1942 г. В конце апреля 1942 г. состояло из трех полков и одного батальона, общая численность 6 тыс. человек. На вооружении, кроме винтовок, было 10 орудий, 48 минометов, 50 станковых и 179 ручных пулеметов. Командиры соединения — В. И. Воронченко (позже — капитан И. Я. Ильичев), комиссар — Ф. И. Деменков (позже — А. И. Михальцов). В начале июля 1942 г. дивизия была расформирована.

320

Создан решением Военного совета Западного фронта путем объединения партизанских отрядов Знаменского и Семлевского районов Смоленской области. Состоял из пяти батальонов и роты спецназначения. Личный состав — 1603 бойца. Вооружение: кроме винтовок и автоматов, восемь орудий, 16 пулеметов, 44 противотанковых ружья. Командир полка — майор В. В. Жабо, комиссар — И. Ф. Лифшиц (позже — Л. Ф. Муханов).

321

Создан в начале февраля 1942 г. Командир — Ф. Д. Гнездилин (позже — Ф. П. Шмелев), комиссар — Г. С. Амиров (в мае 1942 г. — П. А. Мельников). Полк состоял из трех батальонов. Вооружение: кроме стрелкового оружия, два дивизиона артиллерии, три танка Т-26, восемь танкеток, шесть автомашин.

322

Создан в феврале 1942 г. в южной части Ельнинского района. В полку было семь батальонов, общая численность более 2 тыс. человек (март 1942 г.). Вооружение: девять танков, около 60 орудий и тяжелых минометов, 450 пулеметов. В июле 1942 г. полк был расформирован, а его личный состав пошел на формирование партизанских отрядов им. Суворова, «За Родину» и др.

323

Герасимова С. А. Ржев 42. Позиционная бойня... С. 78; Логунова Т. А. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июль 1941–1943 гг. М., 1973. С. 101.

324

Война народная: Очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины. С. 117; Первая партизанская: 1-я Смоленская партизанская дивизия. М., 1983. С. 222.

325

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области / Армстронг Дж. Партизанская война. Стратегия и тактика. 1941–1943. М., 2007. С. 50–53, 55, 64–65, 70–71; Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion. Frankfurt-am-Main, 2011. S. 285.

326

Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив». 2005. № 8 (68). С. 7–9; Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив». 2005. № 5 (65). С. 74–75; *Уайнберг Г.* Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области... С. 64; *Гроссман Х.* Ржевский кошмар глазами немцев. М., 2010. С. 212–213.

327

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области... С. 66; *Надтачаев В. Н.* Военная контрразведка Беларуси. Минск, 2008. С. 168.

328

Журнал боевых действий начальника отдела «Абвер II». Копия / Личный архив И. И. Ковтуна.

329

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 90; *Захаров В. В., Колунтаев С. А.* Указ. соч. С. 69; *Дробязко С. И.* Вторая мировая война... С. 24; *Александров К. М.* Офицерский корпус... С. 221, 525, 739.

330

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 52.

331

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Ненависть, спрессованная в тол... С. 97, 220; *Казицкий А. С.* Коварство «Седой головы»... С. 132; *Казицкий А. С.* Солдаты Дзержинского... С. 253–254.

332

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области... С. 66.

333

При этом, «военнослужащие были обмундированы в советскую форму, но со старыми знаками различия». См: HPSSS... Case 220... Р. 11.

334

Журнал боевых действий начальника отдела «Абвер II». Копия / Личный архив И. И. Ковтуна.

335

Цит. по: *Кромиади К.* Русская Национальная Народная Армия / «Новый журнал» (Нью-Йорк), 1975. Кн. 120. С. 202.

336

Фрелих С. Указ. соч. 57.

337

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области... С. 66; *Кромиади К. Г.* «За землю, за волю!»... С. 91.

338

Амиров Г. Я. Непокоренная земля. Алма-Ата, 1975. С. 92–93.

339

Цит. по: *Мосягин М. Н.* Рейд группы войск П. А. Белова в 1942 году / «Военно-исторический архив». 2007. № 6 (90). С. 57.

340

Казицкий А. С. Солдаты Дзержинского... С. 253–254.

341

Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С. Солдаты Дзержинского... С. 220.

342

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области... С. 66.

343

Белов П. А. За нами Москва. М., 1963. С. 291–292.

344

Белов П. А. За нами Москва. М., 1963. С. 291–292.

345

Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив». 2005. № 7 (67). С. 11.

346

Белов П. А. За нами Москва... С. 292.

347

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 90.

348

HPSSS... Case 220... Р. 11.

349

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области... С. 67.

350

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области... С. 67.

351

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области...

352

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области... С. 68.

353

Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив». 2005. № 7 (67). С. 13.

354

Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив». 2005. № 7 (67). С. 16.

355

Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив». 2005. № 8 (68). С. 11.

356

Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив». 2005. № 7 (67). С. 12.

357

Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив». 2005. № 9 (69). С. 30.

358

Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая. М., 1993. С. 263–264.

359

Кромиади К. Русская национальная народная армия... С. 203.

360

Фрелих С. Указ. соч. С. 57–58. Он же указывает, что бегство из плена произошло фактически с согласия Белова и что к отряду РННА «удивленные защитники даже частично присоединились».

361

Белов П. А. За нами Москва... С. 292–293.

362

Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив». 2005. № 8 (68). С. 9–10.

363

Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив». 2005. № 9 (69). С. 30.

364

Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив». 2005. № 7 (67). С. 11.

365

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 211.

366

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области... С. 67.

367

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 91.

368

Походный дневник П. А. Белова / «Военно-исторический архив». 2005. № 7 (67). С. 13.

369

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 52.

370

Захаров В. В., Колунтаев С.А. Указ. соч. С. 24. См. также: Русская национальная народная армия / Антипартизанская война в 1941–1945 гг. М.; Минск, 2005. С. 203.

371

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области... С. 67.

372

Журнал боевых действий начальника отдела «Абвер II». Копия / Личный архив И. И. Ковтуна.

373

Уайнберг Г. Район Ельни и Дорогобужа Смоленской области... С. 68.

374

Герасимова С. А. Ржев 42. Позиционная бойня... С. 80.

375

Герасимова С. А. Ржев 42. Позиционная бойня... С. 82.

376

Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht... S. 289; Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab). Bd. II.: 1. Januar 1942 — 31. Dezember 1942. Frankfurt-am-Main, 1963. S. 74.

377

HPSSS... Case 219... P. 1.

378

Селеменев В. Трагедия советских военнопленных в годы Второй мировой войны глазами немецких

военнопленных / *Карнер С., Селеменев В.* Австрийцы и судетские немцы перед советскими военными трибуналами в Беларуси 1945–1950 гг. Грац — Минск, 2007. С. 631.

379

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 355–356; *Залесский К.* Вермахт... С. 345–346.

380

Всенародная борьба в Белоруссии... Т.1. С. 441.

381

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 355–356.

382

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 356.

383

Селеменев В. Трагедия советских военнопленных... С. 631.

384

Sicherungs Division 286 «Kampfgruppe Adler» Abschlussbericht Unternehmen «Adler», 8.8.42, Washington, D.C.: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 649.

385

Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии... С. 244.

386

Sicherungs Division 286 «Kampfgruppe Adler» Abschlussbericht Unternehmen «Adler», 8.8.42, Washington, D.C.: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 649; *Maclean F. L.* The cruel hunters. SS-Sonderkommando Dirlewanger Hitler's most notorious anti-partisan unit. Altgen, 2009. P. 76–77; *Michaelis R.* Der Weg zur 36. Waffen-Grenadier-Division der SS. Rodgau, 2004. S. 31–32.

387

Ibid; Из сообщения № 15 начальника полиции безопасности и СД Германии из занятых восточных областей об антипартизанских операциях в Белоруссии / Трагедия белорусских деревень, 1941–1944: Документы и материалы... С. 50.

388

Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941–1944: справочник. Минск, 2009. С. 178–179, 181; Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. Минск, 1983. С. 514, 522, 528, 531, 550–551, 570, 588; Акушевич Е. Г. Огни в родных лесах. Минск, 1987. С. 72.

389

Ливенцев В. Партизанский край. Минск, 1969. С. 234–235.

390

Sicherungs Division 286 «Kampfgruppe Adler» Abschlussbericht Unternehmen «Adler», 8.8.42, Washington, D.C.: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 649.

391

Ibid; Всенародная борьба в Белоруссии... Т.1. С. 443.

392

Всенародная борьба в Белоруссии... Т.1. С. 443.

393

Sicherungs Division 286 «Kampfgruppe Adler»... Roll 649.

394

Sicherungs Division 286 «Kampfgruppe Adler»... Roll 649.

395

Всенародная борьба в Белоруссии... Т.1. С. 444.

396

Sicherungs Division 286 «Kampfgruppe Adler»... Roll 649.

397

Sicherungs Division 286 «Kampfgruppe Adler»... Roll 649.

398

Sicherungs Division 286 «Kampfgruppe Adler»... Roll 649.

399

Ibid; *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht... S. 289–290.

400

Из сообщения № 15 начальника полиции безопасности и СД Германии из занятых восточных областей об антипартизанских операциях в Белоруссии / Трагедия белорусских деревень... С. 50; Нацистская политика геноцида и «выжженной земли»... С. 244.

401

Sicherungs Division 286 «Kampfgruppe Adler»... Roll 649.

402

Цит. по: *Литвин А. М.* К вопросу о казачьих формированиях вермахта на Беларуси (1941–1944) / Война. Народ. Победа: материалы международной научной конференции. Москва, 15–16 марта 2005 г. М., 2008. С. 295–296.

403

Всенародная борьба в Белоруссии... Т.1. С. 445.

404

См.: Befehl des Kommandierenden Generals der Sicherungstruppen und Befehlshaber im Heeresgebiet Mitte vom 8. August 1942 über geplante Aktionen gegen die sowjetische Partisanenbewegung / *Kühnrich H.* Der Partisanen Krieg in Europa 1939–1945. Berlin, 1965. S. 511–513.

405

Казицкий А. Солдаты Дзержинского... С. 256.

406

Befehl des Kommandierenden Generals der Sicherungstruppen und Befehlshaber im Heeresgebiet Mitte vom 8. August 1942 über geplante Aktionen gegen die sowjetische Partisanenbewegung. S. 512.

407

Нацистская политика геноцида и «выжженной земли»... С. 245; *Kosak K. I.* Franzosen in den Verbänden der Wehrmacht / Täter im Vernichtungskrieg. Der Überfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden. Berlin — München, 2002. S. 161–162; *Кромиади К. Г.* «За землю, за волю!»... С. 95; *Кромиади К. Г.* Русская национальная народная армия... С. 206–207; *Казицкий А.* Коварство «Седой головы»... С. 136; *Campbell St.* Op. cit. P. 47, 61, 81, 95, 103, 126.

408

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии в Белоруссии... С. 356; *Александров К. М.* Офицерский корпус... С. 525.

409

HPSSS... Case 219... P. 1.

410

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 95.

411

Из докладной записки комиссаров партизанских отрядов бригады «Дяди Кости» И. С. Шурмана и Л. И. Селицкого члену Военного совета 4-й Ударной армии секретарю Витебского обкома КП (б) И. А. Стулову о боевой деятельности отряда «Дяди Кости» и формировании бригады от 30 июля 1942 г. / Всенародное партизанское движение в Белоруссии... Т. 1. С. 219–220; Партизанские формирования Белоруссии... С. 234–235, 249–250, 261, 325, 368, 565–567.

412

Цит. по: *Терентьев А. В.* В прифронтовой полосе. Минск, 1990. С. 92.

413

Органы государственной безопасности СССР... Т. 3. Кн. 2. М., 2003. С. 148; *Крушинский А.* Взрывы над Днепром. М., 1963. С. 117.

414

Казицкий А. Солдаты Дзержинского... С. 258.

415

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!» С. 95.

416

Нацистская политика геноцида и «выжженной земли»... С. 245. Из допроса подсудимого И. Рихтера, генерал-лейтенанта, бывшего командира 286-й охранной немецкой дивизии, о расстреле гитлеровцами 100 мирных советских граждан в районе станции Славное в августе 1942 г. от 15 января 1946 г. / Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944. Документы и материалы. Минск, 1965. С. 331–332; *Семенова А. В.* Истребление фашистскими захватчиками населения Белоруссии под предлогом борьбы с партизанами / Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965. С. 380–381.

417

Цит. по: *Литвин А. М.* К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 356.

418

Всенародная борьба в Белоруссии... Т.1. С. 449.

419

Терентьев А. В. В прифронтовой полосе... С. 97.

420

Органы государственной безопасности СССР... Т. 3. Кн. 2. С. 148.

421

Всенародная борьба в Белоруссии... Т.1. С. 450.

422

Campbell St. Op. cit. P. 47.

423

Литвин А. М. К вопросу о казачьих формированиях вермахта на Беларуси... С. 299–300.

424

Всенародная борьба в Белоруссии... Т.1. С. 450–451; Нацистская политика геноцида и «выжженной земли»... С. 247.

425

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 352.

426

Тамаркин В. Л. Это было не во сне. Воспоминания. М.; Иерусалим, 2002. С. 116.

427

Розенблат Е. С. Холокост и антифашистское еврейское сопротивление на белорусской земле / Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память. В 2 кн. Кн. 1. Минск, 2010. С. 218; *Альтман И. А.* Жертвы ненависти: Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002. С. 98–100. Отметим, что в Витебской области, куда входил Оршанский район, было создано 42 гетто, просуществовавших до лета 1942 г. Большинство евреев (95 %) были уничтожены до марта 1942 г. См.: Холокост на территории СССР... С. 164.

428

Ю. Коретти родился 11 февраля 1892 г. в Луттенберге (Штирия). Поступил на срочную военную службу в армию Австро-Венгерской империи 18 августа 1911 г. Участник Первой мировой войны. Воевал в составе 87-го пехотного полка. Дважды был ранен. Войну завершил на должности адъютанта командира 87-го пехотного полка. В первой половине 1920-х гг. командовал подразделениями в составе 9-го и 10-го альпийского егерского полков. В 1930 г. командовал 10-м альпийским егерским полком. В 1936 г. Коретти — инструктор пехотных курсов. В ноябре 1938 г. его перевели в штаб 110-го пехотного полка. С 26 августа 1939 г. по 18 марта 1941 г. командир II батальона 2-го охранного полка. С 18 марта 1941 г. по 5 июля 1942 г. — командир 4-го охранного полка. С 5 июля 1942 г. в резерве ОКХ. С 25 августа до 15 ноября 1942 г. командовал 336-м пехотным полком. 20 ноября 1942 г. Коретти был назначен на должность командующего 700-го полкового штаба восточных войск особого назначения, которым командовал до 20 октября 1944 г. С 20 октября 1944 г. по 22 января 1945 г. в резерве ОКХ. С 22 января 1945 г. начальник общевоинских курсов. 30 января 1945 г. получил воинское звание генерал-майора. 8 мая 1945 г. попал в плен. В 1946 г. был освобожден. Умер 8 августа 1970 г. в Граце.

429

HPSSS... Case 219... P. 2.

430

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 359.

431

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 360.

432

Литвин А. М. К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... В сообщении полиции безопасности и СД № 39 за декабрь 1942 г. отмечалось, что немцы рядом с деревней Шеки вели бой против советских десантников: «7 декабря 1942 г. возле деревни Шеки, 23 км северо-

восточнее гор. Орши, произошел бой между немецкой частью и советскими десанниками». См.: Всенародное партизанское движение в Белоруссии... Т. 2. Минск, 1973. С. 361.

433

Всенародное партизанское движение в Белоруссии... Т. 2. Минск, 1973. С. 361.

434

Всенародное партизанское движение в Белоруссии... Т. 2. Минск, 1973. С. 361.

435

Befehl für das Unternehmen Beresino — Mogilew, 26.12.42, Washington, D.C.: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650; Befehl für die Unterstellung des verst. SS-Sdr.-Batl. Dirlewanger unter die 286. S. D. St. Qu., 25.12.1942, Washington, D.C.: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 853. Л. 93; Партизанские формирования Белоруссии... С. 532–533.

436

Befehl für das Unternehmen Beresino — Mogilew... Roll 650.

437

Befehl für das Unternehmen Beresino — Mogilew... Roll 650.

438

Batallions-Befehl. O.U.d., 28.12.42, Washington, D.C.: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650; *Литвин А. М.* К вопросу о создании и деятельности Русской национальной народной армии... С. 362; *Michaelis R.* Der Weg zur 36. Waffen-Grenadier-Division der SS... S. 36.

439

HPSSS... Case 220... P. 10.

440

Kampfgruppe Kutschera, I a, Einsatzbefehl, 4.1.43, Washington, D.C: National Arhives Microfilm Publication T354, Roll 650.

441

Kampfgruppe Kutschera, I a, Einsatzbefehl, 4.1.43, Washington, D.C: National Arhives Microfilm Publication T354, Roll 650.; *Pontolillo J.* Murderous Elite: The Waffen-SS and it's complete record of war crimes. Stockholm: Leandoer and Ekholm Publishing, 2009. P. 317. Об участии двух русских батальонов в операции «Франц»

говорится в донесении командующего группой армий «Центр» оперативному управлению Генерального штаба ОКХ о борьбе с партизанами в январе 1943 г. См.: Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии... С. 73.

442

Kampfgruppe Kutschera, I a, Einsatzbefehl, 4.1.43, Washington, D.C: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650; SS-Sonderbataillon Dirlewanger, Befehl, 5.1.43, Washington, D.C: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650.

443

Kampfgruppe Kutschera, I a, Einsatzbefehl, 4.1.43, Washington, D.C: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650.

444

Kampfgruppe Kutschera, I a, Einsatzbefehl, 4.1.43, Washington, D.C: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650.

445

Kampfgruppe Kutschera, I a, Einsatzbefehl, 4.1.43, Washington, D.C: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650.

446

Kampfgruppe Kutschera, I a, Einsatzbefehl, 4.1.43, Washington, D.C: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650.

447

Kampfgruppe Kutschera, I a, Einsatzbefehl, 4.1.43, Washington, D.C: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650.

448

Партизанские формирования Белоруссии... С. 428–430, 432, 554–557, 559, 588.

449

Ливенцев В. И. Указ. соч. С. 317–318.

450

Ливенцев В. И. Указ. соч. С. 320.

451

Die Feindbanden im Waldgelände... Gef.St. Alt-Retschki, 11.1.43, Washington, D.C: National Archives Microfilm Publication T354, Roll 650. См. также: *Michaelis R.* Der Weg zur 36. Waffen-Grenadier-Division der SS. S. 38.

452

Die Feindbanden im Waldgelände... T354, Roll 650; Из приказа командира бригады и генерал-майора полиции Кучера о захвате скота, урожая и рабочей силы в ходе операции «Франц» / Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии... С. 69–70.

453

Die Feindbanden im Waldgelände... T354, Roll 650; *Ливенцев В. И.* Указ. соч. С. 327.

454

Сведения о количестве сожженных домов и числе убитых жителей в населенных пунктах Осиповичского и Червенского районов с 6 по 15 января 1943 г. / Трагедия белорусских деревень... С. 85–86. См. также: Die Feindbanden im Waldgelände... T354, Roll 650.

455

Нацистская политика геноцида и «выжженной земли»... С. 250–251; Сведения о количестве сожженных домов и числе убитых жителей в населенных пунктах Осиповичского и Червенского районов... С. 85–86; Die Feindbanden im Waldgelände... T354, Roll 650. В январе 1943 г. генерал Шенкендорф сообщил командующему группы армий «Центр», что в ходе операций «Франц», «Петер» и «Лесная зима» в районе Минск — Бобруйск — Могилев уничтожено более 5000 партизан, 2000 человек депортировано в рейх для принудительного труда. См.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht... S. 292; *Gerlach Chr.* Op. cit. S. 900, 1012.

456

HPSSS... Case 219... P. 2.

457

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 120.

458

Схема: Восточные формирования в тыловых районах групп армий «Север» и «Центр» (май — июнь 1943 г.) / *Дробязко С. И.* Под знаменами врага... С. 213.

459

«Однажды военнослужащие Французского легиона, находившегося на немецкой службе, окружили деревню Красное и расстреляли всех жителей лишь потому, что в этой местности были замечены партизаны. В итоге единственным спасением для жителей часто было бегство в лес».

См.: HPSSS... Case 220... P. 8, 10.

Ср. с описанием этого же эпизода у Грачева: *«В другой раз я столкнулся с немецким полковником и французскими добровольцами, которые готовились сжечь деревню. Я сказал им: „Если вы это сделаете, я со своим подразделением уйду. Какой смысл в этих поджогах?“ Немецкий полковник в конце концов согласился со мной. Мы постоянно слышали, что при поджогах деревень особенно отличалась часть полковника Гиля».* См.: HPSSS... Case 219... P. 7.

460

См.: Жуков Д. А., Ковтун И. И. 1-я Русская бригада СС «Дружина»... С. 146.

461

HPSSS... Case 220... P. 10.

462

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 2. С. 525.

463

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 82.

464

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 468.

465

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 101;

Дробязко С. И. Под знаменами врага... С. 535–536;

Дробязко С. И. Вторая мировая война... С. 15–16;

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 212;

Чуев С. Г. Проклятые солдаты... С. 61.

466

Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны

1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 20 (9). М., 1999. С. 18.

467

См.: Жуков Д. А., Ковтун И. И. 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М., 2009. С. 54–55.

468

Цит. по: Литвин А. М. К вопросу о казачьих формированиях вермахта на Беларуси... С. 296.

469

Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье... С. 248.

470

Жилянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И. Указ. соч. С. 316.

471

Калинин П. З. Указ. соч. С. 177.

472

Лобанок В. Е. До последней капли крови / Герои подполья... С. 115; Аникеев Л. Тайна фашистских концлагерей. М., 2005. С. 30–31.

473

Лобанок В. Е. Неугасимое пламя народной войны / Непокоренная Белоруссия. Воспоминания и статьи о всенародном партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1963. С. 79–80.

474

Калинин П. З. Партизанская республика... С. 189.

475

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 58.

476

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 59; Калинин П. З. Указ. соч. С. 190.

477

Жилянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И. Указ. соч. С. 317.

478

См.: *Кромиади К. Г.* Указ. соч. С. 85.

479

Органы государственной безопасности СССР... Т. 3. Кн. 2. С. 145–146; *Кожин С. В.* Как погиб Константин Заслонов... С. 41; Высшее партизанское командование Белоруссии... С. 126.

480

Лобанок В. Е. До последней капли крови... С. 117; *Калинин П. З.* Указ. соч. С. 190.

481

Калинин П. З. Указ. соч. С. 190.

482

Последний бой Заслонова / Личный архив *И. И. Ковтуна*. С. 1.

483

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С.67; *Калинин П. З.* Указ. соч. С. 193.

484

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 853. Л. 87–88.

485

Казицкий А. Солдаты Дзержинского... С. 255.

486

Казицкий А. Солдаты Дзержинского... С. 255; *Казицкий А.* Коварство «Седой головы»... С. 134.

487

Казицкий А. Солдаты Дзержинского... С. 255; *Казицкий А.* Коварство «Седой головы»... С. 135; Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 10, 20.

488

Цит. по: *Казицкий А.* Солдаты Дзержинского... С. 256.

489

Органы государственной безопасности СССР... Т. 3. Кн. 2. С. 317–318; Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 480.

490

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. С. 480.

491

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 68; *Калинин П. З.* Указ. соч. С. 194; *Казицкий А.* Коварство «Седой головы»... С. 135; *Кромиади К. Г.* «За землю, за волю»... С. 96.

492

Захаров В. В., Колунтаев С. А. Указ. соч. С. 71. *Дробязко С. И.* Вторая мировая война... С. 24; *Окороков А. В.* Антисоветские воинские формирования... С. 79; *Кожин С.* Указ. соч. С. 44.

493

Цит. по: Последний бой Заслонова... С. 1.

494

Жилянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И. Указ. соч. С. 317.

495

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 96.

496

Калинин П. З. Указ. соч. С. 194–195.

497

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 69–70.

498

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 68.

499

Жилянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И. Указ. соч. С. 317.

500

HPSSS... Case 219... P. 9.

501

HPSSS... Case 220... P. 13.

Чуть ниже сообщается: «Информатор (т. е. Каштанов. — Примеч. авт.) вспоминает, как однажды он получил от партизан письмо с предложением перейти на их сторону. Он не обратил на это послание никакого внимания. По словам информатора, очень многие партизаны часто появлялись возле их расположения днем, без оружия и в гражданской одежде. Многие бойцы РННА встречались с ними, беседовали и в результате были неплохо осведомлены об обстановке в партизанских отрядах». Ibid.

502

Кожин С. Указ. соч. С. 44; Высшее партизанское командование Белоруссии... С. 126.

503

Последний бой Заслонова... С. 2;

Крушинский А. Взрывы над Днепром... С. 129–130.

504

Крушинский А. Взрывы над Днепром... С. 129–130.

505

Крушинский А. Взрывы над Днепром... С. 129–130.; Кожин С. Указ. соч. С. 45; Крушинский А. Взрывы над Днепром... С. 130–132.

506

Цит. по: Последний бой Заслонова... С. 4.

507

HPSSS... Case 219... P. 2–3.

508

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 100.

509

HPSSS... Case 219... P. 2;

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 110–111.

510

Партизанские формирования Белоруссии... С. 317–319;

Шиманский М. Иван Шлапаков — личный враг Гитлера / «Республика». 2010. № 22 (4934). С. 3.

511

Шиманский М. Иван Шлапаков — личный враг Гитлера / «Республика». 2010. № 22 (4934). С. 3;

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 111.

512

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 112.

513

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 113.

514

Шиманский М. Иван Шлапаков... С. 3.

515

Князьков А. С., Чернов Ю. И. В период коренного перелома / Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский; М., 2001. С. 166.

516

Тамаркин В. Л. Это было не во сне... С. 328–329.

517

Из отчета комиссара партизанского соединения «Тринадцать» о партийно-политической работе в соединении за период с апреля 1942 года по 1 июня 1944 года / Партизанская борьба с немецко-

фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943. Документы и материалы. Смоленск, 1962. С. 477.

518

См.: *Кромиади К. Г.* «За землю, за волю!»... С. 100. Жилинин, Позняков и Лузгин также пишут о переходе в конце февраля 1943 г. 300 человек на сторону партизан. См.: *Жилинин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И.* Указ. соч. С. 318.

519

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 113.

520

HPSSS... Case 219... P. 3.

521

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 113.

522

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 116.

523

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 120; *Шиманский М.* Иван Шлапаков... С. 3.

524

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 120.

525

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 2. С. 422.

526

HPSSS... Case 220... P. 10.

527

Ibid. Представляют интерес и следующие данные, содержащиеся в опросе Каштанова: «Один из родственников жены информатора (то есть Каштанова. — Примеч. авт.) был партизаном. Однажды он передал через жену информатора просьбу не атаковать его партизанский отряд. Естественно, если

бы немцы узнали об этом, информатор оказался бы в сложном положении. В итоге он никому ничего не рассказал, но и не предпринял никаких действий. С другой стороны, информатор попытался убедить этих партизан перейти на сторону его подразделения... Прежде чем информатор был переведен во Францию, к нему за советом пришел его свояк. Он не мог больше продолжать службу, так как был болен остеомиелитом. Информатор вручил ему винтовку и патроны, и посоветовал ему идти к партизанам». Ibid.

528

HPSSS... Case 220... P. 10.

529

Органы государственной безопасности СССР... Т. 3. Кн. 2. С. 318.

530

Севостьянов Г. Н., Жуковская В. И. За линией фронта. Минск, 1981. С. 210.

531

Тамаркин В. Л. Это было не во сне... С. 328–329.

532

Жилянин Я. А., Позняков И. Б., Лузгин В. И. Указ. соч. С. 317;

Калинин П. З. Указ. соч. С. 194;

Шмуглевский С. П. Рядовые подполья... С. 68.

533

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 92–93;

HPSSS... Case 220... P. 12.

Фамилию Князева упоминает в своей работе и Гофман. См.: *Гофман И.* Власов против Сталина... С. 370.

534

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 93.

535

Среди фамилий партизанских командиров, чьи формирования в разное время воевали на оккупированной территории Витебской области, встречается упоминание о начальнике штаба 3-го отряда 1-й Смоленской бригады Петре Константиновиче Князеве. Однако с октября 1942 г. по февраль 1943 г.

бригада дважды выходила в советский тыл, и ее личный состав проверялся компетентными органами. Само же появление бригады на территории Витебской области относится к августу 1943 г. См.: Партизанские формирования Белоруссии... С. 343–347.

536

Российское зарубежье во Франции... Том второй... С. 389.

537

Скорее всего, они работали в ведомстве Гелена. Испанский историк К. Юрадо пишет: *«Русских офицеров, которые были душой РННА, разогнали. Некоторые из них оказались в Берлине, где они стали сотрудничать в отделе „Иностранные армии Востока“»*. См.: Jurado C. C. Against Stalin and Stalinism, Count Grigori von Lamsdorf / «Axis Europa» (New York). 1998. № 15. P. 18.

538

Вронская Д. Похождения графа Ламсдорфа... С. 15. В интервью на «Радио Свобода» Ламсдорф также отмечал, что они *«в Берлине мечтали о том, чтобы вернуться... в Россию»*.

539

Кромиади К. Г. Формирование РОА на фронте / «Новый журнал». 1975. Кн. 121. С. 178.

540

Шелленберг В. Указ. соч. С. 265–266.

541

Самутин Л. А. Указ. соч. С. 104.

542

Стеенберг С. Указ. соч. С. 124. Ср. с переводом А. Колина: *«Между тем сплотившаяся вокруг Гиль группа занималась, в основном, тем, что пьянствовала, гонялась за юбками и играла в карты. Гиль все больше и больше пренебрегал своими обязанностями командира, многие офицеры в бригаде были разочарованы его стилем руководства»* (Штеенберг С. Указ. соч. С. 149).

543

Г. Шиндовски родился в 1904 г. в Кёнигсберге. В нацистской партии не состоял. В 1941 г. служил в айнзатцкоманде А. См.: McLean F. The Field men. The SS officers who led the Einsatzkommandos — the Nazi mobile killing units. Atglen, PA, 1999. 168 p.

544

Цит. по: *Окороков А. В.* Антисоветские воинские формирования... С. 83.

545

Кромиади К. Г. Формирование РОА на фронте... С. 180–181.

546

К примеру, в ходе судебного заседания военной коллегии Верховного суда СССР 30 июля 1946 г. подсудимый А. А. Власов заявил: *«Жиленков не совсем точно рассказал суду о своей роли в его связях с СС. В частности, он показал суду, что лишь по моему указанию он связался с представителем СС. Это не совсем так. Жиленков первый имел связь с представителями СС, и именно благодаря его роли я был принят Гиммлером»*. Цит. по: *Коняев Н.* Два лица генерала Власова. Жизнь, судьба, легенды. М., 2001. С. 416.

547

Как следует из протокола допроса агента «Цеппелина» Таврина, Жиленков принимал участие в разработке плана по покушению на Сталина. См.: *Дегтярев К., Колпакиди А.* СМЕРШ... С. 540–541.

548

См., например: *Назаров М. В.* Миссия русской эмиграции... С. 306. А. С. Казанцев нашел нужным указать лишь то, что СС были «инициатором» создания «Дружины» и «контрагентом в переговорах» (Указ. соч. С. 128).

549

Самутин Л. А. Указ. соч. С. 134.

550

Кромиади К. Г. Формирование РОА на фронте... С. 181–182.

551

Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования... С. 85.

552

Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования... С. 87; *Ковалев Б. Н.* Деятельность немецких разведывательных, контрразведывательных и пропагандистских служб на Северо-западе России / Контрразведка: вера и сегодня. Материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию

Победы в Великой Отечественной войне. 26 апреля 2000 года. Великий Новгород, 2000. С. 73–74;
Дробязко С. И. Вторая мировая война 1939–1945: Русская освободительная армия... С. 33.

553

Полчанинов Р. В. Молодежь Русского зарубежья. Воспоминания 1941–1951. М., 2009. С. 136–137.

554

О. Краус родился в 1906 г. в Риге. По специальности — архитектор. В 1933–1934 гг. служил в латышской армии. В СС вступил в июне 1940 г. В нацистской партии не состоял. Свободно владел русским языком. В 1941–1942 гг. служил в айнзатцкомандах А (переводчиком) и 2 (командиром охранного отделения). Затем служил в дистрикте СС «Варта», после чего переведен в штат «Цеппелина» (информация любезно предоставлена кандидатом исторических наук Р. О. Пономаренко).

555

Самутин Л. А. Указ. соч. С. 134. Любопытно, что К. Кромиади довольно неубедительно пытается отрицать тесную связь части с СД. Он пишет, что «*на новом месте*» начальство из СД «*нами почти не интересовалось... В Стремутке мы были предоставлены сами себе*» (Указ. соч. С. 95).

556

Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования... С. 89.

557

Александров К. М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова... С. 703–704.

558

Дробязко С. И. Вторая мировая война... С. 14.

559

Дробязко С. И. Под знаменами врага... С. 525, 535.

560

Цит. по: *Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К.* Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2009. С. 510.

561

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 212; *Чуев С. Г.* Проклятые солдаты. С. 61.

562

Дробязко С. И. Под знаменами врага... С.535–536.

563

См.: *Кромиади К. Г.* «За землю, за волю»... С. 101.

564

Ehefrauen von Angehörigen der Russischen Befreiungsarmee wenden sich an einen General mit der Bitte, sich für die Verbesserung ihrer Arbeits— und Lebensumstände einzusetzen (6.5.1944). BArch, R 55 [Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda] / 21347. S. 1–2.

565

Захаров В. В., Колунтаев С.А. Указ. соч. С. 73.

566

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 477.

567

Цит. по: *Коняев Н.* Указ. соч. С. 358.

568

Александров К. М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб., 2003. С. 140; *Захаров В. В., Колунтаев С.А.* Указ. соч. С. 74.

569

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 174–175.

570

Гофман И. Указ. соч. С. 111. См. также: *Грибков И. В., Жуков Д. А., Ковтун И. И.* Особый штаб «Россия»... С. 298–302.

571

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 283–284; *Александров К. М.* Против Сталина... С. 140.

572

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 402.

573

Штрик-Штрикфельд В. К. Указ. соч. С. 321–322; Гофман И. Указ. соч. С. 68; Кромиади К. Г. «За землю, за волю!»... С. 185. По одной из версий, уже после войны бывший русский следователь гестапо из спецгруппы «Комет» Иосиф Дедио сообщил бывшему главе НТС В. М. Байдалакову, что Зыкова и его адъютанта, профессора Ножина, арестовали сотрудники тайной государственной полиции Рейха и направили в концлагерь Заксенхаузен, где их допрашивал Дедио. См.: Чуев С. Власовцы — пасынки Третьего рейха. М., 2006. С. 277.

574

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 403; Казанцев А. С. Указ. соч. С. 155.

575

Штрик-Штрикфельд В. К. Указ. соч. С. 324.

576

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 403.

577

Чуев С. Власовцы — пасынки Третьего рейха... С. 294.

578

Чуев С. Власовцы — пасынки Третьего рейха... С. 294.

579

Александров К. М. Против Сталина... С. 92; Александров К. М. Офицерский корпус... С. 404. 23 мая 1943 г. в газете «Новый путь», издававшейся Управлением делами Русской эмиграции в Сербии, было напечатано интервью «ближайшего сотрудника» генерала Власова. Имя его прямо не называлось, но, как считает исследователь Ю. Цурганов, это был Жиленков. На вопрос доктора Н. Маринковича: «Желаете ли вы привлечь к ведущейся вами борьбе и русскую эмиграцию?» — интервьюер ответил: «Русская эмиграция, по нашему мнению, вообще не существует. Она потеряла всякую связь с совершающимся сейчас в России. Поэтому она не может уловить то, что в настоящий момент является самым важным. Поскольку эмиграция и дальше придерживается своих старых принципов, мы не можем войти с ней в связь». Цит. по: Цурганов Ю. С. Указ. соч. С. 167.

580

Китаев М. Русское Освободительное Движение / Материалы к истории освободительного движения народов России (1941–1945). Вып. I. Лондон (Онтарио), 1970. С. 39, 77.

581

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 405.

582

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 405–406.

583

Ауски С. Предательство и измена: Войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско, 1982. С. 62–63.

584

Гофман И. Указ. соч. С. 203; Александров К. М. Против Сталина... С. 143–144.

585

Гофман И. Указ. соч. С. 204.

586

Дробязко С. И. Под знаменами врага... С. 316; Александров К. М. Против Сталина... С. 146; Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004. С. 310.

587

Цит. по: Ауски С. Указ. соч. С. 63.

588

Геббельс Й. Дневники 1945 года: Последние записи. Смоленск, 1993. С. 115.

589

Ламсдорф вспоминал: «Была ранняя весна, февраль — март 1945 года. Неожиданно я встретил Скорцени. Приезжаю к нему и вижу — на дереве висят двое эсэсовцев. Мы назад. Говорю своим людям: ребята, здесь советские. Но какие там могли быть советские? Оказывается, Скорцени их повесил за то, что отступили без приказа. Потом, много позже, в 1960-е годы, я возил одного немецкого журналиста к Скорцени в Мадрид. В конце войны он бежал к Франко и жил там. Я знал, где он живет».

См.: Вронская Д. Указ. соч. С. 17.

590

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 741;

Ауски С. Указ. соч. С. 388;

Штеенберг С. Генерал Власов. М., 2005. С. 240.

591

Александров К. М. Армия генерала Власова 1944–1945. М, 2006. С. 149–150;

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 741;

Tieke W. Das Ende zwischen Oder und Elbe. Der Kampf um Berlin 1945. Stuttgart, 1981. S. 500–501.

592

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 742–743.

593

Кромиади К. Г. «За землю, за волю!». С. 146–147, 207–209;

Гофман И. Указ. соч. С. 55, 101.

594

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 527.

595

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 527.

596

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 527. С. 528.

597

Александров К. М. Против Сталина... С. 120.

598

Александров К. М. Армия генерала Власова... С. 309; *Ауски С.* Указ. соч. С. 136.

599

Структура и деятельность органов германской разведки... С. 383.

600

Анзимиров Г. Конец «Седой головы» / «Смена» (Москва). 1960, № 20. С. 19.

601

Александров К. М. Против Сталина... С. 321.

602

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 360.

603

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 515.

604

Александров К. М. Против Сталина... С. 110, 137.

605

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 374.

606

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 148, 352–353, 476–477, 740, 919.

607

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 705.

608

Александров К. М. Офицерский корпус... С. 175.

609

В 1960-е гг. Кромиади вышел на пенсию. Жил в Мюнхене. Умер 25 апреля 1990 г.

610

Памфлетист Г. Анзимиров описывал его так: *«Во время XVI Олимпийских игр, проходивших в Мельбурне, около советских спортсменов вертелся какой-то обрюзгший, лысоватый человек,*

именовавший себя „русским консулом“. Он распространял вокруг себя запах водочного перегара и выкрикивал антисоветские бредни. Это был Игорь Сахаров».

См.: Анзимиров Г. Конец «Седой головы» / «Смена». 1960, № 20. С. 19.

611

Нивьер А. Указ. соч. С. 151–152.

612

Соболевский умер 23 июля 1983 г. в Монморанси, Пален — 29 марта 1991 г. в Париже. См.: Российское зарубежье во Франции... Т. 1. С. 314; Т. 2. С. 389; Т.3. С. 150.

613

Коханко В. П. Оршанщина в первые мирные дни / Выстояли и победили: свидетельствуют архивы. Витебск, 2005. С. 33.